

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ **2** 1933 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
3-й ГОД ИЗДАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

И. СТАЛИН О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ (РЕЧЬ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ПЛЕНУМЕ ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 ЯНВАРЯ 1933 г.)	2
Л. МЕХЛИС ПЛЕНУМ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОБЕД	10
Б. ВОЛИН СТРОКИ, ПОЛНЫЕ НЕПОДДЕЛЬНОЙ СКОРБИ И МУЖЕСТВА	20
М. ГОЛЬДЕНБЕРГ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ“ ГЕРМАНИИ	23
Л. ИВАНОВ К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ ДОЛГАХ	47
Е. ДРАБНИНА КАК ФАЛЬСИФИЦИРУЮТ ИСТОРИЮ	57
Г. БЫНОВ АНГЛИЙСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС ВО ВТОРОЙ ПОЛОЗИНЕ XVIII ВЕКА И В ПЕРВОЙ ПОЛОЗИНЕ XIX ВЕКА	78
ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ	
П. АНАТОЛЬЕВ ИЗ ИСТОРИИ СТАЧЕК В РОССИИ (МАТЕРИАЛЫ ПО СТАЧЕЧНОМУ ДВИЖЕНИЮ РАБЧИХ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 70-х гг.)	96
ДОКУМЕНТЫ	
Р. ЛЕВИНЕ ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ В ГЕРМАНИИ	110
ЕВГЕНИЙ ЛЕВИНЕ ДОКЛАД О РАБОТЕ СЪЕЗДА СРД И ЗАДАЧАХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ФАБЗАВКУМОВ	120
БИБЛИОГРАФИЯ	
Л. И. Ф. П. МАТВЕЕВ. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ДЕПУТАТА 176-го ПЕХОТ- НОГО ПОЛКА.	127

И. Ч. П.
Название истории

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: **И. Ч. ПОКРОВСКИЙ.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. ВОЛИН** (зам. ответственного редактора),
Л. МЕХЛИС, А. ПАНКРАТОВА, И. ТОКИН (ответственный секретарь)

О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ

(Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1953 г.)

И. СТАЛИН

Товарищи! Я думаю, что ораторы правильно обрисовали состояние партийной работы в деревне, ее недостатки, ее достоинства, — особенно ее недостатки. И все же мне кажется, что они не сказали самого главного насчет недостатков нашей работы в деревне, не вскрыли корней этих недостатков. А между тем эта сторона представляет для нас наибольший интерес. Позвольте поэтому высказать свое мнение о недостатках нашей работы в деревне, высказать со всей той прямоотой, которая свойственна большевикам.

В чем состоит главный недостаток нашей работы в деревне за последний год, за 1932 год?

Главный недостаток состоит в том, что хлебозаготовки в этом году прошли у нас с большими трудностями, чем в предыдущем году, чем в 1931 году.

Объяснить это плохим состоянием урожая никак нельзя, потому что урожай у нас был в этом году не хуже, а лучше, чем в предыдущем году. Никто не может отрицать, что валовой сбор хлебов в 1932 г. был больше, чем в 1931 г., когда засуха в 5 основных районах Северо-Востока СССР значительно сократила хлебный баланс страны. Конечно мы и в 1932 г. имели некоторые потери урожая вследствие неблагоприятных климатических условий на Кубани и Тереке, а также в некоторых районах Украины. Но не может быть сомнения в том, что эти потери не составляют и половинной доли тех потерь, которые имели место в 1931 г. в силу засухи в северо-восточных районах СССР. Стало быть в 1932 г. хлеба у нас было в стране больше, чем в 1931 г. И все же, несмотря на это обстоятельство, хлебозаготовки прошли у нас в 1932 г. с большими затруднениями, чем в предыдущем году.

В чем тут дело? Где причина этого недостатка нашей работы? Чем объяснить это несоответствие?

1. Объясняется это прежде всего тем, что наши товарищи на местах, наши деревенские работники не сумели учесть новой обстановки в деревне, созданной объявлением колхозной торговли хлебом. И именно потому, что они не учли новой обстановки, именно поэтому они не сумели перестроиться на новый лад применительно к новой обстановке. Пока не было колхозной торговли хлебом, пока не было двух цен на хлеб, государственной и рыночной, — обстановка в деревне была одна. С объявлением колхозной торговли хлебом обстановка должна была измениться круто, ибо объявление колхозной торговли означает легализацию рыночной цены на хлеб, более высокой, чем установленная государственная цена. Нечего и доказывать, что это обстоятельство должно было создать у крестьян известную сдержанность в деле сдачи хлеба государству. Крестьянин прикидывал так: «объявлена колхозная торговля хлебом, легализована рыночная цена, на рынке я могу за то же количество хлеба получить больше, чем при сдаче хлеба государству, — стало быть, ежели я не дурак, я должен хлеб попридержать, сдавать его государству меньше, оставить его для колхозной торговли больше и таким образом добиться того, чтобы выручить больше за то же количество проданного хлеба».

Самая простая и естественная логика!

Но беда тут состоит в том, что наши деревенские работники, во всяком случае многие из них, не поняли этой простой и естественной вещи. Чтобы не сорвать заданий советской власти, коммунисты должны были при этой новой обстановке с первых же дней уборки, еще в июле месяце 1932 г., — они должны были всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки. Этого требовала обстановка. А как они поступили на деле? Вместо того, чтобы подгонять хлебозаготовки, они стали подгонять образование всякого рода фондов, усиливая тем самым сдержанность сдатчиков хлеба в деле выполнения их обязанностей перед государством. Не поняв новой обстановки, они стали бояться не того, что сдержанность крестьян в деле хлебосдачи может затормозить хлебозаготовки, а стали бояться того, что крестьяне не догадятся попрिдержать хлеб для вывоза его потом на рынок по линии колхозной торговли и, чего доброго, возьмут да и сдадут весь свой хлеб на элеваторы.

Иначе говоря, наши деревенские коммунисты, по крайней мере большинство из них, раскусили колхозную торговлю лишь с ее положительной стороны, поняли и усвоили ее положительную сторону, но совершенно не поняли и не усвоили отрицательных сторон колхозной торговли, — не поняли того, что отрицательные стороны колхозной торговли могут причинить большой вред государству, если они, т. е. коммунисты, не начнут с первых же дней уборки хлеба подгонять во всю хлебозаготовительную кампанию.

И эта ошибка была допущена не только работниками в колхозах. Она была допущена также директорами совхозов, которые, преступно придерживая хлеб, подлежащий сдаче государству, стали продавать его на сторону по более высокой цене.

Учитывали ли Совнарком и ЦК эту новую обстановку, сложившуюся в связи с колхозной торговлей хлебом, в известном своем постановлении о разворачивании колхозной торговли? Да, учитывали. В этом постановлении прямо говорится, что колхозную торговлю хлебом можно открыть лишь после того, как будет выполнен целиком и полностью план хлебозаготовок и будут собраны семена. Там прямо сказано, что только после окончания хлебозаготовок и засыпки семян, примерно к 15 января 1933 г., — только после выполнения этих условий можно будет открыть колхозную торговлю хлебом. Этим своим постановлением Совнарком и ЦК как бы говорили нашим деревенским работникам: не заслоняйте своего внимания заботой о фондах и запасах всякого рода, не отвлекайтесь от главной задачи, разверните хлебозаготовки с первых же дней уборки и форсируйте их, ибо первая заповедь — выполнение плана хлебозаготовок, вторая заповедь — засыпка семян, и только после выполнения этих условий можете начать и разворачивать колхозную торговлю хлебом.

Ошибка Политбюро ЦК и Совнаркома состояла, может быть, в том, что они недостаточно настойчиво подчеркнули эту сторону дела и недостаточно громко предупредили наших деревенских работников об опасностях, таившихся в колхозной торговле. Но что они об этих опасностях предупредили, и предупредили достаточно ясно, — в этом не может быть никакого сомнения. Надо признать, что ЦК и Совнарком несколько переоценили ленинскую закалку и прозорливость наших работников на местах, не только районных, но и ряда областных.

Может быть не надо было объявлять колхозную торговлю хлебом? Может быть это была ошибка, особенно, если иметь в виду то обстоятельство, что колхозной торговле присущи не только положительные, но и некоторые отрицательные стороны?

Нет, это не было ошибкой. Ни одно революционное мероприятие не гарантировано от некоторых отрицательных сторон, если оно проводится неправильно. То же самое надо сказать о колхозной торговле хле-

бом. Колхозная торговля нужна и выгодна как деревне, так и городу, как рабочему классу, так и крестьянству. И именно потому, что она выгодна, ее надо было ввести.

Чем руководствовались Совнарком и ЦК, вводя колхозную торговлю хлебом?

Прежде всего тем, чтобы расширить базу товарооборота между городом и деревней и улучшить снабжение рабочих сельскохозяйственными продуктами, а крестьян — городскими изделиями. Не может быть сомнений, что одной лишь государственной и кооперативной торговли для этого недостаточно. Эти каналы товарооборота нужно было дополнить новым каналом — колхозной торговлей. И мы их дополнили, введя колхозную торговлю.

Они руководствовались, далее, тем, чтобы при помощи колхозной торговли хлебом дать колхознику добавочный источник дохода и укрепить его экономическое положение.

Они руководствовались наконец тем, чтобы введением колхозной торговли дать крестьянину новый толчок для улучшения работы колхозов как по линии сева, так и по линии уборки.

Вы знаете, что все эти соображения Совнаркома и ЦК целиком и полностью подтвердились фактами из жизни колхозов за последнее время. Усиление процесса укрепления колхозов, прекращение выходов из колхозов, нарастающая тяга единоличников в колхозы, стремление колхозников принимать новых членов с большим разбором, — все это и многое подобное с несомненностью говорят о том, что колхозная торговля не только не ослабила, а наоборот, усилила и упрочила положение колхозов.

Стало быть, недочеты нашей работы в деревне объясняются не колхозной торговлей, а не всегда правильным ее проведением, неумением учесть новую обстановку, неумением перестроить свои ряды применительно к новой обстановке, созданной объявлением колхозной торговли хлебом.

2. Вторая причина недостатков нашей работы в деревне состоит в том, что наши товарищи на местах, — и не только эти товарищи, — не поняли изменения условий нашей работы в деревне, происшедшего в связи с утверждением господствующего положения колхозов в основных хлебных районах. Мы все радуемся тому, что колхозная форма хозяйства стала господствующей формой в наших хлебных районах. Но не все понимают того, что это обстоятельство не уменьшает, а увеличивает наши заботы и нашу ответственность в деле развития сельского хозяйства. Многие думают, что коль скоро достигнуто, скажем, 70 или 80 проц. коллективизации в том или ином районе, в той или иной области, то этим уже все дано, и мы можем предоставить дело естественному ходу вещей, предоставить дело самотеку, полагая, что коллективизация сама сделает свое дело, сама подымет сельское хозяйство. Но это глубокое заблуждение товарищи. На самом деле, переход к коллективному хозяйству, как преобладающей форме хозяйства, не уменьшает, а увеличивает наши заботы о сельском хозяйстве, не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле подъема сельского хозяйства. Самотек теперь больше чем когда-либо опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело.

Пока в деревне преобладал единоличный хозяин, партия могла ограничить свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения. Тогда единоличник сам должен был заботиться о своем хозяйстве, ибо ему не на кого было взвалить ответственность за это хозяйство, которое было лишь его личным хозяйством, и не на кого было рассчитывать, кроме себя самого. Тогда единоличник должен был сам заботиться о севе, об уборке и вообще обо всех процессах сельскохозяйственного труда, если он не хотел остано-

ся без хлеба и стать жертвой голода. С переходом на коллективное хозяйство дело существенно изменилось. Колхоз не есть единоличное хозяйство. Колхозники так и говорят теперь: «Колхоз мой и не мой, он мой, но вместе с тем он принадлежит Ивану, Филиппу, Михаилу и другим членам колхоза, колхоз общий». Теперь он, колхозник, вчерашний единоличник и сегодняшний коллективист, — теперь он может взвалить ответственность и может рассчитывать на других членов колхоза, зная, что колхоз не оставит его без хлеба. Поэтому забот у него, у колхозника, стало меньше, чем при индивидуальном хозяйстве, ибо заботы и ответственность за хозяйство распределены ныне между всеми колхозниками.

Что же из этого следует? А из этого следует то, что центр тяжести ответственности за ведение хозяйства переместился теперь от отдельных крестьян на руководство колхоза, на руководящее ядро колхоза. Теперь крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза, или, вернее, не столько от самих себя, сколько от руководства колхоза. А что это значит? Это значит, что партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу и помочь колхозникам вести свое хозяйство вперед на основе данных науки и техники.

Но это не все. Колхоз есть крупное хозяйство. Но крупное хозяйство нельзя вести без плана. Крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда и тысячи дворов, может вестись лишь в порядке планового руководства. Без этого оно должно погибнуть и развалиться. Вот вам ещё одно новое условие при колхозном строе, в корне отличающееся от условий ведения единоличного мелкого хозяйства. Можно ли предоставить ведение такого хозяйства так называемому естественному ходу вещей, самотеку? Ясно, что нельзя. Чтобы вести такое хозяйство, надо обеспечить колхоз известным минимумом элементарно грамотных людей, способных планировать хозяйство и вести его организованно. Понятно, что без систематического вмешательства со стороны советской власти в дело колхозного строительства, без ее систематической помощи наладить такое хозяйство невозможно.

А что из этого следует? А из этого следует то, что колхозный строй не уменьшает, а увеличивает заботы и ответственность партии и правительства в отношении развития сельского хозяйства. Из этого следует, что партия, если она хочет руководить колхозным движением, должна входить во все детали колхозной жизни и колхозного руководства. Из этого следует, что партия должна не уменьшать, а умножать свои связи с колхозами, что она должна знать все происходящее в колхозах, чтобы во-время прийти на помощь и предупредить грозящие колхозам опасности.

А что мы видим на деле? На деле мы видим оторванность целого ряда районных и областных организаций от жизни колхозов, от их запросов. Сидят люди в канцеляриях и самодовольно скрипят перьями, не замечая, что развитие колхозов идет мимо бюрократических канцелярий. В отдельных случаях оторванность от колхозов доходила до того, что некоторые члены краевых организаций узнавали о делах в колхозах у себя в крае не от соответствующих районных организаций, а от членов ЦК в Москве. Это печально, но это факт, товарищи. Переход от индивидуального хозяйства к колхозам должен был привести к усилению руководства коммунистов в деревне. А на деле в ряде случаев этот переход привел к тому, что коммунисты почили на лаврах, козыряя высоким процентом коллективизации, и предоставили дело самотеку, предоставили дело естественному ходу вещей. Проблема планового руководства колхозным хозяйством должна была привести к усилению руководства ком-

мунистов в колхозах. А на деле в ряде случаев получилось то, что коммунисты оказались в сетях, а в колхозах заправляли бывшие белые офицеры, бывшие петлюровцы и вообще враги рабочих и крестьян.

Так обстоит дело со второй причиной недостатков нашей работы в деревне.

3. Третья причина недостатков нашей работы в деревне состоит в том, что многие наши товарищи переоценили колхозы как новую форму хозяйства, переоценили и превратили их в икону. Они решили, что коль скоро даны колхозы как социалистическая форма хозяйства,—то этим уже дано все, этим уже обеспечены правильное ведение дела колхозов, правильное планирование колхозного хозяйства, превращение колхозов в образцовые социалистические хозяйства. Они не поняли, что колхозы в смысле своего организационного устройства все еще слабы и нуждаются в серьезной помощи со стороны партии как в смысле снабжения их проверенными большевистскими кадрами, так и в смысле текущего руководства колхозными делами. Но это не все, и даже не главное. Главный недостаток состоит тут в том, что многие наши товарищи переоценили силы и возможности самих колхозов как новой формы организации сельского хозяйства. Они не поняли того, что колхоз сам по себе, несмотря на то, что он является социалистической формой хозяйства,—далеко еще не гарантирован от всякого рода опасностей и проникновения в руководство колхозом всякого рода контрреволюционных элементов, не гарантирован от того, что при известных условиях колхозы могут быть использованы антисоветскими элементами в своих целях.

Колхоз есть социалистическая форма хозяйственной организации так же, как советы являются социалистической формой политической организации. Как колхозы, так и советы являются величайшим завоеванием нашей революции, величайшим завоеванием рабочего класса. Но колхозы и советы представляют лишь форму организации, правда, социалистическую, но все же форму организации. Все зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму. Мы знаем случаи, когда советы рабочих и солдатских депутатов поддерживали на известный период контрреволюцию против революции. Так было дело у нас, в СССР, например в июле 1917 г., когда советами руководили меньшевики и эсеры и советы прикрывали контрреволюцию против революции. Так было дело в Германии в конце 1918 г., когда советами руководили социал-демократы и когда они прикрывали контрреволюцию против революции. Стало быть, дело не только в советах как в форме организации, хотя сама эта форма представляет величайшее революционное завоевание. Дело прежде всего в содержании работы советов, дело в характере работы советов, дело в том, кто именно руководит советами,—революционеры или контрреволюционеры. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что контрреволюционеры не всегда высказываются против советов. Известно например, что глава русской контрреволюции Милуков во время Кронштадтского восстания высказывался за советы, но без коммунистов. «Советы без коммунистов» — вот каков был тогда лозунг главы русской контрреволюции Милукова. Контрреволюционеры поняли, что дело не только в самих советах, но прежде всего в том, кто будет ими руководить.

То же самое надо сказать о колхозах. Колхозы как социалистическая форма организации хозяйства могут показать чудеса хозяйственного строительства, если во главе их стоят действительные революционеры, большевики, коммунисты. И наоборот — колхозы могут превратиться на известный период в прикрытие всякого рода контрреволюционных деяний, если в колхозах будут заправлять эсеры и меньшевики, петлюровские офицеры и прочие белогвардейцы, бывшие денюшники и колчаковцы. При этом следует иметь в виду, что колхозы как форма орга-

низации не только не гарантированы* от проникновения антисоветских элементов, но представляют даже на первое время некоторые удобства для временного использования их контрреволюционерами. Пока крестьяне вели индивидуальное хозяйство, — они были разрознены и отделены друг от друга, ввиду чего контрреволюционные поползновения антисоветских элементов в крестьянской среде не могли дать большого эффекта. Совершенно другая картина получается при переходе крестьян к колхозному хозяйству. Здесь крестьяне имеют уже в лице колхозов готовую форму массовой организации. Ввиду этого проникновение антисоветских элементов в колхозы и их антисоветская деятельность могут дать гораздо больший эффект. Надо полагать, что все это учитывают антисоветские элементы. Известно, что одна часть контрреволюционеров, например на Северном Кавказе, сама старается создавать нечто вроде колхозов, используя их как легальное прикрытие для своих подпольных организаций. Известно также, что антисоветские элементы в ряде районов, где они еще не разоблачены и не разгромлены, — охотно идут в колхозы, даже восхваляют колхозы для того, чтобы создать внутри колхозов гнезда контрреволюционной работы. Известно также, что одна часть антисоветских элементов сама высказывается теперь за колхозы, но с тем, чтобы в колхозах не было коммунистов. «Колхозы без коммунистов» — вот какой лозунг вынашивается теперь в среде антисоветских элементов. Стало быть, дело не только в самих колхозах как социалистической форме организации, но прежде всего в том, какое содержание вливается в эту форму, — дело прежде всего в том, кто стоит во главе колхозов и кто руководит ими.

С точки зрения ленинизма колхозы, как и советы, взятые как форма организации, есть оружие, и только оружие. Это оружие можно при известных условиях направить против революции. Его можно направить против контрреволюции. Оно может служить рабочему классу и крестьянству. Оно может служить при известных условиях врагам рабочего класса и крестьянства. Все дело в том, в чьих руках находится это оружие и против кого оно будет направлено.

Это начинают понимать враги рабочих и крестьян, руководимые классовым инстинктом.

Этого еще не понимают, к сожалению, некоторые наши коммунисты.

И именно потому, что некоторые наши коммунисты не поняли этой простой вещи, — именно поэтому мы имеем теперь такую картину, что в ряде колхозов заправляют делами хорошо замаскированные антисоветские элементы, организуя там вредительство и саботаж.

4. Четвертая причина недостатков нашей работы в деревне состоит в неумении целого ряда наших товарищей на местах перестроить фронт борьбы с кулачеством, в непонимании того, что лицо классового врага изменилось за последнее время, изменилась тактика классового врага в деревне и что сообразно с этим надо изменить свою тактику, чтобы добиться успеха. Враг понял изменившуюся обстановку, понял силу и могущество нового строя в деревне и, поняв это, перестроился, изменил свою тактику, — перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой. А мы этого не поняли, новой обстановки не разглядели и продолжаем искать классового врага там, где его нет уже, продолжаем вести старую тактику упрощенной борьбы с кулачеством, тогда как она, эта самая тактика, давно уже устарела.

Ищут классового врага вне колхозов, ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди «тихие», «сладенькие», почти «святые». Их не нужно искать далеко от кол-

хоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, эвхезов, счетоводов, секретарей и т. д. Они никогда не скажут—«долой колхозы». Они «за» колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится. Они никогда не скажут—«долой хлебозаготовки». Они «за» хлебозаготовки. Они «только» пускаются в демагогию и требуют, чтобы колхоз образовал фонд для животноводства, втрое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз образовал страховой фонд, втрое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз выдавал на общественное питание от 6 до 10 фунтов хлеба в день на работника и т. д. По-нятно, что после таких «фондов» и выдач на общественное питание, после такой жульнической демагогии хозяйственная мощь колхоза должна быть подорвана, и для хлебозаготовок не остается места.

Чтобы разглядеть такого ловкого врага и не поддаться демагогии, нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага и показать колхозникам его действительное, контрреволюционное лицо. Но много ли имеется у нас в деревне коммунистов, обладающих этими качествами? Коммунисты нередко не только не разоблачают таких классовых врагов, а наоборот, сами поддаются из жульнической демагогии и плетутся за ними в хвосте.

Не замечая классового врага в его новой маске и не умея разоблачить его мошеннические махинации, некоторые наши товарищи нередко успокаивают себя тем, что кулаков уже нет якобы на свете, что антисоветские элементы в деревне уже уничтожены в результате политики ликвидации кулачества как класса и что можно помириться ввиду этого с существованием «нейтральных» колхозов, не являющихся ни большевистскими, ни антисоветскими, но которые сами, так сказать стихийным порядком, должны будут перейти на сторону советской власти. Но это глубокое заблуждение, товарищи. Кулаки разбиты, но они далеко еще не добиты. Более того, — они не скоро еще будут добиты, если коммунисты будут зевать и благодумствовать, полагая, что кулаки сами сойдут в могилу в порядке, так сказать, стихийного своего развития. Что касается «нейтральных» колхозов, то их нет вообще и не может быть в природе. «Нейтральные» колхозы — это фантазия людей, которым даны глаза для того, чтобы ничего не видеть. При такой острой классовой борьбе, какая имеется у нас теперь в Советской стране, для «нейтральных» колхозов не остается уже места, при такой обстановке колхозы могут быть либо большевистскими, либо антисоветскими. И если мы не руководим в тех или иных колхозах, то это значит, что ими руководят антисоветские элементы. В этом не может быть никакого сомнения.

5. Наконец еще одна причина недостатков нашей работы в деревне. Состоит она, эта причина, в недооценке роли и ответственности коммунистов в деле колхозного строительства, в недооценке роли и ответственности коммунистов в деле хлебозаготовок. Говоря о трудностях хлебозаготовок, коммунисты обычно взваливают ответственность на крестьян, утверждая, что во всем виноваты крестьяне. Но это совершенно неверно и безусловно несправедливо. Крестьяне тут не при чем. Если речь идет об ответственности и виновности, то ответственность падает целиком и полностью на коммунистов, а виноваты здесь во всем—только мы, коммунисты.

В мире нет и не бывало такой могучей и авторитетной власти, как наша, советская власть. В мире нет и не бывало такой могучей и авторитетной партии, как наша, коммунистическая партия. Никто не мешает и не может помешать нам вести дело колхозов так, как требуют этого интересы колхозов, интересы государства. И если нам не всегда удается вести дело колхозов так, как требует этого ленинизм, если мы допускаем

нередко ряд грубых, непростительных ошибок, скажем, по линии хлебозаготовок, то виноваты в этом мы, и только мы.

Мы виноваты в том, что не разглядели отрицательных сторон колхозной торговли хлебом и допустили ряд грубейших ошибок. Мы виноваты в том, что целый ряд наших организаций оторвался от колхозов, пошел на лаврах и отдался стихии самотека. Мы виноваты в том, что целый ряд наших товарищей все еще переоценивает колхозы как форму массовой организации, не понимая, что дело не столько в самой форме, сколько в том, чтобы самим взять на себя руководство колхозами и вышибить из руководства колхозами антисоветские элементы. Мы виноваты в том, что не разглядели новой обстановки и не уяснили себе новую тактику классового врага, действующего тихой сапой.

Спрашивается, при чем тут крестьяне?

Я знаю целые группы колхозов, которые развиваются и процветают, аккуратно выполняют задания государства и крепнут в хозяйственном отношении изо дня в день. С другой стороны, я знаю и такие колхозы расположенные по соседству с предыдущими колхозами, которые, несмотря на одинаковый с ними урожай и одинаковые с ними объективные условия,—чахнут и разлагаются. В чем причина? Причина в том, что первой группой колхозов руководят настоящие коммунисты, а второй группой руководят шляпы, правда, с партийным билетом в кармане, но все же шляпы. Спрашивается, при чем тут крестьяне?

Результатом недооценки роли и ответственности коммунистов является то, что нередко причину недостатков нашей работы в деревне ищут не там, где ее надлежит искать, и недостатки остаются ввиду этого неустраненными. Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках, а в нас самих, в наших собственных рядах. Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне. Таковы главные причины, определившие недостатки нашей работы в деревне.

Можно подумать, что я нарисовал слишком мрачную картину, что у нас вся работа в деревне состоит из одних лишь недостатков. Но это конечно неверно. На самом деле наша работа в деревне имеет наряду с этими недостатками целый ряд серьезнейших и решающих достижений. Но я уже сказал в начале своей речи, что в мои задачи не входит характеристика наших достижений, что я взялся говорить только о недостатках нашей работы в деревне.

Можно ли исправить эти недостатки? Да, безусловно можно. Исправим ли мы их в ближайшее время? Да, безусловно исправим. В этом не может быть никакого сомнения.

Я думаю, что политотделы МТС и совхозов являются одним из тех решающих средств, при помощи которых можно будет устранить эти недостатки в самый короткий срок. (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты).

ПЛЕНУМ исторических побед

Л. МЕХЛИС

Январский пленум ЦК и ЦКК по своей значимости может быть приравнен к партийному съезду. Пленум не только подвел итоги героической борьбы рабочего класса СССР и его партии за выполнение пятилетки, которая войдет в историю как величайшее завоевание человечества, но и наметил перспективы дальнейшего развернутого социалистического наступления.

На протяжении многих столетий историки и экономисты, писатели и поэты устремят свои взоры на отрезок времени, получивший имя «пятилетка в четыре года». На тот отрезок времени, который показал перед десятками миллионов трудящихся всего мира преимущества социалистической формы хозяйства над капиталистической. На тот исторический отрезок времени, который показал, что только единственный, до конца революционный класс — пролетариат во главе своей коммунистической партии — способен вывести человечество из тупика капитализма.

Злобствуют, неистовствуют господа империалисты и их лакеи. Новая обстановка вынуждает буржуазию и ее социал-фашистских лакеев менять тактику. Пятилетку уже не назовешь большевистской фантазией, утопией. Оскандалились все «пророки» капиталистической экономики. Факты и действительность бурного развития Советского союза разоблачили их клеветнические прогнозы, жестоко посмеялись над ними. *Величайшая революция во всех областях жизни, не имеющая себе равной в истории развития общества, происходит на глазах сотен миллионов!*

Поганенькой ложью на Советский союз пытаются бандиты пера умалить наши достижения, отвлечь внимание трудящихся всех стран от того факта, что рабочий класс так называемого «цивилизованного мира» поставлен в условия голодного вымирания, что «капиталистическое производство непрерывно работает над своей собственной гибелью» (Энгельс).

Две принципиально противоположные системы хозяйства получили проверку в истекшие четыре года. На одном полюсе неизменно свирепствовал и продолжает свирепствовать жесточайший экономический кризис, не знающий себе равного в истории; на другом — бурный рост производительных сил, подлинная социалистическая революция в экономике и сознании людей.

Годы героического штурма за пятилетку, выполненную в четыре года, являются лучшими агитаторами за новый строй отношений между людьми, против наемного рабства капитала, против социал-интервентов из II интернационала, контрреволюционных троцкистов, правых и «левых» оппортунистов.

Вопросы пятилетки — дело всего международного пролетариата. *Таких темпов расширенного воспроизводства не знает история человечества.* «Стоило нам проделать строительную работу в продолжение каких-нибудь 2—3 лет, стоило показать первые успехи пятилетки, чтобы весь мир раскололся на два лагеря, на лагерь людей, которые лают на нас без устали, и лагерь людей, которые поражены успехами пятилетки, не говоря уже о том, что имеется и усиливается наш собственный лагерь во всем мире — лагерь рабочего класса капиталистических стран, который радуется успехам рабочего класса СССР и готов оказать ему поддержку на страх буржуазии всего мира». *«Успехи пятилетки мобилизуют революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма, — таков неоспоримый факт»* (Сталин).

Расширенное воспроизводство имеет исключительное значение в жизни любой общественно-экономической формации. Современное обще-

ство не может существовать более или менее продолжительное время вне расширенного воспроизводства.

Но если в условиях капитализма расширенное воспроизводство неизбежно сопровождается нарастанием противоречий, то было бы смешно думать, что последние три года экономического кризиса, протекающего в условиях общего кризиса капитализма, эти противоречия смягчили. Наоборот, они свидетельствуют о все увеличивающемся расстройстве всей системы капиталистических производственных отношений, о деградации капитализма.

Неудивительно, что классовая борьба в капиталистических странах поднялась на необычайную высоту и буржуазия все меньше способна править, а трудящиеся не хотят жить по-старому. Наступил конец относительной стабилизации капитализма, мы вступаем в новый тур революций и войн. Перманентный кризис капиталистических правительств, приход фашистов к власти, быстрый рост революционного подъема, нападение японских империалистов на Китай, резкое обострение противоречий в лагере империализма — показатели все большего перерастания экономического кризиса в кризис политический.

Проанализируем воспроизводство в Советском союзе и в капиталистических странах. Это вскрыет наиболее наглядно две противоположные тенденции развития, покажет все преимущества советской системы хозяйства над капитализмом.

Предварительно некоторые замечания.

Троцкистская «теория» о невозможности построения социализма в нашей стране, о том, что наши успехи в социалистическом строительстве не ведут «к созданию гармонического общества», — эта контрреволюционная болтовня гальванизируется с другого конца. Правые оппортунисты выступают с тезисом о якобы существующем едином мировом хозяйстве, расколотом на два сектора.

Люди, которые потрясли в болоте оппортунизма, возглавляли школу Марецких—Слепковых, пропатандировали теорию вращающегося кулака в социализм, даже признав свои политические ошибки, не могут последовательно защищать марксистско-ленинские позиции, не отказавшись от богдановской методологии.

В Советском союзе имелись в начале пятилетки и еще сохранились теперь, правда в совершенно иных условиях, при иной расстановке классовых сил, различные хозяйственные уклады, различные секторы. Но и в самых тяжелых условиях, когда, по выражению Ленина, капитализм не только в мировом масштабе, но и внутри страны был сильнее, чем социализм, и тогда все командные хозяйственные и политические высоты были в руках рабочего класса СССР. Эти рычаги партия использовала для победы социалистического сектора — индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Но даст ли все это повод рассматривать хозяйство нашей страны как сектор единого мирового хозяйства?

Никак не дает!

Друг другу противостоят две принципиально противоположные системы хозяйства, из которых каждая организована в государственную власть различного типа. Борьба идет, невзирая на ее внешние формы проявления, не на жизнь, а на смерть. Рычаги и экономические и политические в капиталистических странах находятся в руках буржуазии.

Рассматривать капиталистическое хозяйство как один из секторов единого мирового хозяйства, значит не понимать, что условия борьбы рабочего класса в странах капитала существенно отличны от наших, значит не понимать, что пролетариат этих стран может прийти к власти только путем свержения своей буржуазии, разбив вдребезги ее государственный аппарат.

Рассматривать капитализм как один из секторов единого мирового хозяйства, значит недооценивать серьезнейший характер неизбежного столкновения, подготавливаемого империалистами, военного столкновения между Советским союзом и капиталистическим окружением.

Рассматривать хозяйство Советского союза как сектор мирового, значит притти к выводу, что оно подчиняется закономерностям этого единого мирового хозяйства. Но даже слепые видят, что жесточайший экономический кризис, охвативший все без исключения страны капитала, *остановился у границ СССР*, ибо наше хозяйство не находится под контролем мирового. Рассматривать хозяйство Советского союза как сектор мирового, значит клеветнически утверждать о капиталистическом характере нашей экономики. Другого мирового хозяйства кроме капиталистического в природе нет.

Тезис о едином мировом хозяйстве с двумя секторами, заметим между прочим, питает новую оппортунистическую теорию о том, что *основной базой уклонов в нашей партии являются капиталистические государства.*

«Буржуазные перерожденцы,— рассуждает т. Шабайкович,— у нас будут существовать, вернее появляться время от времени... *виной чего вот именно окружение нас капиталистическими государствами...* Нет сомнения, что наши «доморощенные» правые и «левые» уклонисты *не суть продукт нашей страны, а влияние прямое и косвенное буржуазии внешней».*

Было бы наивно не видеть, что империалисты в своей антисоветской интервенционистской работе пытаются опереться на остатки разбитого, но еще не добитого кулачества. Естественно, это в свою очередь *еще больше активизирует наших классовых врагов.* Но делать отсюда вывод, что уклонисты в партии *«не суть продукт нашей страны»*, это значит рассматривать наше хозяйство как сектор якобы единого мирового хозяйства, значит недооценивать сопротивление разгромленного, но еще далеко не добитого кулачества, недооценивать частнособственнических тенденций и настроений как питательной базы оппортунизма. Вот к чему ведут выводы о якобы существующем едином мировом хозяйстве, расколотом на два сектора!

Налицо две системы хозяйства, закономерности развития которых принципиально противоположны. Утверждение о двухсекторном мировом хозяйстве вынудило бы нас стать на ошибочные методологические позиции в анализе происходящих экономических процессов. Пришлось бы дать анализ дифференцированный, т. е. отдельно капитализм и отдельно Советский союз, потом анализ *сплошной* — все мировое хозяйство как единое и определить закономерности развития этого будто бы единого хозяйства.

Но это не марксистско-ленинская методология, а *богдановщина!* Такой анализ может завести в оппортунистические дебри, на позиции меньшевиков и контрреволюционных троцкистов.

Итак, разберем воспроизводство в Советском союзе и в странах капитала.

Сдвиги, происшедшие за истекшие четыре года, показывают грандиознейший рост хозяйства СССР и неслыханных масштабов упадок в капиталистических странах. Достаточно указать, что если по уровню промышленной продукции Советский союз находился в 1928 г. на пятом месте в ряду крупнейших стран, то в 1932 г. он занял *второе* место, обогнав *Германию, Англию и Францию.* Лишь САСШ сохранили за собой *первое* место в мире по уровню промышленной продукции, ибо в прошлом они неизмеримо забежали вперед.

За четыре года — 1932 г. по отношению к 1928 г. — производство в капиталистических странах неизменно катилось вниз: САСШ — объем продукции 56 проц., т. е. сокращение против 1928 г. почти наполовину; Англия — 80 проц.; Германия — 55 проц.; Польша — 54 проц.

По данным Берлинского конъюнктурного института, промышленное производство главнейших капиталистических стран показывает такую кривую падения: 1929 г. — 107 проц.; 1930 г. — 93 проц.; 1931 г. — 81 проц.; 1932 г. — 67 проц. Иначе говоря, промышленное производство сократилось в этих странах за последние три года на одну треть.

Хозяйство Советского союза за эти же годы развивалось в противоположном направлении, и продукция промышленности выросла до 219 проц. против 1928 г., т. е. в два с лишним раза.

Именно этот противоположный процесс — сокращение промышленного производства в странах капитала в результате кризиса и наше бурное движение вперед, — именно это выдвинуло Советский союз на второе место в мире по уровню промышленной продукции.

Эти экономические процессы не могли не сказаться резко на уровне жизни трудящихся и количестве лиц, занятых в производстве.

Если при расширенном воспроизводстве капитализм неизменно создает относительно избыточное население, то сейчас резервная армия в капиталистических странах превышает 40 млн. чел. Число рабочих, оставшихся на производстве, сокращалось ежегодно не относительно, а абсолютно. Впрочем абсолютное падение числа рабочих стало закономерностью послевоенного капитализма.

По подсчетам американской группы инженеров (так называемая «Технократия»), если бы даже САСШ вернулись к размерам промышленного производства 1929 г. — год гуверовского «процветания»! — то и тогда они могли бы использовать лишь 55 проц. рабочих. И тогда половина рабочего класса САСШ оказалась бы за бортом фабрик и заводов, лишеной пищи и крова. Таков результат роста техники, роста энерговооруженности американской промышленности!

Но возврат к уровню промышленного производства 1929 г. — несбыточная мечта. Кризис продолжает свирепствовать во все возрастающих размерах, а создатели всех ценностей в буквальном смысле слова голодают, ходят в лохмотьях, выселяются из домов, живут в гуверовских отелях — в сараях, палатках или просто под открытым небом. Ибо они создали слишком много продуктов питания, произвели много обуви, соткали слишком много тканей, выстроили слишком много домов. Противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения сказалось в необычайных до сих пор размерах.

Массы рабочих и трудящихся всех капиталистических стран усваивают на собственном опыте, тяжелом опыте, политические уроки!

Противоположная картина — в СССР.

Продукция промышленности возросла с 10 млрд. руб. в 1913 г. до 34 млрд. руб. в 1932 г. в неизменных ценах, т. е. в три и четыре десятка раз. Группа «А» с 1928 г. по 1932 г. почти утроилась; тяжелая промышленность возросла с 3,99 млрд. в 1928 г. до 13,2 млрд. руб. в 1932 г. — в четыре с лишним раза; группа «Б» дала такие показатели: 8,7 млрд. руб. в 1928 г., 16,3 млрд. в 1932 г. — почти удвоилась.

Вот скачки роста и как раз в те годы, когда продукция промышленного производства в капиталистических странах неизменно катастрофически сокращалась!

И все же мы ощущаем недостаток почти во всем. Нехватает чугуна, стали, топлива, проката, тракторов, комбайнов, одежды, обуви и т. д.

Парадокс — исключительный рост физического объема продукции и ее недостаток! В чем дело?

Население Советского союза выросло за 4 последних года на 11,5 млн. чел., достигнув 165,7 млн. в 1932 г. Таких темпов роста населения не знала ни одна страна. И не может знать, ибо мы являемся единственной страной в мире, где пролетариат сбросил с себя оковы эксплуатации, где жизненный уровень трудящихся сделал резкий скачок вперед и неизменно повышается.

В свое время английский экономист Кэйнс, посетив Советский союз, писал, что нам угрожает опасность неслыханных размеров безработицы, ибо население размножается очень быстро. Жизнь опрокинула эту мальтузианскую болтовню, подтвердив вывод Маркса о том, что каждая общественно-экономическая формация имеет свои законы движения народонаселения. Познать нашу страну сквозь очки буржуазного либерала не удастся!

Неверно также представлять, что, мол, количество средств существования растет у нас медленнее, чем население, хотя оно и увеличилось за годы революции на 30 с лишним миллионов, т. е. процентов на 25.

Данные о производстве продукции как тяжелой, так и легкой индустрии показывают *значительно более быстрые темпы роста товаров, чем рост населения*. Ведь по сравнению с 1913 г., например, промышленная продукция выросла в 3,4 раза, а население — на 25 проц.

Ответ на поставленный нами вопрос — почему нехватает чугуна, стали и т. д. — дает размер нового строительства в первой пятилетке. Неслучайно она получила название — *пятилетка нефти строительства!*

Что касается предметов потребления, то здесь немалую роль, как и на всех участках социалистического строительства, играет сопротивление кулачества. В особенности это сказывается на участке сельскохозяйственного производства, где разгромленное, но еще не добитое кулачество продолжает отчаянно сопротивляться.

Два важнейших итога пятилетки, о которых говорил т. Сталин, разъясняют вопрос — как увязать колоссальный рост физического объема продукции с тем фактом, что мы ощущаем недостаток товаров?

Полностью ликвидирована безработица. Советский рабочий уверен в своем завтрашнем дне. За четыре года число рабочих, занятых в производстве, удвоилось. *Бюджет рабочей семьи вырос как никогда*, ибо все трудоспособные заняты на фабриках и заводах.

В деревне беднота и низшие слои крестьянства подняты в своем материальном уровне жизни *на небывалую в истории высоту*. Пятилетка разбила кулачество, уничтожила возможность расслоения деревни на бедняков и кулаков. *«Она подняла бедноту и низшие слои середняков в колхозах на положение людей обеспеченных, уничтожив тем самым процесс разорения и обнищания крестьянства»*. «Теперь крестьянин — обеспеченный хозяин, член колхоза, имеющего в своем распоряжении тракторы, сельхозмашины, семфонды, запфонды и т. д. и т. п.» (Сталин).

Десятки миллионов людей — безработных, бедняков и маломощных середняков, нищенствовавших и голодавших при господстве помещиков и капиталистов, — сделали громадный скачок в своем уровне жизни. Произошла не уравниловка, а социальная инвентировка, произошли, в особенности за последние четыре года, таких масштабов классовые сдвиги, в результате которых основные средства производства в деревне, что особенно важно подчеркнуть, вырваны из рук эксплуататоров. А это приобщило к нормальной человеческой жизни десятки миллионов людей, еще вчера бывших на положении голодных и полуголодных. Наконец в целом поднялся уровень материально-бытовых и культурных условий рабочих и трудящихся нашей страны. Выросли потребности рабочего класса, свергнувшего капиталистов и помещиков, выросли потребности колхозников, ликвидировавших в основном кулачество в важнейших районах. В результате изменений в производственных отношениях людей у нас произошел *диаметрально противоположный капитализму процесс* — улучшение положения трудящихся.

Две системы хозяйства, два итога за четыре года.

ТАМ. Кризис. Нищета и безработица невиданных до сих пор размеров. Рост всех противоречий. Нарастание революционного под'ема.

Детрадация промышленности и сельского хозяйства. Вползание в новый гур революций и войн.

ЗДЕСЬ. Бурный под'ем хозяйства. Рост уровня жизни трудящихся. Развернутое наступление социализма по всему фронту. Победа социалистических форм хозяйства. Расширенное воспроизводство сопровождается не только колоссальнейшим ростом продукции производства, но и расширенным воспроизводством социалистических отношений. И в промышленности, и в товарообороте, и в сельском хозяйстве социализм победил, разрешив ленинский вопрос «кто кого».

Вне этой победы невозможен был бы и такой темп роста продукции!

Что является основным итогом пятилетки?

Ленин писал, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие». Под этим углом зрения и надо рассматривать наши достижения.

Политические итоги пятилетки нельзя сводить только к цифре выпуска валовой продукции за четыре года. Кто попытается подойти к итогам пятилетки как меньшевистствующий статистик, тот наделает кучу политических ошибок.

Чтобы понять итоги пятилетки, мало знать четыре правила арифметики. Надо кое-что смыслить в революционной математике.

За четыре года резко изменилась карта Советского союза. Выросла мощная крупная индустрия. Свыше 1.500 промышленных предприятий вступили в строй. Из страны отсталой, мелкокрестьянской, из страны сохи и подчас средневековой техники СССР выдвинулся в первые ряды передовых промышленных стран. Создана материальная основа социализма.

Наши успехи в индустриализации Советского союза превзошли все ожидания. Никто лучше т. Сталина не сформулировал этих итогов пятилетки.

«У нас не было черной металлургии — основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была лишь одна единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны».

Даже меньшевики вынуждены в своем соцплетнике заявить:

«Принципиальное значение русского опыта заключается прежде всего в том, что он показал, как и в исключительно неблагоприятных условиях возможна за короткий срок такая радикальная перестройка экономической и социальной структуры страны, которая в нормальные, органические периоды совершается в течение многих десятилетий».

«Структурная перестройка страны, создание высокой производственной базы вносят существенные изменения в те объективные условия, которые характерны были для Советской России накануне пятилетки, и облегчают возможности дальнейшего развития народного хозяйства».

Понятно, это сопровождается обычными клеветническими выпадами по адресу рабочих Советского союза и нашей партии.

Советский союз выдвинулся в первые ряды передовых промышленных стран, обеспечив свою экономическую независимость. Именно успехи в области индустриализации сыграли решающую роль в росте обороноспособности страны.

Военная промышленность царской России была самой отсталой в Европе. Таково было и вооружение старой армии. Сейчас создана солидная база обороны страны. Неслучайно т. Сталин сказал:

«Из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне».

Под непосредственным руководством т. Сталина партия вооружает завоевания Октября так, чтобы не повадно было на нас нападать. А если империалисты нападут, то мы «не безоружны, мы сумеем на их аэропланы выпустить свои аэропланы, на их танки свои танки, на их броневики мы выдвинем колонны своих социалистических мощных броневиков» (Каганович).

Две проверки мы имели за последние 4 года.

Первая, когда империалисты, подготавливая интервенцию, спровоцировали китайских милитаристов на Дальнем Востоке и прощупывали антиком крепость наших границ.

Осеклись! Рабоче-крестьянская Красная армия показала, что может защищать каждую пядь земли Советского союза от империалистов.

Вторая проверка — несколько иного порядка. Последние три года империалисты организованно подготавливали интервенцию и с Запада и с Востока.

Но успехи нашей промышленности, рост технической мощи Красной армии, подъем революционного движения в капиталистических и колониальных странах охладил самые горячие головы интервентов. Рискованная операция — интервенция в Советский союз, в особенности еще, когда собственный тыл дезорганизован. Даже японская военщина призадумалась, увидев на наших границах силу, готовую к защите социалистического отечества.

Отсюда пакты о ненападении с Советским союзом, которые империалисты прежде упорно отказывались с нами подписывать. Ибо вопрос стоял уже по-иному, чем несколько лет назад, ибо мы окрепли в военном отношении и смело можем сказать господам интервентам словами т. Кагановича: «Не лезь на нашу землю, мы на твою не полезем; полезешь на нашу — по морде дадим».

В 1932 г., когда угроза нападения на ДВК была особенно реальной, партия была вынуждена перестроить нашу промышленность, поставить ее на службу обороны страны. И в короткий срок мощная опора на наших дальневосточных границах была создана. Прозорливость и железная воля ленинского ЦК во главе с т. Сталиным спасли нас от интервенции. Не боясь преувеличений, можно сказать, что вторая проверка, которая вынудила наших врагов отложить на время план нападения на СССР, стоит хорошего выигранного военного сражения. Новая проба сил рабочего класса, на этот раз иными методами, чем первая, дала плюсы Советскому союзу!

Создание крупной машинной индустрии способствовало реорганизовать и земледелие. Колхозы и совхозы победили, став господствующей формой в сельском хозяйстве.

Историческая заслуга т. Сталина заключается между прочим и в том, что он еще в 1928 г. ребром поставил на пленуме ЦК вопрос о невозможности «без конца, т. е. в продолжение слишком долгого периода времени, базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах, на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства». что он в конце 1929 г. на конференции аграрников-марксистов выдвинул лозунг ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

В ожесточенной борьбе с кулачеством и его агентурой в рядах партии — бухаринской группой — победила линия партии. Кулацкая двухлетка, противопоставлявшаяся пятилетнему плану, была разоблачена как программа реставрации капитализма в нашей стране.

Работами т. Сталина партия внесла ценнейший вклад в марксистско-ленинскую теорию международного рабочего движения. Пролетариат всех стран может сказать, что путь перестройки сельского хозяйства на социалистический лад теоретически обоснован и проверен на практике нашей борьбы с кулачеством и его агентурой.

Нет сейчас в мире человека, к голосу которого так прислушивались бы, как к голосу т. Сталина. И это относится не только к коммунистам всех стран, не только к рабочим и угнетенным народам. К голосу т. Сталина вынуждены прислушиваться и наши враги, реагируя на все по-своему. *Только восходящий класс, только пролетариат мог выдвинуть таких вождей, как Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин!*

Речи т. Сталина на пленуме — программные документы нашей эпохи. Они не только дают анализ истекших четырех лет борьбы, но и намечают перспективу дальнейшего развернутого наступления социализма, дальнейшей переделки колхозника в работника социалистического общества.

Остро стоят вопросы освоения новых производств.

«В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос нового строительства и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. *В этом теперь главное*» (Сталин).

Как никогда в истории, трудящиеся крестьяне, объединенные сейчас в колхозах, приблизились к рабочему классу. Колхозы — действительная опора советской власти на селе. Но кулачество не дремлет. Разгромленное в открытой борьбе против колхозов, оно часто не без успеха приспособляется к новым условиям, пытается взорвать колхозы изнутри, разжигая частнособственнические инстинкты колхозников — вчерашних единоличников.

Новые сложные задачи стоят перед нами в новой обстановке.

Разбить кулацкие махинации, изгнать из колхозов лодырей и вредителей, сделать все колхозы большевистскими — такова программа работ, намеченная пленумом ЦК и ЦКК.

Особое внимание — охране общественной (социалистической) собственности. Все богатства рабочего класса — на руках у доверенных лиц, у миллионов. Враг сюда устремил свои взоры, чтобы затруднить наше успешное продвижение вперед. Нужна не только широкая разъяснительная работа о кулацких проделках, но и твердая карающая рука. Всю силу революционного закона — против расхитителей общественной собственности! Беречь ее во сто крат больше, чем берегли свою собственность

М. Н. П.
Кабинет истории

капиталисты! Ибо советская собственность — собственность трудового народа. Надо сделать достоянием всех трудящихся новую культуру в отношении к социалистической собственности, культуру, достойную класса, строящего социалистическое общество в капиталистическом окружении.

Новые задачи, поставленные пленумом ЦК и ЦКК в связи с успешным окончанием пятилетки, требуют перестройки работы на всех участках социалистического строительства.

Многие партийные организации не поняли новых маневров кулачества; народнически, а не по-марксистски подошли к колхозной торговле. В результате они встретились с саботажем хлебозаготовок, организованным кулачеством. В речи «О работе в деревне» т. Сталин вскрыл эти ошибки партийных организаций и показал пути их преодоления.

Вопросы колхозного строительства имеют для нас на ближайшие годы совершенно исключительное значение. Без серьезного поднятия урожайности нам не двинуться вперед такими темпами, какие заложены в основе советской системы. А урожайность мы сможем решительно поднять, если повысим классовую бдительность, добьем кулака и его агентуру. Политотделы МТС и совхозов — мощное оружие в наших руках для решения этих вопросов.

Грандиозны задачи, заманчивы перспективы второй пятилетки. Чтобы их разрешать, надо еще теснее сплотить ряды партии, добиться того, чтобы вся армия коммунистов, на каких бы участках социалистического строительства она ни находилась, была в одну точку.

Это у нас не всегда бывает. Достаточно сослаться на поучительный опыт хлебозаготовок истекшего года, когда многие местные партийные организации отступили перед трудностями, достаточно сослаться на предагельскую работу отдельных антипартийных групп, как например Эйсмонта — Смирнова.

Вновь и вновь со всей остротой стоит вопрос об усилении партийной бдительности. Подобно тому, как кулак, изменяя свою тактику, перешел от лобовой атаки колхозов к подпольной подрывной работе, подобно этому изменили свою тактику враги с партбилетами в кармане. Группы Слепкова — Рютина, Эйсмонта — Смирнова достаточно наглядно показывают прямую связь в тактике озверелого кулачества и контрреволюционных групп осколков бывших оппозиций в рядах партии.

Отсюда и отношение партии к этим группам — не дискутировать, а поступать так, как с меньшевиками и эсерами!

Последнее предупреждение сделал пленум тт. Томскому и Рыкову, которые всем своим поведением давали повод всяким контрреволюционным группам рассчитывать на их поддержку. Сколько раз тт. Томский и Рыков отбалтывались, признавая свои ошибки, а потом — потом оказывались на «эфтом самом месте»!

При всяком повороте — об этом еще писал Энгельс Бебелю — часть людей застывает, неспособна идти дальше. Это наглядно выявилося и на современном этапе — на пороге второй пятилетки, когда особенно остро стал вопрос — добить кулачество, ликвидировать до конца его сопротивление.

Решения XVII партийной конференции о том, что и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и на отдельных участках и что следовательно перед партией стоит задача укрепления пролетарской диктатуры и дальнейшего развертывания борьбы с правым уклоном как главной опасностью, это решение получило полное подтверждение. И если это не было ясно некоторым товарищам и после партийной конференции, то сейчас они получают наглядный урок.

Утвержденная пленумом чистка партии освободит ее от правых и «левых» оппортунистов, кулацких агентов, двурушников и перерожденцев, контрреволюционных троцкистов и неустойчивых элементов.

Тем и велико значение январского пленума, что он дал исчерпывающие ответы на все вопросы социалистического строительства и жизни нашей партии.

Добьем классовых врагов и их агентуру. Поднимем революционную бдительность. Очистим ряды партии от оппортунистов, перерожденцев и двурушников. *Беспощадный огонь по правому уклону как главной опасности.* Таков пароль!

Под руководством ленинского ЦК, под руководством вождя партии *И. Сталина* — победим во второй пятилетке!

СТРОКИ,

полные неподдельной скорби и мужества

Ф. ЭНГЕЛЬС, „14 МАРТА 1884 ГОДА“

(письма о смерти Карла Маркса,
изд. ИМЭЛ при ЦЧ ВКП б), 1933 г.)

Б. ВОЛКИН

«После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.), — писал Ленин в год смерти Энгельса (т. I), — Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом». Этот жизненный труд продолжался около 40 лет. За эти четыре тяжелых, полных великих трудностей революционной борьбы в теории и на практике десятилетия великие имена вождей и учителей международного пролетариата — Маркса и Энгельса — оказались слитыми воедино и навсегда запечатлены в памяти рабочего класса.

«Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы, — писал Ленин, — европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе... Его (Энгельса) любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый боец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу».

Вот перед нами письма Энгельса к Зорге, Либкнехту, Бэккеру и Э. Бернштейну, написанные им в день смерти Маркса 14 марта и на завтра — 15 марта, — и надгробная речь его в день похорон Маркса, собранные Институтом Маркса—Энгельса—Ленина и изданные Партиздатом. Эти письма, эта речь Фридриха Энгельса, сурового бойца и строгого мыслителя, — свидетельство безмерной любви к живому Марксу и беспредельного благоговения перед памятью умершего, — волнуют каждого подлинного марксиста-ленинца и еще века будут волновать все освобожденное грудное человечество.

Первые слова печали Энгельса — Вильгельму Либкнехту. Он кратко рассказывает, как в обычный предвечерний час зашел проведать Маркса и застал его спящим в кресле, но спящим вечным сном. «Величайший мозг второй половины нашего века перестал мыслить». «Самый могучий мозг нашей партии перестал мыслить, самое мощное сердце, которое я когда-либо знал, перестало биться» — писал Энгельс Бэккеру.

«Несмотря на то, — пишет горестно Энгельс В. Либкнехту, — что сегодня вечером я видел его неподвижно лежавшим на кровати, с лицом, застывшим навеки, я все же не могу себе представить, что этот гениальный мозг перестал обогащать своей мощной мыслью пролетарское движение обоих полушарий».

Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали, и все современное движение тем, чем оно является теперь, стало благодаря его теоретической и практической деятельности; без него мы и теперь еще блуждали бы в потемках».

Поздно ночью в своем письме к Э. Бернштейну Энгельс продолжает как бы незаконченную свою мысль о Марксе. Он пишет: «Что озна-

чал для нас этот человек в области теории, а во все решающие моменты—и в области практики, об этом может иметь представление лишь тот, кто был с ним в течение долгого времени. Вместе с ним надолго исчезает и его широкий кругозор. Движение пойдет своей дорогой, но уже не будет того спокойного, своевременного, обдуманного руководства, которое не раз предохраняло его от долгих блужданий по ложным путям».

В письме к Зорге, написанном на-завтра после дня 14 марта, Энгельс дает классическое определение того, что представлял Маркс для рабочего движения. Энгельс писал: «Человечество стало ниже на одну голову, и как раз на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало. Движение пролетариата идет дальше своей дорогой, но нет того центрального пункта, куда естественно обращались в решающие моменты французы, русские, американцы, немцы, и каждый раз получали ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан только гением во всеоружии знания. У местных звезд и мелких талантов, а может быть и шарлатанов, теперь развязаны руки. Конечно победа обеспечена, но окольных путей, временных и частичных блужданий,—и без того неизбежных,—теперь будет гораздо больше. Ну, с этим мы должны справиться, иначе чего же ради мы живем? Вот почему мы далеко еще не теряем мужества».

Этот бодрый, боевой, революционный, несмотря на великую скорбь и печаль, тон сказался в письме Энгельса к «старине» Баккеру: «Теперь мы с тобою, пожалуй, последние из старой гвардии времен до 1848 года. Ну что ж, мы останемся на посту. Пули свистят, падают друзья, но нам обоим это не в дяковинку. И если кого-нибудь из нас и сразит пуля—пусть так, лишь бы она как следует засела, чтобы не корчиться слишком долго».

Еще двенадцать лет после Маркса стоял бодро, непреклонно на боевом революционном посту международного рабочего движения Фридрих Энгельс.

И раньше, чем мог надеяться Энгельс — этот самый замечательный после своего друга Маркса ученый и учитель современного пролетариата,— международное рабочее движение через десять лет после смерти Маркса получило своего вожда. За год до смерти самого Энгельса уже появились получившие международное значение «Кто такие «друзья народа» Ленина, который в новых условиях — империализма и пролетарских революций— продвинул дальше учение Маркса — Энгельса, подняв его на высшую ступень.

С появлением Ленина, с возникновением большевизма, который «существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 г.» (Ленин), французы и русские, американцы и немцы, весь международный пролетариат и угнетенные народы колоний получили вновь свой центральный революционный пункт, стали получать вновь ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан только гением во всеоружии знания, обрели вновь свое спокойное, своевременное, обдуманное руководство, создавшее партию нового типа, приведшее пролетариат одной шестой части земного шара к победе мирового значения и построившее вновь боевой штаб международного революционного пролетариата — Коммунистический интернационал.

Всего только через десять лет после смерти Маркса появился на пути международного рабочего движения Ленин. Менее чем через десять лет после смерти Энгельса вырос и окреп большевизм как течение политической мысли и как партия международного значения. Это говорит о не-

THE WESTERN UNION TELEGRAPH COMPANY

THE COMPANY TRANSMITS AND DELIVERS messages only on condition that the sender, who has been notified as to the limits of the service, shall be responsible for the accuracy of the messages and the company will not be held liable for any error or omission in the transmission or delivery of the messages, except the extent of the said limits, and in any case where the sender is not notified as to the limits of the service, the company shall be held liable for any error or omission in the transmission or delivery of the messages.

NO. 35	CLASS	CLASS BY	CHECK
	CP		London
Transmitted at	Hoboken N.J.	10:4 pm	March 14 1888
Delivered	Cable		
St. George		10:5	Bloomfield St.
Mar. 14	10:5		Hoboken New Jersey
			Engels London

ГОРЬКА КЛАССОВ № 2. 1935 г.

Телеграмма Энгельса о смерти Маркса

прерывности гениального руководства (Маркс—Энгельс—Ленин) международным рабочим движением. Эта непрерывность в еще более совершенной форме осуществилась в дальнейшем: гений Ленина тем особенно велик, что он создал партию нового типа, и притом такую партию, которая еще при жизни Ленина и под его руководством воспитала того, кто после ухода от нас Ильича стал на его место у руля партии Ленина под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина как последовательнейший марксист, как лучший и вернейший ленинец ведет на развернутом пути социалистического наступления трудящиеся массы Советского союза от победы к победе и как теоретик и вождь руководит международной пролетарской революцией.

Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин — эти имена принадлежат человечеству, которому их дал поднимающийся класс — пролетариат — на протяжении только одного последнего столетия.

Эта маленькая брошюра в 20 страниц читается с волнующим большевистское сердце чувством. Она — прекрасное вступление к марксовским дням, к 50-летней годовщине смерти Карла Маркса, совпавшей с годом, когда мы под руководством лучшего марксиста-ленинца т. Сталина вступили в пятилетку построения бесклассового социалистического общества, одержав на основе учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина победы всемирно исторического значения.

„СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ¹ германии¹

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ

В начале октября 1931 г. группа «левых» социал-демократов, отколовшись от социал-демократической партии, образовала новую партию, назвавшуюся социалистической партией Германии (СПГ).

На своем знамени, в ежедневной газете «Факел», новая партия выставляла лозунг: «Против национализма и культурной реакции». Прокламируя свои теоретические и программные принципы в «Красных книгах», она обещала рабочему классу вскрыть процесс загнивания капиталистической системы и доказать невозможность ее дальнейшего существования.

В качестве практической задачи она поставила «преодоление кризиса» и первым шагом на пути осуществления этой цели объявила организацию революционной готовности пролетариата. Она ругала социал-демократию, отказавшуюся от принципов демократии и свободы мнений в собственной партии, но одновременно ругала компартию за «бюрократически-централистическую» организацию и обещала создать «действительно демократическую рабочую партию» для объединения пролетариата и преодоления всех «раскольнических, сектантских» настроений, посеянных в нем другими партиями.

Таким образом она объявила якобы одновременно войну и «реформизму» и большевизму. Она говорила сочувственно об СССР как первой стране, проводящей опыт строительства социализма, но в то же время выражала сомнение насчет методов этого строительства, делающих, по ее мнению, социализм похожим на капитализм. В «Красных книгах» она обещала вскрыть перед немецким пролетариатом социально-экономические основы русской революции и одновременно показать «специфичность» русских условий, ничего общего не имеющих с условиями Германии.

В первом номере «Факела» (от 4 сентября 1931 г.), а затем в воззвании (от 2 октября 1931 г.) «Ко всем социал-демократам», подписанном исключенными из СПГ вождями оппозиции, немало говорится о революционной классовой борьбе пролетариата «как единственном пути для выхода из кризиса», о неверности «идеи вращающегося» капитализма в социализм и т. п. Свой откол от СПГ оппозиционная группа объяснила лишь тактическими расхождениями. Между компартией и социал-демократической оппозицией она видела якобы лишь «тактические» и «организационные» разногласия. Но вслед за этим она писала: «Не может быть генерального рецепта для революции во всех странах. В безусловной зависимости коммунистической секции от московского центра, который в свою очередь является

¹ Статья была написана и сверстана до прихода к власти Гитлера и последних политических событий в Германии. — Редакция.

главным образом органом русской внешней политики и который должен, невзирая ни на что, учитывать внутренние потребности России, мы видим опасность и препятствие для развития пролетарской классовой борьбы в других странах». Это выдает ее основную цель.

Новая «социалистическая» партия выступила как ярый враг коммунистического движения.

Сама по себе САП по ее теоретическому багажу, по ее политическому влиянию и удельному весу в рабочем движении едва ли была бы достойна особого внимания. Но САП нельзя рассматривать изолированно от всей социал-демократии. И вне социал-демократической партии она существует как часть ее, пытающаяся вести за собой массы путем более гибких и тонких методов обмана. Ее возникновение и существование тесно связано с положением социал-фашизма, который до сих пор является главным тормозом для развития революционного движения в Германии. «Левое» течение в социал-демократии не только немецкое явление, — оно имеет интернациональное значение. Поэтому важное значение приобретают следующие вопросы.

1. Какие причины обусловили раскол немецкой социал-демократии весной 1931 г., каков был социально-политический смысл образования САП?

2. Каковы основные принципиальные установки этой партии?

3. Каковы перспективы «левой» социал-демократии?

ПРИЧИНЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОБРАЗОВАНИЯ САП

В годы войны и революции, в годы смертельной борьбы капитализма за свое существование и жесточайшей схватки между пролетариатом и буржуазией социал-демократия открыто и окончательно спаяла свою судьбу с судьбой капитализма.

В те дни, когда в результате поражения в империалистической войне и резкого обострения классового противоречия под ногами капитализма сильно колебалась почва, у него в лице социал-демократии оказался такой агент буржуазии, который имел громадный опыт политической борьбы и сильную организацию.

В момент смертельной опасности для буржуазии ее социал-демократическая агентура сделала все, чтобы дезорганизовать силы революционного пролетариата и спасти капитализм.

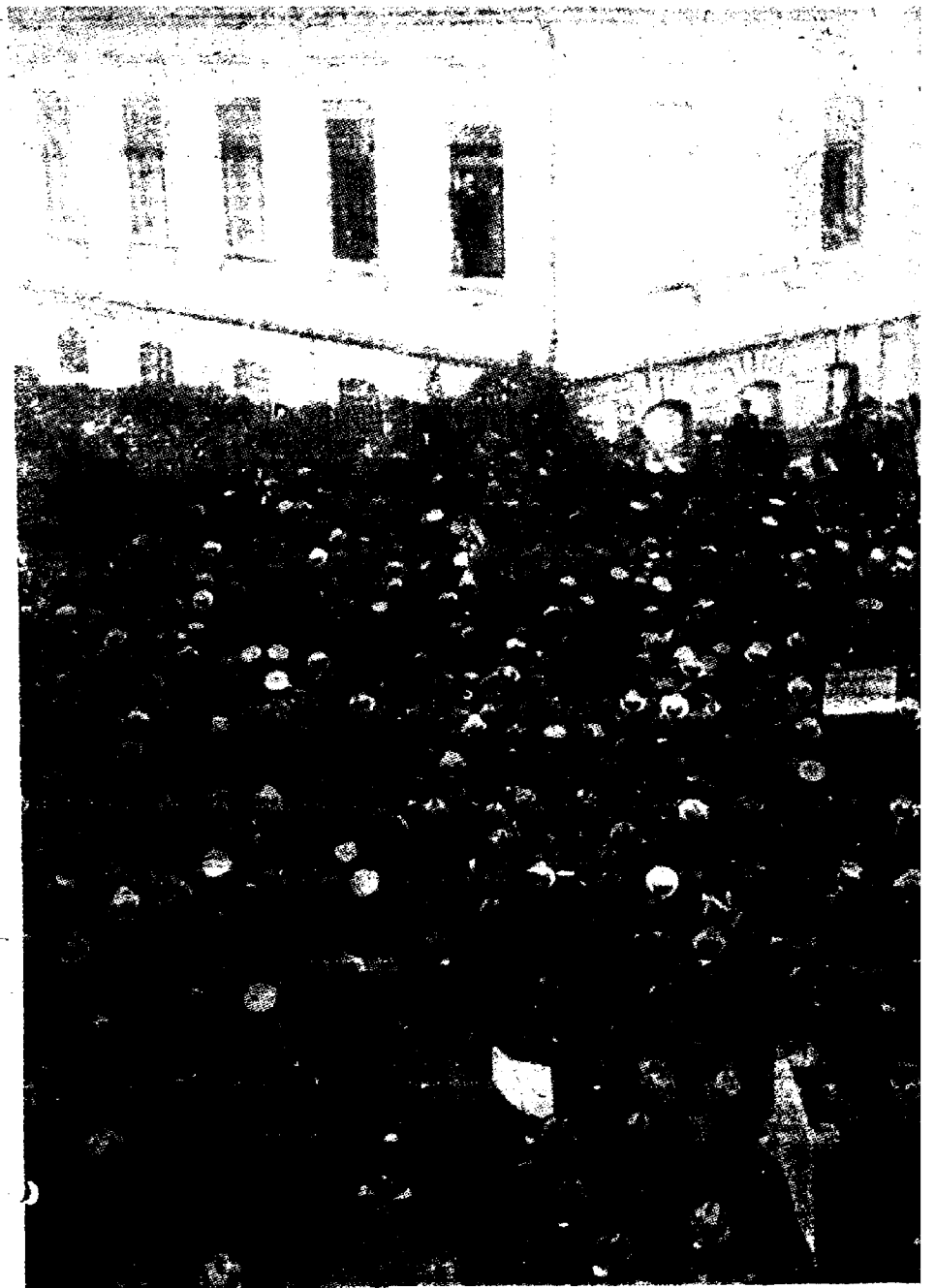
В немецкой революции 1918 г. социал-демократия проявила себя как ее сознательный палач.

Она использовала свою организацию, влияние на массы и знание их, чтобы тактикой лавирования и обмана, ничего не значащих обещаний и крутого насилия с неслыханным лицемерием и жестокостью подавить революцию.

Парадные выступления перед рабочими и деловые совещания с генералами и офицерами, о которых так красочно рассказывает Носке в своих мемуарах: призывы к спокойствию масс («покиньте улицу, соблюдайте тишину!») и направление оружия против них; организация никому не нужных общественных работ для рабочих и оставление нетронутым всего старого государственного аппарата — так выступала социал-демократия в революцию 1918 г.

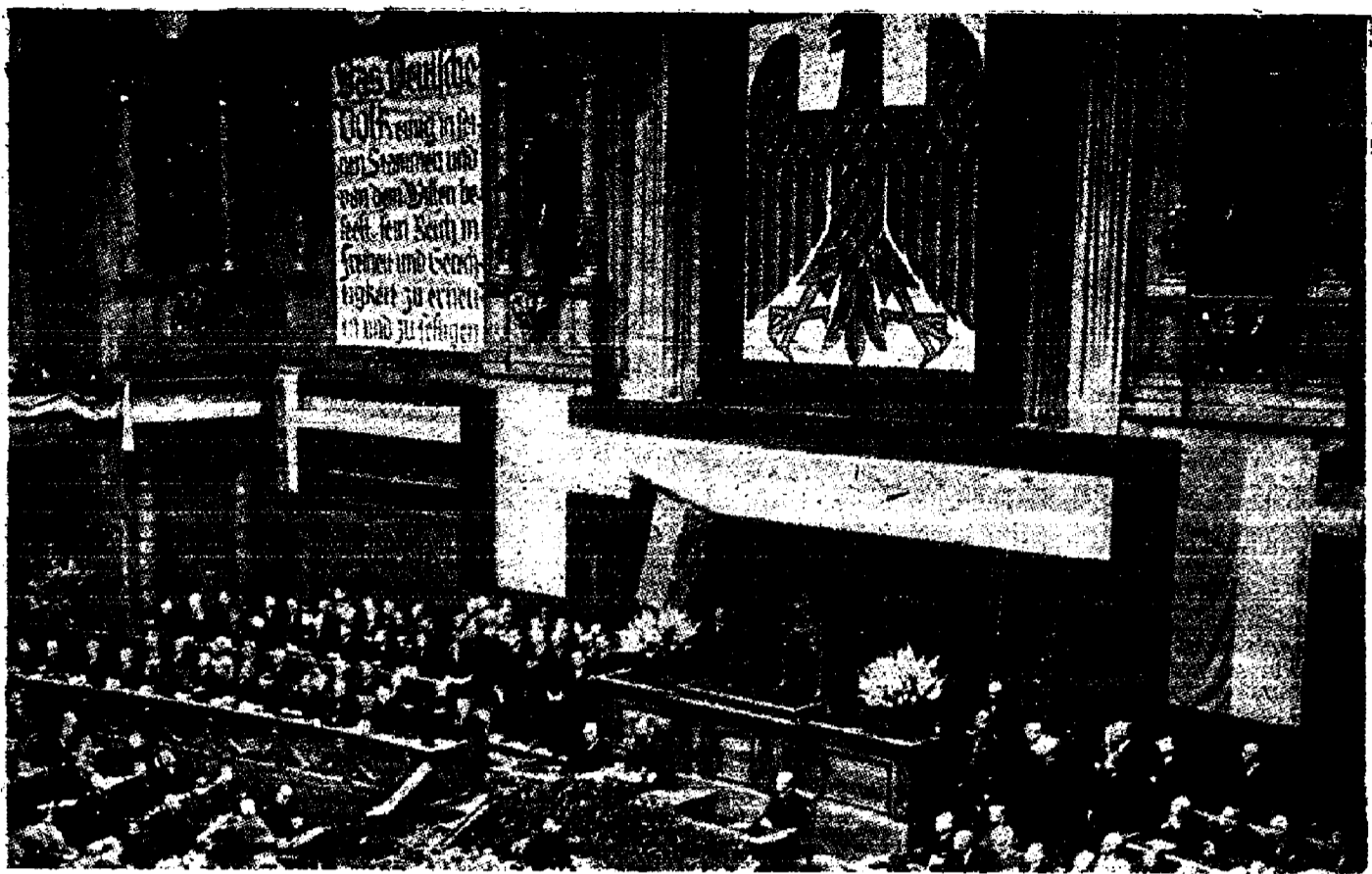
Когда накануне революции своими лозунгами «мира и демократии» социал-демократии не удалось обмануть массы, а воззваниями о начавшемся уже превращении кайзеровской монархии в «народное государство» ей не удалось предотвратить его падения, она в кратчайший срок перестраивается, формально становится на сторону советов рабочих депутатов и принимает от них власть, чтобы потом всяческими средствами эти советы

Шейдеман провозглашает Германию республикой. Нижний снимок, изображающий улицы Берлина в 1919 г., когда было объявлено военное положение для усмирения восставших рабочих, показывает истинное лицо этой республики.

...Социал-демократия использовала свое влияние на массы, чтобы тактикой лавирования и обмана, ничего не значащих обещаний с неслыханной лицемерной жестокостью подавить революцию...

*Помпезно-торжественное
открытие рейхстага и...*

разрушать и предавать, заключая за их спиной тайный союз с контрреволюционными генералами.

На словах социал-демократия признавала завоевания пролетариата для того, чтобы помешать ему пользоваться ими. Элементарное требование рабочих—право на стачку—было признано только на словах. Под флагом борьбы против разрушения хозяйства социал-демократическое правительство, подписавшись под этим требованием, подписывало прекращение забастовок, арестовывало забастовочные комитеты, заполняло забастовавшие предприятия военной силой. С поистине собачьей преданностью социал-демократия охраняла имущество буржуазии.

Буржуазные права для рабочих, освобождение и развязывание сил контрреволюции, удар за ударом по революционным организациям и помощь контрреволюционным организациям—такова была тактика социал-демократии в революции.

В те тревожные для буржуазии дни социал-демократия выполняла для нее важнейшие функции: она была ее агитатором и пропагандистом, она собирала и расставляла ее военные силы, она командовала ее наступлением на революцию.

Смертельным врагом социал-демократии был коммунистический революционный авангард пролетариата, и она делала все, чтобы рассеять его силы. Под руководством социал-демократии контрреволюция действовала быстро и вапористо.

Одной рукой социал-демократия подавляла революционное движение пролетариата, другой—старалась покончить с революцией «законным путем». Через два с небольшим месяца после начала революции происходили выборы в национальное собрание. К этому времени были убиты лучшие вожди пролетариата, и революция была разбита «по частям».

Децентрализованная, лишенная единого, подлинно большевистского руководства, теряя одного за другим своих вождей, обманутая и преданная в самых решающих пунктах руками социал-демократических пала-

чей, революция теряла свои позиции, не успев еще стать на них твердой ногой. Это было заслугой социал-демократии перед буржуазным обществом

Скорейшим назначением выборов в национальное собрание социал-демократия старалась закрепить победу контрреволюции: она лишала пролетариат необходимого времени для организации своих сил, для просвещения втянутых вновь в русло политической жизни масс.

Выборы отразили результаты предательской работы социал-демократии, дали победу буржуазии. Абсолютное большинство голосов получили буржуазные партии. Социал-демократия получила лишь незначительное увеличение по сравнению с выборами 1912 г. При общем росте количества избирателей с 14.400 тыс. в 1912 г. до 30.400.300 в 1919 г. удельный вес голосовавших за демократию увеличился за этот период на 8,1 проц., центра — на 6 проц., а за социал-демократов—всего на 3 проц. с 31,8 проц. в 1912 г. до 37,8 проц. в 1919 г. Это было явным поражением социал-демократов. Но и полученное ею количество голосов выражало кульминационный пункт влияния с.-д. Даже в 1928 г., когда выборы происходили в условиях временной капиталистической стабилизации, облегчавшей на время обман масс, в период, когда социал-демократия лихорадочно развивала свои апологетические теории и свою пропаганду в защиту капиталистического общества, количество голосов, поданных за нее, уменьшилось с 11.500 тыс., полученных в 1919 г., до 9.111 тыс. при некотором общем увеличении количества избирателей.

Политика социал-демократии в революционные годы не могла не отразиться на ее влиянии на массы. Дальнейший ход событий нанес сокрушительный удар социал-демократии. Современный мировой экономический кризис тяжело ударил по социал-демократической теории «организованного капитализма» и мирного перерастания его в социализм; кризис разбил точку зрения с.-д. о заинтересованности капиталистов в высокой заработной плате, о тенденции к улучшению положения рабочего класса в капиталистическом обществе. Теория хозяйственной и политической «демократии» в условиях фашизации страны воспринимается широкими слоя-

...разгон рабочих, собравшихся у здания рейхстага

ми пролетариата как басня, имеющая своей задачей обман рабочих. Кризис ярко выявил грозную опасность, надвинувшуюся на социал-демократию,—потерю влияния на массы. Боязнь этой потери влияния стала лейт-мотивом всех оппозиционных выступлений внутри социал-демократии. Оппозиционеры требовали более осторожной политики партии для того, чтобы сохранить влияние на массы.

На магдебургском партийтаге (май 1929 г.), происходившем после первомайского расстрела рабочей демонстрации социал-демократическим полицей-президентом, оппозиция жаловалась на «трудность объяснения рабочим смысла социал-демократической политики». «Это (т. е. политика.— М. Г.) не поддается объяснению»—сказал представитель одной из наиболее оппозиционных организаций—Экштейн из Бреславля.

Другой представитель оппозиции, Август Зимсен (Иена), сказал, что социал-демократическая «политика принуждена бояться быть честной, так как она защищает капиталистические интересы». Основной задачей социал-демократии было скрыть истинную сущность своей политики от рабочих, но разразившийся экономический кризис беспощадно срывал покровы, обнажая подлинно буржуазный характер политики с.-д. «Великое значение всяких кризисов в том, что они скрытое делают явным» — говорил Ленин. В такие периоды положение партий, выступающих «под чужим флагом» (Ленин), становится больше чем затруднительным.

Выборы в рейхстаг в 1930 г. неожиданно для социал-демократии дали сильное падение числа ее избирателей. При росте общего количества участвовавших в голосовании с 30.592 тыс. в 1928 г. до 35.224.499 в 1930 г. количество голосов, поданных за социал-демократию, понизилось с 9 с лишним миллионов до 8.576.244. С тех пор ни одни выборы, как общегосударственные, так и в местные ландтаги, не проходят без ощутительных потерь социал-демократии. При общем росте количества избирателей почти на два миллиона по сравнению с 1930 г. последние выборы в рейхстаг (31 июля 1932 г.) принесли новую потерю социал-демократических голосов—больше чем на полмиллиона (624 тыс.). Последние ноябрьские выборы в германский рейстаг, на которых социал-фашисты потеряли 700 тыс. голосов, в то время как компартия столько же выиграла, отражают особенно ярко неуклонный процесс потери влияния социал-демократов. Эти цифры однако недостаточно выражают силу падения влияния социал-демократов на рабочие массы, так как с уходом от социал-демократических пролетарских избирателей они получают голоса из буржуазных слоев населения.

Сами социал-демократы считают, что уже в 1930 г. «не менее 40 проц. социал-демократических избирателей представляли буржуазные слои». Этот процесс изменения социального базиса социал-демократии отражается и на самой партии. По официальным данным годового отчета социал-демократической партии, почти все ее организации, за немногими исключениями, уменьшили за 1931 г. количество своих членов. Там, где имеется небольшой рост организации, он идет за счет женщин. Количество мужчин, членов партии, уменьшилось за 1931 г. на 33.919, женщин—на 5.472, т. е. всего почти на 40 тыс. Увеличение членов партии по некоторым организациям в общей сложности составляет: мужчин 3.435, женщин 7.523, (к концу 1931 г. социал-демократическая партия насчитывала 1.008.953 члена). За тот же год социал-демократический союз молодежи потерял 10 проц. своих членов — из 55 тыс. он потерял 5 тыс.

Что не рабочий класс является в наше время резервом для социал-демократической партии, показывает дискуссия о молодежи на Лейпцигском партийтаге (май 1931 г.). Если проблема привлечения молодежи стояла перед социал-демократией в течение всего послевоенного периода, то в настоящее время она стоит особенно остро. С Лейпцигского съезда за социал-демократией установилось название партии «без молодежи»... Од-

нако приведенные цифры отлива и прилива членов партии выражают потерю влияния социал-демократии в рабочих массах в гораздо меньшей степени, чем это есть на деле, так как эти цифры дают лишь общий баланс прироста и убыли. Часть убыли рабочих компенсируется приходом непролетарских элементов. Это признают и сами социал-фашисты.

В книге Неймана «Немецкие партии» (изданной социал-демократическим партийным издательством) говорится, что в течение всего послевоенного периода социал-демократическая партия пропитывалась чиновниками и служащими, что о социал-демократической партии послевоенного периода «только в широком смысле можно говорить как о рабочей партии...» (разрядка моя.—М. Г.).

Цифры и потому еще не могут выразить всю силу потери влияния социал-демократами, что среди остающихся в социал-демократической партии рабочих имется большое недовольство ее политикой. Об этом свидетельствует постоянное брожение внутри партии, которое прорывается, несмотря на всяческие запрещения вести дискуссии, и отражается даже в социал-демократической печати.

Лето 1931 г., ознаменованное крахами целого ряда кредитных и промышленных предприятий, принесло новое углубление экономического кризиса. В ответ на политику нотферорднунгов (чрезвычайных декретов), политику ограбления рабочего класса, на стремление низвести до уровня кули жизненный уровень пролетариата и трудящихся масс Германии усилилось брожение среди масс. Осенью 1931 г. улицы Берлина увидели не одну голодную демонстрацию безработных.

Продолжая целиком поддерживать политику правительства, социал-демократия развивала в этот период бешеную борьбу за удержание масс под своим влиянием. Для борьбы за массы была поставлена на ноги вся партия. Пароль «Wo bleibt der zweiter Mann»¹, выставленный еще в начале 1931 г., служил для мобилизации внутренних сил партии на эту борьбу. Вот как годовой отчет партии описывает вербовочную деятельность социал-демократов за этот период: «В начале каждого месяца этот пароль новыми воззваниями возобновлялся в памяти. Все печатные произведения газеты, журналы использовались, чтобы этот пароль держать в сознании наших членов. Среди вербовщиков развили соревнование. Лучшие вербовщики каждого района получали вознаграждение...» Тем не менее количество членов с.-д. партии продолжало убывать.

В этот период в рядах социал-демократии появился целый ряд оппозиционных группировок, которые выпускали свои самостоятельные печатные органы («Ротер кемпфер», «Кельн», «Социалистише трибуне» — Саксония, «Социалистише информации» — Саксония, «Социалистисчер кемпфер» — Берлин). Часть из них вошла в САП, часть вернулась в партию. Из всех групп группа Зейдевица — Розенфельда, выпускавшая журнал «Классенкампф», была наиболее крупной. Из нее и вышла САП.

Главным требованием этой группы было требование прекращения партией политики толерирования². Поддержка июньского нотферорднунга, означающего новое наступление на жизненный уровень рабочего класса, говорили оппозиционеры, может оказаться губительной для партии. Первого июля, после отказа социал-демократической фракции рейхстага принять предложение оппозиции, эта группа выпустила «Предупреждение партии». Зейдевиц писал в «Классенкампфе» от 15 июля, что оно диктовалось заботой о сохранении целостности партии. Свое право на обращение к партии Зейдевиц в той же статье мотивировал тем, что его группа остается «в рамках партийной программы».

¹ Буквальный перевод этого пароля: «Где остается второй человек». Смысл его состоит в том, что каждому социал-демократу вменялось в обязанность завербовать нового члена партии.

² Политика терпимого отношения к реакционному правительству. На деле это была политика поддержки правительства.

После исключения Зейдевица и Розенфельда из с.-д. партии (22 сентября) за выпуск еженедельной газеты «Факел», за самостоятельное издание «Красных книг» и другие фракционные грехи, конференция оппозиционеров, собравшаяся 4 октября в Берлине, объявила о создании новой партии—САП.

Один из вождей этой партии в статье «Бунт или спасающее действие» («Факел» от 2 октября) с горечью констатировал по поводу гамбургских выборов, что массы потеряли свое доверие к социал-демократии.

«Лево-и праворадикальные противники демократии,—писал он.— становятся все сильнее... и думают об установлении своей диктатуры, будь это путем путча, будь это, как у националистов, посредством легального завоевания». И то и другое «угрожает интересам пролетариата»... «Только если мы покажем массам, что имеется еще социалистическое направление в партии, только тогда массы больше не будут усиливать ряды коммунизма и национализма, а останутся верными социализму». Так новая партия сама довольно откровенно рассказала о цели организации.

Еще в 1927 г. на Кильском партийтаге социал-демократическая оппозиция устами Экштейна (сейчас состоит в САП) сказала: «Лучшая политика—это та, которая действует наиболее агитационно». Это подчеркивает, с одной стороны, служебный характер всех «левых» требований оппозиции по отношению к главной ее задаче—держать массы под своим влиянием и, с другой стороны, то, что оппозиция оставалась внутри партии, пока объективные обстоятельства это допускали. Оппозиция осуществляла известное разделение труда: в то время как партия проводила свою буржуазную политику, они создавали у недовольных этой политикой иллюзию о возможности ее изменения. Они решились на создание отдельной партии только тогда, когда для поддержания социал-демократического влияния нужно было прибегнуть к более сильному средству. Само руководство социал-демократии, несмотря на то, что оно метало громы и молнии по адресу раскольников, едва ли было особенно недовольно образованием САП. На одном совещании социал-демократов Гильфердинг сказал: «Образование новой независимой социалистической партии надо приветствовать потому, что она может помешать отходу недовольных в компартию» (разрядка моя. — М. Г.).

Первые дни своего существования новая партия наполняла целые страницы своей газеты сообщениями о прибытии к ней все новых и новых сил. Передовая в № 6 хвастливо сообщила, что рядом с САП—этой «действительно марксистской и революционной партией»... «не сумеют существовать ни реформисты, ни коммунисты». Через две недели после обнародования манифеста САП сообщала, что она насчитывает в своих рядах уже 50 тыс. членов. Хвастливость ее не знала границ. САП бахвалилась, что в кратчайшее время она создаст более многочисленную организацию, чем компартия: «Новые группы возникают ежедневно, и мы уже сейчас можем принять, что САП через четверть года своего существования будет иметь больше организационных членов, чем коммунистическая партия Германии».

Но в дальнейшем САП без всяких объяснений прекратила свои сообщения о составе и росте партии. Ко времени съезда, происходившего через 6 мес. после организации партии, САП, по официальным данным, насчитывала 57 тыс. членов. Трудно сказать, насколько эти цифры соответствуют действительности. Первый же год существования САП показал, как оценили рабочие массы «левые» маневры новой партии. За это время происходил целый ряд выборов, на которых и САП пыталась выступать самостоятельно. На происходивших 24 апреля 1932 г. выборах в Пруссии САП получила 80 тыс. голосов. На происходивших через несколько меся-

цев, 31 июля 1932 г., выборах в рейхстаг она получила по всей Германии только 72.590 голосов. Это свидетельствует о быстром разоблачении истинного смысла «левого» маневра.

В конце октября 1931 г. в САП влились остатки бывших правых независимцев, так называемая ЛСП: группа Теодора Либкнехта, издававшая до слияния с САП свой орган—«Фрайгайт», и группа Ледебур—«Социалистический бунд». В марте 1932 г. после раскола КПО (как называет себя группа Брандлера) тоже перешла к САП. Тем не менее САП не удалось стать массовой партией, как она обещала при своем возникновении.

САП издает по всей Германии один журнал, две ежедневные газеты и 10 еженедельных, вернее одну еженедельную, так как все они издаются в Берлине, в основном с одним общим материалом, только под разными названиями, и предназначены для разных областей Германии.

Радикализация масс на почве углубления кризиса капитализма и фашизации социал-демократической партии создала глубокий разрыв между социал-демократическим руководством и рабочими массами. При этих условиях «левый» маневр—создание новой организационной базы, «не обремененной грехами прошлого»,—приобретал характер одного из наиболее крупных маневров за последние годы. Этот маневр, как и многие другие, не принес однако ожидавшихся результатов.

Годичный опыт САП показал, что попытка германской социал-демократии создать новый барьер против растущего процесса перехода революционизирующихся рабочих в коммунистическую партию оказалась явно несостоятельной.

ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ИСТАНОВКИ САП

Первая временная программа САП была принята на учредительном съезде партии 4 октября 1931 г. Окончательная программа должна была быть принята на следующем съезде. Для разработки проекта программы была создана комиссия. Ей вменялось в обязанность собрать и использовать дискуссионный материал по вопросам программы партии.

Съезд состоялся 25—28 марта, через 6 месяцев после организации партии, и обнаружил исключительный внутренний разброд в САП.

Программа, предложенная комиссией, подверглась критике и «справа» и «слева». В рядах новой партии, не успевшей еще сконструироваться, обнаружилось несколько фракций. Самое руководство уже успело проделать эволюцию в духе еще большего развития «левой» фразы, с одной стороны, и контрреволюционного действия—с другой.

Программные выступления САП как на съезде, так и в печати проникнуты исключительной противоречивостью. Эта противоречивость имеется не только в отдельных выступлениях, но и в официальных решениях, а также и в практических лозунгах партии. Для САП эти противоречия не случайны, они обуславливаются той ролью, которую САП пытается играть в рабочем движении.

Два факта—трудность завоевания масс и радикализация тех рабочих, которых оппозиционным вождям удалось повести за собой в САП,—ярко проявились в программных дискуссиях на мартовском партийном съезде.

«Мы не могли знать,—сказал один из берлинских делегатов Кюстер,—что часть наших товарищей за 6 месяцев проделала такое быстрое развитие, что они сегодня признают ересью то, что еще 6 месяцев назад считали правильным. Такого быстрого хода развития мы не предвидели». О том же, что САП не имела влияния на широкие рабочие массы, красноречиво говорят цифры количества членов партии. Усиливается внутренний разброд партии, вызванный, с одной стороны, полевением части рабочих, а с другой—стремлением продолжать направлять развитие партии в социал-фашистском духе. По поводу программной дискуссии на мартов-

ском съезде представитель из Хемница заявил: «Можно сказать, призрак бродит в САП — призрак коммунизма» (под этим призраком он подразумевал рабочих — рядовых членов).

Внутренний разброд САП очень ярко проявился при определении ее общих программных установок. Как в период обострения своих отношений с социал-фашистами, так и после ухода из с.-д. партии группа Зейдевица заявляла, что она в основном остается на почве Гейдельбергской программы, принятой в 1925 г. и целиком соответствующей послевоенному курсу социал-демократии.

В то же время одним из главных обвинений, выставленных новой партией против с.-д., является положение, что социал-демократия, вступив на путь коалиционной политики, изменила принципу марксизма «Освобождение пролетариата есть дело рук самого пролетариата». Поэтому САП ставит якобы своей задачей показать непримиримость классовых противоречий в капиталистическом обществе. Но это положение полностью отрицает Гейдельбергская программа, общий смысл которой заключается в признании принципа сотрудничества классов и в признании положения, что в капиталистическом обществе пролетариат имеет все возможности изменить свое положение и защитить свои интересы. Программа подменяет теорию классовой борьбы принципом равновесия классов. В капиталистическом обществе, утверждает программа, «сильно окрепшее рабочее движение... противостоит капитализму, как равный противник», а пролетариат достаточно силен, чтобы в его рамках «преодолеть» капиталистические принципы и частную собственность заменить общественной. По мнению составителей программы, тенденции развития капитализма с «неизбежностью» ведут к социализму.

А. Зимсен (автор одной из «Красных книг», посвященной программным вопросам) писал о Гейдельбергской программе, что она представляет собой «документ определенной исторической полосы, дающей направление для периода, который истекает в настоящее время». Этим самым еще раз признается правильность Гейдельбергской программы, ревизирующей марксизм по всей линии, необходимость же ее переработки объясняется лишь возникновением новых задач по овладению массами, связанных с наступлением новой исторической полосы.

Итак, теоретически САП одновременно признает и отрицает идею сотрудничества классов, в своей же практической работе она полностью проводит гейдельбергские программные установки о сотрудничестве классов.

Основная проблема, которую САП собиралась решить в своей программе, — это вопрос об «организованном капитализме». Ответить на вопрос, устраняет ли и насколько устраняет «организованный капитализм» «анархию» (т. е. революцию.—М. Г.) и угрозу кризиса,— вот в чем САП видела задачу новой программы. Поэтому один из пунктов разногласия САП и социал-демократии сводится к «оценке экономического положения капитализма».

Но и «модную» оценку капитализма САП пыталась как-нибудь согласовать с принципами Гейдельбергской программы, подтверждая наличие у нее лишь тактических и организационных «расхождений» с социал-демократами. Точку зрения, что можно остаться при старой программе, выразил на мартовском съезде делегат Клейбест (Берлин): «Прежние социал-демократические товарищи,—сказал он,—перегнули палку в другую сторону—они хотят принципиально нового», а между тем дело в том, чтобы «социалистические идеи (читай: социал-демократические.—М. Г.) уже сформулированные, действительно проводить в жизнь».

Однако за короткое время своего существования САП могла убедиться, насколько опасно выступать под старым знаменем. Результатом этого явилось «полевение» руководства. Докладчик программной комиссии

Разгон полицией берлинских демонстрантов

...Принцип сотрудничества классов в
действии... пролетариат „имеет все
возможности изменить свое поло-
жение и защищать свои интересы“...

Зевринг ведет любезный разговор с полицейским офицером

говорил, что Гейдельбергская программа «на сто процентов стоит на почве капитализма». Больше того, докладчик нашел нужным солидаризироваться с коммунистической программой, назвав ее «самой зрелой и продуманной» из всех программ, до сих пор созданных рабочим движением.

Конечно это признание было исключительно словесным, но оно свидетельствует о том настроении, которое имеется в низах САП и вне ее в рабочих массах, где социал-демократическое знамя достаточно дискредитировано. Какова бы ни была разноречивость мнений в САП, она проводит одну линию, которая определяется социальным смыслом ее существования.

Оценке, которую давали современному кризису социал-фашисты как одному из обычных кризисов капитализма, «левые» противопоставили определение его как кризиса структурного, вызванного длительными изменениями в самой структуре хозяйства под влиянием войны. В характеристике этого кризиса «левые» не останавливались перед самыми пессимистическими оценками перспектив капитализма. В статье «Кризис капитализма» («Красная книга») Макс Адлер¹ писал: «Становится все яснее, что капитализм в современном своем развитии зашел в тупик, потому что своими собственными средствами он не может устранить противоречий своей системы. Итак, навязывается мысль, что современный кризис означает последнюю фазу капиталистической системы. Капиталистическое развитие привело общество в состояние... из которого нет больше выхода на капиталистическом пути» (стр. 141).

Но в том же сборнике имеются и другие формулировки, именно, что и современный кризис еще не «последний, не решающий и не окончательный» (стр. 177), что и структурный кризис можно преодолеть на почве капитализма; для этого требуется лишь «более продолжительное время» (стр. 9). В программных же своих выступлениях САП принимала формулировку Адлера. Она должна была показать массам, что САП «порвала» с теорией «организованного капитализма».

В этой статье нет возможности дать изложение и критику экономических теорий, развивавшихся представителями САП, которые представляют собой мешанину буржуазных теорий и люксембургизма. Необходимо лишь отметить, что эти теории прекрасно служат для обоснования социал-фашистских практических выводов. В объяснении причин современного экономического кризиса и указании на задачи рабочего класса, которые дает первая «Красная книга», посвященная проблеме кризиса, особенно заметна эта связь «левых» теорий с социал-фашистской политикой.

Подобно всем социал-фашистам САП не может отказаться от того, чтобы не признать за буржуазией и в настоящее время «организующие функции».

Объяснение причин современного кризиса «левые» строят на противопоставлении послевоенного развития довоенному, на положении, что довоенный капитализм не имел внутренних противоречий. «В довоенный период,—пишет Граф²,—мировое хозяйство было не чем иным, как расширенным народным хозяйством, удовлетворяющим человеческие потребности посредством продуктов со всего света». (стр. 10). В этот период «схема мирового хозяйства была проста и ясна. Это была схема интернационального разделения труда между высококапиталистической, индустриальной Средней и Северо-Западной Европой... и всем остальным миром, доставлявшим сырье и средства питания» (стр. 11). Для довоенного капитализма следовательно характерен был принцип «сотрудниче-

¹ Представитель австрийской «левой» социал-демократии, часто пишет в саповских изданиях. САП называет его «представителем социализма».

² Последний принадлежит к тем, кто вернулся из оппозиции в социал-демократическую партию. В предисловии к сборнику Зейдевиц называет его «товарищем по убеждению»; его статья помещена на первом месте сборника и должна дать анализ капитализма на современном этапе.

ства» между империалистическими странами. Война прервала эту линию развития и породила новые тенденции.

Из этого рассуждения сам собой вытекает вопрос: как из сотрудничества империалистов вообще могла возникнуть война? Для автора, как и для социал-демократических теоретиков, этот вопрос решается просто. Империализм с точки зрения социал-демократов не есть определенная экономическая фаза капитализма и не является неизбежным следствием его экономического развития. Империализм — политика или вернее одна из возможных «политических тенденций». Поэтому самая война становится фактом внешним по отношению к капиталистическому развитию. Поэтому и то коренное изменение, которое война внесла в хозяйство, с точки зрения этой теории не обязательно связано с довоенными тенденциями развития. Для современного же развития капитализма, по мнению Графа, прежняя схема разделения труда между разными странами уже не годится. «Нити мирового хозяйства вдоль и поперек запутаны, а то и совсем порваны, сотрудничество стран сменилось борьбой».

Понимаемое в этом духе принципиальное различие между довоенным и послевоенным капитализмом, при котором довоенный капитализм представляется свободным от присущих ему противоречий, служит исходной точкой при решении целого ряда других вопросов. Так, Шгеренберг, один из наиболее «левых» в САП, и другие доказывают, что довоенному капитализму свойственна была тенденция к улучшению положения пролетариата, теория же обнищания пролетариата верна лишь для настоящего времени.

На этой теории строится «левая» фразеология САП в своей характеристике современного момента. Когда же речь идет о практическом решении целого ряда вопросов современной политики, на первый план выступает другая цель: попытка укрепления капитализма. Сам Граф из своей теории делает вывод, что именно в результате кризиса необходимость восстановления мировых связей становится яснее, чем когда-нибудь раньше.

Это положение служит для обоснования положения, что образование «надгосударственного центра» — прогрессивное явление. Этим самым создается почва для примирения с фашистской идеей корпоративного государства.

Маскирование «левой» фразой контрреволюционных выводов достигает особой виртуозности при ответе на два принципиальнейших вопроса международного рабочего движения — об отношении к СССР и Лиге наций.

Один из проектов программы, внесенный группой САП на обсуждение мартовского съезда, по вопросу об отношении к Лиге наций, дает следующую формулировку: «В той же самой мере, в которой объединение отдельных немецких государств в один государственный и хозяйственный организм образовало благоприятную обстановку для освободительной борьбы немецкого пролетариата, каждое мероприятие, ведущее к образованию европейского центра, стоящего над государствами, является шагом вперед по отношению к до сих пор существовавшей государственной анархии» (протоколы съезда, стр. 85—86).

Выступая за этот проект, один делегат договорился до того, что Лига наций является завоеванием пролетариата: «Лига наций.—сказал он,—возникла по окончании войны по призыву масс: «Никогда больше не должно быть войны». Если она (Лига наций) еще не идеал, — продолжает он,—то она все же начало, ведущее к созданию нового правового надгосударственного порядка» (стр. 102).

В такой открытой форме съезд конечно не мог принять решения по этому вопросу. Нужно было его завуалировать. Поэтому постановление по этому пункту гласит: «Если они (Лига наций и конференция по разоружению — М. Г.) смягчают существующие противоречия, то они одновременно

создают и новые» (стр. 183). Итак, с одной стороны, Лига наций «не хочет и не может предотвратить войну», с другой—она смягчает существующие противоречия.

Одновременно тот же сборник обосновывает социал-фашистскую теорию «красного империализма». Значение русской революции рассматривается Графом не с точки зрения интересов пролетариата, а с точки зрения интересов буржуазии. Граф ищет рецепта для восстановления мирового капиталистического хозяйства. Восстановление мировых связей, восстановление принципа «сотрудничества» как выход из кризиса — таков его основной рецепт. В связи с этим вопросом он и уделяет в своем анализе особое место СССР.

«Среди всех причин, играющих роль тормозов для восстановления мирового хозяйства, СССР является одним из главных». Граф пытается создать видимость, что он в этом обвиняет отчасти капиталистический мир, что именно капиталистический мир вынудил «СССР в своих хозяйственных целях заниматься организацией революции».

«Запад был сплошь огражден блокадой,—пишет Граф,—на востоке и юго-востоке Советская республика создала широкий плацдарм национальных революций, которыми она раздувала стремление к свободе у феодальных народов, угнетенных империализмом или подвергающихся угрозам с его стороны... Она организовывала восстания против «чуждого дьявола» настолько, что теперь во всей Азии тлеет огонь, который каждый день может воспламениться» (стр. 28).

Этот «красный империализм», продолжает автор, носит целиком оборонительный характер. Словеса насчет «оборонительного» характера «красного империализма» — это для прикрытия, истинный же смысл заключается в том, что если империалистическая политика капиталистических стран является случайной, то «красный империализм коренится в объективных условиях», т. е. является неизменным.

Как влияет «красный империализм» на мировое хозяйство? «Отвлекаясь от окружающих русское государство областей, он означает сам по себе огромное нарушение равновесия в мировом хозяйстве»—дает тот же Граф ответ на этот вопрос (стр. 28). Приведенные высказывания Графа достаточны для характеристики взглядов социал-демократической «левой», но Граф не ограничивается этим. Он прямо ставит вопрос о том, что означает для мирового пролетариата строительство социализма в СССР, и дает ответ: «Каждая фабричная труба, которая там (в СССР.—М. Г.) начинает дымиться, означает новую безработицу в старых индустриальных государствах, каждый русский демпинг ввергает и без того неустойчивый мировой рынок в судороги, которые распространяются по всему свету» (стр. 50).

Яснее, чем это делает Граф, раскрыть истинный смысл бесчисленных клятв САП «всеми средствами» защищать Советский союз нельзя. О какой защите СССР может идти речь, если Советский союз оказывается главным источником безработицы в капиталистических странах, если Страна советов захватила все восточные и юго-восточные рынки и является единственным препятствием для восстановления довоенного сотрудничества всех стран, для выхода из кризиса и «восстановления» былого «благополучия» пролетариата? К чему и за что защищать СССР? Ответ ясен: не к чему и не за что. Эта теория Графа полностью определяет подлинную политику САП в вопросе о борьбе с военной угрозой и интервенцией против СССР. Это — политика активной подготовки войны империалистов против СССР и новой интервенции.

Гертруда Дуби, делегатка от Берлина, на мартовском партийном собрании внесла предложение включить в практические мероприятия по борьбе с угрозой войны пропаганду против производства военного снаряжения и доставки его на фронт. Свое предложение она мотивировала тем, что в этом

вопросе II интернационал накануне войны ограничился «демонстрациями и резолюциями» и что необходимо заняться конкретной агитацией против военной опасности.

Предложение Дуби заклеили как пацифистскую иллюзию и отвергли огромным большинством съезда, определив как «консерватизм» и «реформизм». В своем заключительном слове Зейдевиц сказал, что если создавать в партии одну генеральную линию, то «первой задачей нового партийного руководства должно быть принятие мер против ультралевой игры, которую допустила в своей речи Дуби». В свете всего вышесказанного ясно, какое имеет значение пункт программы, гласящий: «В борьбе капиталистических стран против Советского союза САП мобилизует все силы пролетариата для защиты рабоче-крестьянской России» (протоколы, стр. 183).

Эти два примера — отношение к СССР и Лиге наций — достаточно ярко характеризуют всю лживость «левых» фраз, служащих для прикрытия реакционной буржуазной политики САП.

Вернемся теперь к формулировке М. Адлера о безвыходности современного положения капитализма. Какой путь выхода из кризиса указывает САП пролетариату?

САП приняла на словах и диктатуру пролетариата и революцию. Своей основной задачей она якобы объявила создание единого фронта пролетариата для осуществления социализма «на революционном пути».

Программа, принятая на мартовском партийтаге, пестрит «революционными» терминами. Они однако так умело вклеены в программу, что каждому из них соответствует совсем особый, отнюдь не революционный, а контрреволюционный смысл.

Программа САП особенно интересна для характеристики ее «левой» фразеологии. Неслучайно на первом месте программы поставлен вопрос о государстве и диктатуре пролетариата.

Еще за несколько месяцев до своего съезда САП в первой своей программе говорила о «двух методах завоевания власти»: о «пути демократии» и «пути насилия». Такой постановкой неизбежность диктатуры пролетариата совершенно открыто ставилась под сомнение. «Если пролетариату удастся, — гласила временная программа по этому вопросу, — достичь власти на демократическом пути, если он будет достаточно силен, чтобы предотвратить контрреволюцию, то он и власть свою осуществит демократически». Эта формулировка совершенно аналогична положению Бауэра—Каутского, утверждавших в 1919—1921 гг., что если буржуазия «вздумает сопротивляться мирному переходу власти в руки пролетариата, то последнему придется прибегнуть к насилию». Так САП повторяет маневр центристов, примененный ими в первые годы после войны, пытаясь обмануть рабочих, прикрывая «демократический» путь революции признанием возможности применения и насилия.

Через несколько месяцев однако САП принуждена была изменить свою вывеску. Новая программа САП прямо начинается с требования устранения государства как «организованного насилия в руках господствующего класса». Предпосылкой социализма программа считает не только свладение пролетариатом политической властью, но и «разрушение» буржуазного и создание «собственно» пролетарского государства как «выражения революционной диктатуры пролетариата». Но, с другой стороны, — а в этом вся суть, — крайне туманно и двусмысленно говорится о средствах и путях достижения этой цели. Революционная ситуация как предпосылка завоевания пролетариатом власти «определяется готовностью рабочего класса применить все средства» (разрядка моя. — М. Г.) вплоть до «вооруженного» насилия. Но при этом очень искусно обходится самый момент свержения буржуазии, момент захвата власти.

Сущность этой последней постановки вопроса САП о диктатуре пролетариата состоит в том, что борьба против пролетарской революции и диктатуры пролетариата проводится под флагом внешнего признания их. В этом отношении «диктатура пролетариата» у САП остается пустой фразой, но вместе с тем самым остро отточенным ядовитым оружием обмана революционизирующихся рабочих масс, особенно рядовых членов с.-д. партии. Диктатура пролетариата для САП играет такую же роль, какую в настоящее время для социал-фашизма играет «конечная цель — социализм». И там и здесь эти лозунги фигурируют лишь в качестве средства притяжения масс под социал-демократические знамена и для удержания их от действительной борьбы за диктатуру пролетариата и социализм.

В первой «Красной книге» была помещена большая статья Макса Адлера, посвященная социальной революции, в которой особое место уделяется разъяснению понятия диктатуры пролетариата. «Понятие диктатуры пролетариата, — пишет Адлер, — для Маркса и Энгельса было само собою разумеющимся выводом из классовой борьбы и составляло необходимую предпосылку возникновения социалистического общества. В этом смысле оно (это понятие) также признавалось всеми в социал-демократии довоенного времени, и социал-демократов, не признававших диктатуру пролетариата с целью политической классовой борьбы, не считали настоящими социал-демократами»¹.

Но в настоящее время Адлер это понятие отвергает как нечто «коммунистическое». Он оправдывает социал-фашистов тем, что они правильно борются с русскими большевиками, которые завоевание и утверждение своей власти до сих пор называют «диктатурой пролетариата».

В статье, помещенной в сборнике, который, по мнению Зейдевица, должен был указать пролетариату новый путь, «принципиально» отличный от пути социал-демократического, Адлер писал: «Совершенно ясно, что пролетарская диктатура, которую Маркс и Энгельс считали необходимой как переходный этап между капиталистическим государством и социалистическим обществом, означает, что пролетариат завоевывает демократию, то-есть что он превращается в большинство населения и с правом большинства, следовательно, на демократическом пути, предпринимает необходимые мероприятия, чтобы классовое государство превратить в общество бесклассовое».

Вопрос о диктатуре пролетариата был объявлен дискуссионным в САП. Уже это одно достаточно характерно для партии, пытающейся прикрыться «чужим» флагом. В дискуссиях по этому вопросу никто из саповцев не пытался серьезно возражать Адлеру. Говоря об этой дискуссии, Зейдевиц с удовлетворением отмечал, что во всей САП имеется «единое мнение», сводящееся к следующему: «Наше желание и желание всего пролетариата — завоевать политическую власть мирным демократическим путем». Зейдевиц проливает слезы только потому, что теперь так «трудно» стало говорить «о демократии». Как будто специально о Зейдевице писал Энгельс, имея в виду Дюринга: «Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйства понадобится, может быть, насилие, — к сожалению, извольте видеть!»

Таким образом понимание диктатуры пролетариата САП не отличается от социал-фашистской теории завоевания власти пролетариатом на парламентско-демократическом пути. Более того: саповское учение о демократии по существу целиком сходится с точкой зрения официальной социал-демократии.

¹ «Кризис капитализма, задачи рабочего класса», стр. 153.

Для «левых» буржуазная демократия есть элемент социализма. И в постановке вопроса о демократии у них дело не обходится без обычной путаницы. С одной стороны, САП клеймит «демократические иллюзии» социал-демократии, называя и «демократические» органы правления орудием классового господства буржуазии. С другой, она считает, что установление «демократии» в современный период вообще невозможно, а раз так, то те «элементы демократии», которые еще сохранились в современной Германии, она стремится представить как социалистические элементы. Остающиеся еще «элементы демократии» «сохраняют свой смысл как элементы социальной революции». «... Сохранить и использовать политическую демократию, — пишет Адлер, — означает сохранить и использовать средство, при помощи которого классово-революционное большинство населения завоеует государственную власть, чтобы устранить классовое государство»¹.

Именно с этой точки зрения дана оценка современному политическому моменту в Германии в одном из последних номеров теоретического журнала САП.

Два момента, характерные для социал-фашизма, приводятся в этой статье. Во-первых, фашизм противопоставляется демократии как «зародышу социализма». «Ближайшие задачи контрреволюции в Германии, — пишет К. Франк в передовой статье журнала, — устранение всех демократических свобод и в первую голову искоренение свобод для рабочих как «зародыща» будущего социалистического общества». Во-вторых, вопрос о методах преодоления фашизма в настоящее время ставится по аналогии с тем, как была «преодолена» реакция в лице правительства Куно в 1923 г.: «Также и в настоящее время должно решиться, — писал «Классенkampf» в июле 1932 г., — станут ли ближайшие месяцы исходным пунктом контрреволюционной эпохи или наступление еще раз будет отражено...»

Франк всячески скрывает, что борьба с реакцией в 1923 г. окончилась не победой, а поражением пролетариата, причем как раз благодаря социал-демократии и в особенности при активнейшем участии «левых» социал-демократов.

Говоря о необходимости «еще раз» преодолеть «реакцию», как в 1923 г., Франк вслед за этим напоминает, что победа революции «не стоит непосредственно на очереди дня, мы больше стоим перед отражением контрреволюционного наступления». Это напоминание необходимо для того, чтобы оправдать в глазах масс исключительные парламентские формы «борьбы» против фашизма, которые выдвигает социал-демократия для парализации воли рабочего класса в борьбе против фашистской реакции. Практическим лозунгом Франка был «оборонительный» блок всех «рабочих» партий в парламентских выборах. Согласно этой точке зрения и другая статья, обосновывавшая этот же лозунг, называла июльские парламентские выборы в 1932 г. «решающим звеном в классовой борьбе пролетариата».

Для САП следовательно борьба с фашизмом мыслится исключительно как акт «парламентски-демократический», который объявляется «революционным путем» борьбы с фашизмом. В этом отношении САП целиком сходится с другой «архиреволюционной» группой бывшего «левого» коммуниста Урбанса, выставившей лозунг «противофашистского парламента». Для какой цели, — говорится в обращении, помещенном в «Народной воле», — должна вестись общая борьба? Фашисты ни в коем случае не должны быть допущены в правительство, ни в коем случае диктатура не должна исключить парламента.

¹ «Кризис капитализма», стр. 145.

Должно быть образовано парламентское правительство без фашистов, против фашистов. Это возможно, если партии Веймарской коалиции возьмут на себя образование правительства и коммунисты этому правительству помогут создать парламентское большинство» (разрядка автора).

Образование правительства Веймарской коалиции группа Урбанса считает исходным моментом развития революции. В этом правительстве коммунисты должны будут начать с ультиматумов буржуазному государству. Невыполнение их буржуазией будет непосредственно вести к вооруженной борьбе. Зейдевиц также пытался говорить о необходимости предъявить Брюнингу социалистические требования в порядке ультиматума. Но теперь САП предпочитает менее определенно говорить о «путях к социализму». Она выставила лозунг «рабочего правительства», которое «отбирает часть государственных функций» у существующего правительства, положив таким образом начало двоевластию как исходному моменту борьбы за «полный переход власти в руки пролетариата». Но вопрос о том, как это «рабочее правительство» будет отбирать «часть государственных функций», обходится молчанием. Такой же характер носит и другой лозунг САП — «рабочего контроля над производством», постановка коего вне связи с конкретной обстановкой, в которой он может быть выставлен, заимствована у Брандлера и у Троцкого (между брандлершанцами и Троцким идет дискуссия, кто из них раньше выдумал этот лозунг).

В отношении революционной фразы у САП богатейший арсенал: «диктатура пролетариата», «двоевластие», «контроль над производством» и даже «обязательное требование» «разрушения государственной машины буржуазии». Все это показывает, как сильно изменилось положение со времени первого тура пролетарских революций. Тогда «левые» социал-демократы тоже выдвигали лозунг «диктатуры пролетариата», но они не рисковали даже словесно заикаться о «разрушении», да еще «насильственном», буржуазной государственной машины. Теперь, когда начался переход к новому туру империалистических войн и пролетарских революций, «левые» принуждены применять в качестве словесной терминологии «разрушение буржуазной государственной машины». Эти ультрареволюционные фразы «левых» являются кривым отражением происходящего процесса революционного брожения в рабочих массах.

В постановке САП «разрушение» не ставится в непосредственную связь с подготовкой революции, с определением ее конкретных путей, а признается отвлеченно, вообще. Недаром программа САП избегает термина «революция»; уже не говоря о вооруженном восстании, в ней также совершенно отсутствует лозунг вооружения рабочих как основной предпосылки свержения буржуазии и действительного разрушения буржуазного государства.

Требование «разрушения» государства буржуазии в программе САП является лишь новым методом, при помощи которого она пытается решить старую социал-демократическую задачу отклонения пролетариата от революционного пути. Ведь недаром же «теории» сановских вождей по существу снимают вопрос о возможности и необходимости революции.

В новом труде известного теоретика САП, в книге Штеренберга «Упадок немецкого капитализма», в основном повторяется старая его схема о соотношении сил революции и контрреволюции в эпоху империализма. По мнению Штеренберга, Маркс в свое время рисовал этот вопрос слишком упрощенно, ибо, по Марксу, эпоха упадка капитализма характеризовалась наличием пролетариата как абсолютного большинства населения и маленькой кучки капиталюгов, которых нужно было эксплуатировать. На деле же «общественная пирамида в эпоху упадка капитализма значительно сложнее. Как в городе, так и в деревне средние слои сильно воз-

росли. Это одна из объективных причин роста контрреволюционных сил и слабости пролетариата» (стр. 373).

Другой объективный фактор, так называемый период *Schon Zeit*, обусловил нереволуционность самого пролетариата и тем усилил контрреволюцию. Только послевоенный период действительно ударил по положению пролетариата, вызвав ухудшение материального положения. Следовательно и пролетариат не революционен и силы контрреволюции растут. Еще в старой своей книге, посвященной империализму, Штеренберг писал: «Классовое соотношение сил в эпоху империализма более неблагоприятно, чем это думал Маркс» («Империализм», стр. 346). Что касается «субъективных» причин, мешающих развитию революционного движения, то одной из главных является «ультралевая» тактика КПГ, не идущей на блок с социал-демократией.

Карикатурно излагая учение Маркса, у которого якобы мелкая буржуазия вообще сходит на-нет при капитализме и потому сбрасывается со счетов революции, Штеренберг целиком принимает старое ревизионистское утверждение, получившее всеобщее признание у современной социал-демократии, о росте мелкой буржуазии при империализме как в городе, так и в деревне и оценке ее как сплошной реакционной массы, активно борющейся с революцией. Эта точка зрения сходится с троцкистской теорией «равновесия мелкой буржуазии и пролетариата» в современной Германии — равновесия, на котором якобы зиждется «независимая» диктатура буржуазии.

С другой стороны, Штеренберг, отрицая марксов закон абсолютного обнищания, изображает весь рабочий класс довоенного времени в виде рабочей аристократии, которая, представляя буржуазную тенденцию в международном рабочем движении, тяжело давила и тормозила развитие классовой борьбы пролетариата. Превращая весь рабочий класс в рабочую аристократию, Штеренберг затушевывает подлинную роль социал-демократии как главной социальной опоры буржуазии в рабочем классе, как буржуазной рабочей партии, во-первых, и подводит теоретический базис под точку зрения бесперспективности революции — во-вторых.

Аргументацию Штеренберга дополняет Зейдевиц. Он пишет: «Кризис едва ли ослабил могущество главного крупнокапиталистического класса. В действительности оно еще исключительно сильно и прочно». Пролетариат же, напротив, стал слабее, во-первых, потому, что «кризис не усилил, а ослабил рабочие организации», во-вторых, «пролетариат изверился в социализме благодаря социал-демократическим выступлениям против СССР». Все это Зейдевиц говорит для того, чтобы доказать, как неразумно говорить о революции в современных условиях. Все эти рассуждения еще больше подчеркивают служебный характер «революционных» терминов в программе САП, имеющих целью не допустить немецкий пролетариат совершить революцию. Вот почему одним из руководящих принципов САП является «неспособность пролетариата к активным выступлениям» (разрядка моя. — М. Г.).

Этот лозунг имеет однако более широкое применение, чем это может казаться на первый взгляд. Под «активными действиями» здесь подразумевается отнюдь не только революция, но и борьба за повседневные требования рабочего класса. Это показала практика САП, старавшейся по мере своих сил подорвать стачечное движение под тем же предлогом, что и социал-демократия. Зейдевиц, поставивший вопрос о характере современной профессиональной борьбы, писал: «Решение этого вопроса зависит от экономического положения... Современное хозяйственное положение показывает со дня на день с большой ясностью, что борьба, которая ведется только на реформистской основе, ведет к поражению. Эти длительные поражения обескураживают рабочий класс во все

возрастающей степени, они подкапывают доверие масс к бесперебойности рабочих организаций»¹ («Факел» № 9).

И в этом вопросе следовательно САП целиком сходится с социал-демократией. Вместе с нею она пыталась помешать развертыванию стачечного движения под предлогом его бесперспективности и даже вредности для пролетариата в условиях кризиса.

Растущее в настоящее время стачечное движение и успешность его опрокидывают эту реакционную точку зрения (которую принимают и брандлеровцы и троцкисты) и вместе с тем заставляют социал-демократию и САП прибегать к новым маневрам в этом вопросе.

Поставив в своей программе (на словах) подготовку масс к борьбе, САП восстает против «единичных экономических боев», против «стихийной борьбы неорганизованных масс» (неорганизованных — значит ушедших из-под влияния реформистских вождей, ибо САП великолепно понимает, что стихийная тяга к борьбе в настоящих условиях есть признак нарастания революционной ситуации).

Именно поэтому САП на основе разделения труда с социал-демократией конкретную задачу развертывания стачечной борьбы для отражения наступления капиталистов на пролетариат, для мобилизации рабочих масс на революционную борьбу заменяет отвлеченными требованиями «революционной борьбы» вообще.

Экономической борьбе она противопоставляет политическую борьбу как единственный метод борьбы в настоящее время. Указывая в программе на то, что при современном положении «значительные успехи могут быть достигнуты только в революционной борьбе за власть» (разрядка в программе. — М. Г.), программа продолжает: «Поэтому пролетариату необходимо такие задачи ставить, которые разрушают власть буржуазии в целом» (разрядка моя. — М. Г.).

Соответственно этому программа так определяет задачи профсоюзов в настоящее время: «Вопрос в том, что профсоюзы могут свои первоначальные задачи выполнить только тогда, когда они свои силы направят на политическую борьбу» (разрядка в программе. — М. Г.). И далее: «завоевание сорокачасовой рабочей недели например в чисто профессиональной борьбе в большинстве не имеет в настоящее время никаких шансов».

САП употребляет испытанный метод ренегатов: когда вопрос идет о конкретной борьбе, она выставляет на первый план задачи, стоящие во вторую, третью и т. д. очередь.

Рядясь в «революционную» одежду, с помощью которой она пытается отвлечь пролетариат от правильного пути, САП тем самым не дает рабочему классу подготовиться к непосредственной борьбе за диктатуру пролетариата.

С другой стороны, противопоставляя экономической борьбе политическую (которую она толкует исключительно в социал-демократическом духе), она пытается создать впечатление, что компартия Германии говорит только об экономической борьбе пролетариата, чтобы внести путаницу в сознание рабочих.

В свете истинных «принципиальных» установок САП практические требования ее носят исключительно демагогический характер.

Для характеристики действительного смысла практической программы САП может служить ее отзыв о программе социал-демократии последнего времени. В центральном органе САП от 28 августа 1932 г. эта программа рассматривается как серьезный шаг вперед по сравнению

¹ В другом месте, а именно в программе САП, говорится в такой же связи и «реформистская основа», а «в чисто профессиональной борьбе». И в первом и во втором случае имеется в виду экономическая борьба. — М. Г.

с прежними установками социал-демократии. В основе этой программы, пишет Эд. Векерлей, «лежит правильный ход мыслей. Совершенно точно там устанавливается, что борьба за ликвидацию безработицы должна быть связана с борьбой за переустройство хозяйства...» Приведя затем основные требования программы, имеющие, по словам автора, целью посредством целого ряда вспомогательных организаций ликвидировать опасность хозяйства, автор продолжает: «По сравнению с существующими до сих пор установками профсоюзов эти требования представляют собой очевидный шаг вперед. Необходим был все-таки известный период времени, пока также АДБ¹ и социал-демократы дошли до сознания, что и профсоюзы не могут ограничиться задачей быть только «защитной крышей» от капиталистической непогоды».

В данной же статье констатируется, что социал-демократия сдает свои позиции и в других вопросах, как например в отношении единого фронта. Из этого делается вывод: «Такие признания со стороны социал-демократии (имеются в виду заявления, сделанные социал-демократами об их якобы готовности на создание единого фронта. — М. Г.) не обязательны под знаменем организации «железный фронт», всегда радуют, и мы регистрируем их как важный симптом начавшегося оздоровления».

Другая статья в той же газете, занимающаяся более резкой критикой социал-демократической программы и более «оппозиционная» по отношению к социал-демократии, все же делает следующий вывод: «Мы будем последними из тех, которые брюзжат насчет примитивности и недостаточности этих предложений. Последнее не имеет значения ввиду того факта, что подобные предложения могут ознаменовать решительную перемену курса».

Таким образом САП расценивает маневр социал-демократии как поворот на «правильный» путь классовой борьбы. Это сочувственное отношение САП к программе социал-демократии достаточно характеризует «социализм», который прокламирует и сама САП.

Здесь мы подходим непосредственно к пониманию САП проблемы единого фронта пролетариата. Положение в рабочем движении, характеризующееся наличием коммунистической партии пролетариата и буржуазной социал-демократической партии, САП сделала тем фокусом, вокруг которого она строит, во-первых, свою теорию незрелости пролетариата для революции и, во-вторых, оправдание своего собственного существования.

Своей исторической миссией она считает «преодоление» раскола в рабочем движении как главной причины «неактивоспособности пролетариата». «Существующие партии потому не могут решить этой задачи, — говорит САП, — что во взаимной борьбе они интересы классовые забывают в угоду партийным».

«Партийный эгоизм» и «партийный способ мышления» вместо классового служат с точки зрения САП главной причиной, мешающей преодолеть раскольнические тенденции в рабочем классе, порожденные теми же партиями. На место «партийного эгоизма» САП поэтому выдвигает принцип терпимости.

Пример терпимости она согласна показать первая, выражая готовность в любое время распустить свои организации, чтобы «вступить в единую классовую революционную партию пролетариата».

Создание «единого фронта пролетариата» — первая и главная задача, рекламируемая САП. Поэтому она раньше всего выступает против постановления этого вопроса компартией как «слишком партийной», а потому, видите ли, и раскольнической. Постановление компартией вопроса единого фронта «ни на один шаг не приближает к единому фронту, а еще больше разрывает пролетарское движение» (Зейдевиц). Как САП понимает отказ

¹ Вестерманское объединение профсоюзов

от «партийного эгоизма», свидетельствует следующее высказывание того же Зейдевица: «Под чьей фирмой будет развиваться единая партия пролетариата — безразлично; главное, чтобы она двигалась вперед» («Классенkampf», декабрь 1931 г.).

Путь к осуществлению единого фронта — в понимании САП — дают совместные «практические выступления», а также создание переходных организаций «надпартийного» характера, которые в конечном счете должны вести к созданию «единой партии пролетариата». За истекший год одним из главных элементов деятельности САП было составление обращений ко всем партиям «об организации совместных выступлений». На эти призывы впрочем никто кроме брандлерианцев и троцкистов не отзывался.

Троцкий, который в практическом решении вопроса о едином фронте смыкается с САП (недаром Троцкий для САП является одним из крупнейших авторитетов), критикует ее за эту отвлеченную постановку вопроса, за «голый принцип», объясняя это тем, что САП не имеет программы («Немецкая революция», стр. 82). На деле же отвлеченная агитация за единый фронт объясняется именно тем, что она программу имеет. Ее видимая беспартийность объясняется действительной буржуазностью, ибо историческая миссия САП не в том, чтобы преодолеть раскол в рабочем движении, а в том, чтобы мешать созданию единого революционного пролетарского фронта под руководством компартии и благодаря этому сохранить раскол рабочего класса. На деле это сводится к тому, чтобы подвести пролетариат под гегемонию социал-демократии. Это видно из того, как САП разрешает целый ряд таких практических вопросов, как вопросы стачечного движения, вопросы борьбы с реформистской профбюрократией и др. Именно отсюда вытекала та ожесточенная борьба, которую САП так неутомимо вела и ведет против существования РПО¹. В последней она справедливо видела организатора пролетарского сопротивления наступлению капитала вопреки и против желания профсоюзной бюрократии. Ее борьба против РПО была борьбой против революционизирования рабочего движения, против угрозы вытеснения социал-демократического руководства в профсоюзах. Ее главным мотивом против РПО и ее политики было поэтому утверждение, что она ослабляет существующие профсоюзы. Вместо действительной борьбы против профсоюзной бюрократии САП предлагала путь либеральной «критики», которую она сама ведет и которая должна, по ее мнению, толкать профсоюзы «влево».

САП считает, что в последнее время этот поворот профсоюзного руководства «влево» уже начался. Докладчик по профсоюзному вопросу на мартовском съезде САП констатировал этот поворот, заявив: «В анализе капиталистического кризиса между нами и руководителями профсоюзного движения принципиальной разницы больше нет». Более того: он даже признал, что профсоюзы и под нынешним руководством «являются... бастионом против фашизма» (протоколы, стр. 13). За последнее время в связи с новыми «левыми» маневрами социал-демократии вопрос о якобы возможном полном повороте социал-демократии на «правильные классовые позиции» ставится САП все более настойчиво.

Такая постановка вопроса имеет тем большие основания для САП, что социал-демократия принуждена идти на все новые маневры, которые действительно сближают ее с САП.

Вопрос о «коренном» изменении политического курса — на деле о применении социал-демократией новых маневров — дискутируется на партийных собраниях социал-демократии. Дискуссии вращаются в основном вокруг следующих проблем: отказ от «только парламентского» пути, при-

¹ Революционная профсоюзница.

знание и «внепарламентских» действий (в духе САП), которые сводятся к использованию начавшегося стачечного движения для «угрозы» по адресу правительства. Этим маневром социал-демократия одновременно пытается стать во главе стачечного движения, чтобы в соответствующий момент тем вернее предать его. Во-вторых, по-новому начинают ставить вопрос о едином фронте, чтобы еще более затушевать блок социал-демократии с буржуазными партиями и попробовать вырвать гегемонию в руководстве создающимся единым пролетарским фронтом от КПГ. И наконец третий вопрос касается непосредственно стачечного движения. Если раньше социал-демократия готова была признать лозунг «генеральная стачка», чтобы с помощью этого лозунга саботировать действительное развертывание стачечного движения, то теперь, по мере развития этого движения, социал-демократия и в этой области меняет свои «вехи», соглашаясь на единичные стачки, которые она пытается возглавить, чтобы не дать им перерасти через рамки ограниченных, частичных экономических боев, и доказывая, что генеральная стачка — только агитационный лозунг у коммунистов, но не путь к решению каких бы то ни было задач.

Незначительные силы САП, небольшое ее влияние в рабочих массах делают ее малозаметной на поверхности общественной жизни. В качестве маневра социал-демократии, который помог ей перехватить революционизирующихся рабочих по дороге к коммунистам, образование САП дало мало результатов. Из этого однако не следует, что она не представляет собой никакой опасности для революционного движения. Если организационно она и слаба, то пропаганда ее несомненно служит тормозом для революционирования рабочих. И, существуя вне социал-демократической партии, она помогает последней держать под социал-демократическим влиянием ту часть пролетариата, которая еще окончательно не разделалась с демократическими иллюзиями. «Левые» фразы САП облегчают ей доступ к сознанию рабочего для упрочения социал-демократических иллюзий. И одной из опаснейших иллюзий, которую САП сеет в пролетариате, является вера в возможность возвращения социал-демократии на классовые позиции пролетариата; с этой точки зрения она — «наиболее опасная разновидность социал-фашизма» (из резолюции КПГ).

«Течение социал-демократическое, — писал Ленин в 1915 г. — или (что то же) оппортунистическое не может ни исчезнуть, ни «вернуться» к революционному пролетариату» (т. XIX, стр. 341). Правильность, безусловная верность этого ленинского положения подтверждена всей практикой международной социал-демократии от мировой войны по настоящий день.

Пока революция пролетариата не победит, и после победы, пока останется хотя малейшая надежда и возможность буржуазии бороться против диктатуры пролетариата, агентура капитала (социал-демократия и ее «левое» течение в форме ли отдельной партии, в форме ли «левой» оппозиции) — социал-демократия — не перестанет играть своей разлагающей роли в рабочем движении, останется буржуазной рабочей партией международной контрреволюции. Несмотря на все развивающийся процесс отхода рабочих масс от социал-демократии, последняя, в частности и в особенности в своей «левой» разновидности, не стала менее опасной, чем раньше. Борьба с САП как с партией, служащей заслоном для социал-демократии, несмотря на ее организационную слабость, относится к важнейшим задачам коммунистического движения. Неслучайно Троцкий в «Немецкой революции» определяет САП как «организацию», которая, порвав с социал-демократией, находится пока еще «на пути между реформизмом и коммунизмом», и что ее возникновение «явилось неизбежным и прогрессивным фактом». Итак, налицо полное разделение труда внутри всего социал-фашистского лагеря от правого фланга до самого «левого» его разветвления, до самого передового отряда международной контрреволюции — троцкизма.

Демонстрация с призывом ко всеобщей стачке с лозунгом: „Против нищенской оплаты“

Саповцы объявляют прогрессом «левые» маневры социал-демократов. Контрреволюционный троцкизм объявляет «прогрессивным фактом» возникновение САП. Международный социал-фашизм пытается в условиях надвигающегося нового тура империалистических войн и пролетарских революций выдвинуть вперед свои «левые» элементы, подобно тому как в первом туре пролетарских революций он предоставил возможность центризму совершить широчайший «левый» маневр вплоть до организации Двухполовинного интернационала.

В чем различие обстановки тогда и теперь? СССР тогда существовал всего 3 года. И русский опыт, несмотря на всю популярность русской революции, был еще недостаточно убедителен для широких масс рабочих. Поэтому центризм и мог замазывать противоположность между коммунизмом и социал-демократизмом. Потребовалось 21 условие, чтобы разоблачить центристов и освободить от них Коминтерн. Теперь СССР существует уже 15 лет, и рабочие всех стран ясно видят огромные успехи в деле строительства социализма, все более убеждаются в правильности «русского пути», все яснее сознают, что выход из капиталистического рабства заключается для них в социалистической революции, насильственно испровергающей диктатуру буржуазии и устанавливающей диктатуру пролетариата. «Соединять» диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата теперь несравненно труднее, чем прежде. Сейчас вообще иная обстановка, исключая возможность создания и развития центристских течений. Мировой кризис все продолжает углубляться, относительная стабилизация капитализма кончилась, революционный подъем остро нарастает, перерастая в отдельных странах в революционный кризис. Пролетариат все шире и смелее подымается на революционные позиции сознательной коммунистической борьбы. А это означает, что объективное развитие ведет к разгрому всех соглашательских партий, какие бы «левые» маневры они ни пытались пускать в ход. Как мы видели, вся ее политика, вся ее программа и тактика свидетельствуют, что в лице САП мы имеем одну из самых опасных разновидностей социал-фашизма. Непримируемая борьба с нею — обязанность революционного пролетариата и его партии.

И ВОПРОСУ

О ВОЕННЫХ ДОЛГАХ

Н О В

Переговоры между САСШ Америки и их европейскими должниками, имевшие место в ноябре и декабре и завершившиеся тем, что одни из государств-должников, в частности Англия и Италия, внесли следуемые с них платежи, категорически поставив однако вопрос о необходимости пересмотра долговых соглашений в ближайшем будущем, а другие, в том числе и Франция, отказались от этих взносов, привлекли внимание мировой прессы к проблеме межсоюзнических военных долгов. Вследствие этого нелишне вспомнить возникновение этой проблемы и основные этапы, через которые она прошла после империалистической войны.

Военные долги возникли вследствие предоставления одними из воюющих государств кредитов их более слабым в финансовом отношении союзникам на предмет ведения войны. Эти военные займы были предоставлены преимущественно в форме поставок товаров, значительно увеличивших объем экспорта стран-заимодавцев. Последнее в особенности относится к САСШ, ставшим в результате империалистической войны крупнейшим мировым кредитором. Благодаря быстрому росту военных заказов союзнических стран в САСШ экспорт последних в огромной пропорции возрастал. До 1915 г. экспортный излишек САСШ обычно колебался в размерах от 200 до 600 млн. долларов. В 1917—1918 гг. он составил около 3 млрд. долларов, а в 1919 г. превысил 4 млрд. САСШ предоставили союзникам, в первую очередь Англии и Франции, займы на общую сумму приблизительно в 10 млрд. долларов. Со своей стороны Англия, играющая в значительной степени роль посредника между САСШ и континентальными странами Европы в отношении финансирования последних, предоставила своим европейским союзникам займов на общую сумму около 7 млрд. 800 млн. долларов. Французское правительство предоставило займы различным европейским государствам на общую сумму в 2.237 млн. долларов. Суммы его займов в САСШ и в Англии равнялись соответственно 3.340 млн. долларов и 653 млн. ф. стерлингов. Таким образом Франция в большей степени являлась должником, чем кредитором, в отношении межсоюзнических военных долгов¹.

После империалистической войны вопрос о платежах по военным долгам должен был стать одним из основных противоречий между бывшими союзниками. В частности САСШ в качестве единственного государства-кредитора видели в обеспечении их претензий по военным долгам одно из средств для достижения мировой гегемонии американского империализма и его контроля над европейской политикой. С другой стороны, Франция, а также другие государства континентальной Европы, требуя максимальных репарационных платежей с побежденных государств, в то же

¹ Мы не учитываем здесь претензий правительств союзных стран в отношении репарационных платежей с побежденных государств, а также царских долгов России.

время отнюдь не проявляли никакой готовности к удовлетворению претензий своего американского кредитора. Французская буржуазная пресса после войны ведет усиленную и постоянную кампанию, доказывающую, что военные долги не могут рассматриваться как обыкновенные коммерческие обязательства. В частности не может быть речи об уплате военных долгов Францией, принесшей наиболее тяжелые жертвы ради общего дела.

Что касается Великобритании, то ее позиция, с одной стороны, в качестве должника САСШ, а с другой стороны — кредитора европейских континентальных стран была до некоторой степени промежуточной и двойственной в данном вопросе. В то время как интересы британского банковского капитала, требовавшие поддержания британского кредита на наибольшей возможной высоте, вынуждали британское правительство, несмотря на тяжелые послевоенные финансовые затруднения, признавать ненарушимость принятых им на себя обязательств по военным долгам, расстройство мировой торговли и неурегулированность претензий самой Великобритании в качестве кредитора разоренных стран континентальной Европы, как побежденных, так и «победителей», делали для британского империализма крайне затруднительным фактическое выполнение принятых им на себя обязательств. Вследствие этого с британской стороны повторно и последовательно выдвигается предложение о всеобщем аннулировании всех долгов, являющихся непосредственным наследием войны. Соответствующее предложение об аннулировании¹ военных долгов выдвигается правительством Ллойд-Джорджа в его ноте американскому правительству от 5 августа 1920 г. Однако правительство «миротворца» Вильсона категорически ответило, что оно «не намерено согласиться на списание какой бы то ни было части долга Великобритании САСШ», и потребовало, чтобы британский представитель был немедленно направлен в Вашингтон для консолидации² британского военного долга.

Аналогичное требование выдвигается американским правительством и в отношении других его европейских должников. 1 августа 1922 г. британское правительство в знаменитой ноте Бальфура (тогдашнего британского министра иностранных дел), адресованной Франции и другим европейским должникам Англии, формулирует основные принципы своей политики в том, что касается послевоенных международных расчетов. Эта нота вновь напоминает, что британское правительство готово ликвидировать всю систему задолженности по межсоюзническим военным долгам, но поскольку САСШ потребовали от Великобритании платежей по ее долгу, Великобритания со своей стороны вынуждена предъявить соответствующие претензии к своим бывшим союзникам. Однако Великобритания не намерена требовать от последних больших сумм, чем те, которые в соединении с репарационными платежами с побежденных государств дали бы возможность покрывать платежи, которые будут следовать Англии в погашение ее долга САСШ. Нота Бальфура декларативно подчеркивала, что «мы ни в коем случае не желаем получить прибыль и ни при каких обстоятельствах не предполагаем требовать больше от наших должников, чем это необходимо для оплаты наших кредиторов». Однако нота тут же предупреждала, что «хотя мы не требуем более, все должны признать, что мы вряд ли можем удовлетвориться меньшим».

Между тем Вашингтон предпринимает энергичные мероприятия в отношении нажима на своих европейских должников. В феврале 1922 г. американский конгресс выделяет специальную комиссию по консолидации военных долгов. Вслед затем европейским правительствам посылаются повторные напоминания о необходимости консолидировать их долговые обязательства. Со стороны Англии это осуществляется первым послевоен-

¹ Аннулирование — отмена, упразднение.

² Консолидация — точное определение условий уплаты долга как в отношении общей суммы последнего, так и сроков уплаты и размеров отдельных платежей.

ным консервативным кабинетом Бонар Лоу в феврале 1923 г. Этот кабинет, в первую очередь отражавший интересы английского банковского капитала, которому в последующие годы, как известно, выпала выгодная роль посредника при инвестициях¹ американских капиталов в Европе, поспешил урегулировать свои финансовые взаимоотношения с Вашингтоном с целью обеспечить устойчивость британской валюты и позиции Лондона в качестве международного финансового центра. В этом был смысл соглашения между тогдашним британским министром финансов Болдуином и американским Меллоном в феврале 1923 г. Тяжесть этого соглашения целиком легла на плечи британских налогоплательщиков, которые были осуждены на то, чтобы в течение последующих десяти лет приносить жертвы на алтарь интересов международного финансового капитала. Соглашение Меллон — Болдуин предусматривало платежи в течение 62 лет. В продолжение первых десяти лет размер ежегодного платежа составляет в среднем 160 млн. долларов; затем, начиная с 1933 г., ежегодные платежи поднимаются до 180 млн. долларов. По выражению одного из виднейших политиков британского империализма, Уинстона Черчила, это соглашение означало, что британские налогоплательщики вынуждены были платить американскому кредитору в среднем около 100 тыс. фунтов, или 1 млн. золотых рублей в день.

Соглашение Меллон—Болдуин, сделавшее возможным сотрудничество английского и американского банковского капитала, проявившееся вскоре в форме совместного финансирования стран континентальной Европы, было таким образом заключено за счет дальнейшего роста налоговых тягот широких масс английского населения, и без того изнывающего под тяжестью финансового наследия войны и других ее экономических последствий.

Что касается Франции, то последняя категорически отказалась от консолидации своих обязательств по долгу САСШ, а также Англии вплоть до обеспечения поступления германских репарационных платежей.

План Дауэса, принятый и введенный в действие в 1924 г. при энергичном посредничестве и участии представителей американского финансового капитала, сделал возможным функционирование сложной системы платежей по репарациям и межсоюзническим военным долгам. Однако эти платежи осуществлялись лишь благодаря непрерывному притоку американских инвестиций в Германию, вследствие чего последняя могла в течение последующих семи лет выплачивать репарационную дань, что в свою очередь делало возможным для ее репарационных кредиторов и прежде всего для Франции осуществлять свои платежи по военным долгам САСШ.

Франко-американское соглашение о консолидации военного долга от 29 апреля 1926 г. (так называемое соглашение Меллон—Беранже, по имени заключивших его американского министра финансов и тогдашнего французского чрезвычайного посла в Вашингтоне) определило общую сумму французского военного долга Америке вместе с накопившимися процентами в 4 млрд. 25 млн. долларов. Условия для платежей по этому долгу предусматривались несколько менее тяжелые, чем устанавливало соглашение Меллон—Болдуин, относящееся к английскому долгу Америке. Именно: соглашение предусматривало постепенно возрастающие суммы платежей, начинающиеся с 30 млн. долларов, достигающие к 1944 г. 60 млн., к 1975 г. 80 млн. и лишь в последние годы действия соглашения (1981—1987) превышающие 100 млн. долларов ежегодно.

Вскоре после консолидации французского долга Америке заключается и соответствующее соглашение между Англией и Францией (соглашение Кайо—Черчила от 12 июля 1926 г.) об условиях платежей по французскому военному долгу Англии. Капитальная сумма этого долга определяется в 653 млн. ф. ст., а ежегодные платежи, начинающиеся с 1926/27

¹ Инвестиция — вложение капиталов

бюджетного года, с 4 млн. ф. ст. в год постепенно возрастают до 12,5 млн. ф. ст. — начиная с 1930/31 г., а затем (начиная с 1957/58 г.) до конца срока действия соглашения (т. е. до 1987/88 г.) — до 14 млн. ф. ст. Несмотря на крупные суммы платежей Франции по ее долговым соглашениям с американскими и английскими кредиторами, репарационные платежи, получавшиеся ею от Германии сначала по плану Дауэса, а затем по плану Юнга, оставляли ей значительный излишек, составлявший актив в ее расчетном балансе в отношении послевоенных «политических» долгов. Тем не менее консолидация долговых соглашений во Франции встретила значительную оппозицию внутри страны. Французскому финансовому капиталу и его политическим агентам трудно было заставить понять французскую среднюю и мелкую буржуазию, обремененную налогами, что платежи по военным займам бывшим союзникам составляют обыкновенное коммерческое обязательство, после того как этот факт усиленно отрицался всеми органами французской буржуазной прессы, соответствующим образом обрабатывавшей так называемое общественное мнение в первые годы после мировой войны. Уже заключенные и фактически выполнявшиеся долговые соглашения Меллон—Беранже и Кайо—Черчилль были внесены на ратификацию французского парламента только три года спустя. Даже коалиционное правительство Пуанкаре, пользовавшееся огромным авторитетом в глазах французской буржуазии, с большим трудом смогло провести через парламент формальную ратификацию этих соглашений (29/VI 1929 г.).

Соглашения, заключенные государствами-кредиторами—Америкой и Англией—с их второстепенными должниками, носили значительно более «великодушный» характер вследствие ограниченной платежеспособности этих стран, которая делала практически невозможным принятие ими на себя обязательств в отношении сколько-нибудь крупных сумм платежей. Так, англо-итальянское соглашение о консолидации итальянского военного долга Англии, заключенное 27 января, предусматривало списание приблизительно 86 проц. общей суммы итальянского долга, включая проценты, и установило сравнительно небольшие платежи (начинавшиеся с 2 млн. ф. ст. в год и не поднимающиеся выше 4,5 млн. ф. ст.).

Сходными были условия и американско-итальянского соглашения о консолидации военного долга, а также долговых соглашений Англии и Америки с второстепенными государствами Европы—Чехо-Словакией, Польшей, Португалией, Грецией, Румынией, Югославией и т. д.

Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис выявил воочию всю шаткость капиталистической «стабилизации» и в частности системы послевоенных международных расчетов. Прекращение Америкой кредитования Германии, быстрое падение экспорта последней и другие обстоятельства, порождаемые кризисом, сделали для Германии невозможным выполнение ее репарационных обязательств, а вместе с тем подрывались в корне и возможности для осуществления платежей по межсоюзническим военным долгам. Эта фактическая связь между репарациями и долгами, хотя официально и отрицаемая американским правительством, была в сущности признана им в форме пресловутого моратория¹ Гувера от 21 июня 1931 г., вызванного к жизни опасениями американского финансового капитала перед перспективами краха германского капитализма, который привел бы в свою очередь к «тибели» обширных американских инвестиций в Германии. Мораторий Гувера, как известно, приостанавливал на один год платежи по репарациям, с одной стороны, и по межсоюзническим военным долгам—с другой. Однако эта временная отсрочка не разрешала сложного узла междуимпериалистических противоречий на почве долговой проблемы. Перед капиталистическими правительствами Америки и Европы

¹ Мораторий — приостановка, отсрочка на определенный период долговых платежей.

отчетливо вырисовывалась необходимость урегулирования этого вопроса до истечения срока моратория ради предотвращения грозившей катастрофы. Необходимость временных соглашений, распространяющихся на период кризиса, признается уже в совместной декларации американского президента Гувера и французского премьер-министра Лаваля во время визита последнего в Вашингтон 25 октября 1931 г. Однако в дальнейшем внутренняя политическая ситуация в САСШ приводит к тому, что американское правительство вынуждено категорически отрицать, что оно когда-либо признавало связь между долгами и репарациями и в каком бы то ни было отношении обязалось изменить долговые соглашения с европейскими государствами.

Репарационный вопрос, составлявший в течение ряда лет одно из важнейших и наиболее сложных империалистических противоречий между государствами-победителями и побежденными, был «урегулирован» на Лозаннской конференции в июне—июле 1932 г. сравнительно легко вследствие того, что кризис попросту сделал практически невозможным выполнение Германией навязанных ей репарационных обязательств. В аннулировании или сокращении до минимума репарационных платежей был заинтересован не только германский капитал, но также и финансовый капитал САСШ и Англии, представители которого были обеспокоены за судьбу своих инвестиций в Германии.

Обеспечение платежей по коммерческим займам Германии, представленным американским и английским банками, обуславливало необходимость урегулирования репарационной проблемы на указанных ниже условиях.

Франция по мотивам не столько финансовым (поскольку фактическая невозможность дальнейших репарационных платежей была очевидна), сколько политическим, в виде необходимости сохранить принцип ненарушимости мирных договоров, отстаивала в Лозанне свои «права» в качестве репарационного кредитора Германии. В результате Лозаннское соглашение от 9/VII 1932 г. между Германией, с одной стороны, и ее репарационными кредиторами—с другой, являлось компромиссом между этими противоречивыми интересами. Оно сохраняло принцип репараций и устанавливало обязательства Германии на уплату некоторых сумм репарационных платежей в будущем. С другой стороны, оно сокращало приблизительно в десять раз капитальную сумму репараций, установленную планом Юнга (с 34 млрд. до 3 млрд. марок), и следовательно иллюстрировало воочию банкротство всей системы «политических» платежей, установленных на основе мирных договоров империалистической войны. Но судьба заключенных в Лозанне соглашений зависела от исхода предстоящих переговоров европейских держав относительно их долгов САСШ. Соответствующее «джентльменское» соглашение между Францией, Англией, Бельгией и Италией предусматривало, что соответствующие правительства представят Лозаннское соглашение на ратификацию своих парламентов лишь по урегулировании вопроса об их долгах САСШ. Европейские правительства ожидали результатов выборов президента и конгресса САСШ, прежде чем поставить вопрос об отсрочке очередных платежей, предстоявших 15 декабря, по истечении срока гуверовского моратория, и о пересмотре долговых соглашений. 8 ноября состоялись американские выборы, принесшие поражение президенту Гуверу и республиканской партии. Вновь избранный президент Рузвельт и новый конгресс не должны были, согласно американской конституции, приступить к исполнению своих обязанностей ранее 4 марта 1933 г. В промежутке у власти оставалась дискредитированная администрация и конгресс, которые не были в состоянии взять на себя ответственность за сколько-нибудь важные политические решения. Кроме того настроение американской мелкой буржуазии и фермерства, разоренных кризисом и отягощенных налогами, создавало серьезные внутренние политические затруднения для аннулирования или серьезного сокращения

внешних займов, тяжесть платежей по которым легла бы тогда на плечи американских налогоплательщиков. Ввиду этого скорейшее урегулирование проблемы межсоюзнических военных долгов в интересах самого американского финансового капитала, заинтересованного в спасении американских коммерческих инвестиций за границей, немедленное разрешение этого вопроса оказалось невозможным. Американское правительство из внешнеполитических соображений, а также из стремления выторговать максимальную компенсацию от своих европейских должников взамен будущего пересмотра их долгов заняло отрицательную позицию в отношении требований правительств должников, связанных с предстоящими 15 декабря очередными платежами.

10 ноября, т. е. немедленно по окончании американских выборов, британский посол в Вашингтоне Рональд Линдсей вручает государственному секретарю Стимсону ноту британского правительства. Последнее, ссылаясь на изменения в системе межправительственных расчетов, вызванные инициативой Гувера и приведшие к установлению моратория на декларацию Гувера — Лавала и последующие лозаннские соглашения, заявляет, что «вся ныне существующая система межправительственных финансовых обязательств должна быть пересмотрена»; далее британское правительство «просит об отсрочке платежей, причитающихся от него правительству САСШ, на время переговоров или на какое-нибудь другое время, по соглашению».

Французское правительство в своей ноте, врученной французским послом в Вашингтоне П/ХI, также «предлагает... правительству САСШ приступить совместно с ним к новому рассмотрению проблемы долгов» и одновременно «в согласии с мерами, принятыми в Лозанне», просит «об отсрочке взносов платежей, что позволит рассмотреть важные вопросы, не разрешенные своевременно, в атмосфере полного доверия».

Сходные по содержанию ноты были посланы американскому правительству и мелкими странами-должниками — Бельгией, Польшей и Чехо-Словакией.

Однако Италия, несмотря на то, что ее премьер Муссолини незадолго до этого высказался (в своей речи в Турине 22 октября) в смысле необходимости полной ликвидации всех международных платежей, являющихся наследием войны, осталась в стороне и не присоединилась к другим державам-должникам в их ходатайстве об отсрочке очередных платежей. Это объясняется основной внешнеполитической линией Италии на сотрудничество с САСШ и стремлением не давать повода последним к обвинению Италии в участии в едином антиамериканском фронте должников.

В Вашингтоне просьбы государств-должников встретили смешанный прием. В то время как органы «деловых» кругов и различные экономические эксперты высказывались в пользу необходимости пересмотра долгой проблемы, органы широкой бульварной прессы, различные сенаторы и члены конгресса из демагогических интересов высказывались в вопросе о предстоящих 15 декабря платежах за твердую позицию правительства САСШ. Президент Гувер, прежде чем дать окончательный ответ на ноты, представленные американскому правительству, счел нужным запросить мнение своего будущего преемника. 22 ноября состоялось совещание между Гувером и Рузвельтом, оказавшееся однако безрезультатным. Новый президент не желал брать на себя никакой ответственности за политические решения американского правительства до фактического принятия власти. При таких условиях Гувер занял в этом вопросе резко отрицательную позицию, нашедшую свое выражение в его декларации, сделанной 22 декабря. В этой декларации Гувер подчеркнул, что «долги эти являются настоящими займами, подлежащими возврату», и что «договоры эти были заключены свободно и должны быть полностью выполнены, если только не последует каких-либо изменений по взаимному согласию». Что касается методов такого пересмотра, то Гувер указал, что для САСШ могут оказаться

полезными некоторые формы реальных компенсаций кроме платежей наличными деньгами, например расширение рынков для продуктов американского земледелия и промышленности, и далее, что «проблема долгов в нашем понимании имеет самую близкую связь с проблемой разоружения». Обуславливая таким образом возможность пересмотра долгов политическими уступками стран-должников, президент вместе с тем высказывался за назначение представителей для обмена мнениями по указанным вопросам. Вместе с тем он категорически и резко подчеркивал невозможность отсрочки очередных платежей. Нота государственного секретаря Стимсона, направленная 23 ноября правительствам Великобритании и Франции, воспроизводила основные положения гуверовской декларации.

Декларация Гувера и американские ответные ноты встретили в главных заинтересованных странах неодинаковый прием. В то время как французская буржуазная пресса, в особенности правая, проявляла раздражение по поводу американской позиции, указывая на отрицание «моральных обязательств», принятых на себя Америкой вследствие моратория Гувера, британская пресса, напротив, сохраняла полное спокойствие. Ее органы подчеркивали положительный момент в американской политике в виде согласия на пересмотр проблемы долгов в целом. Во время прений в Палате общин 24/ХІ выступавшие члены палаты, в том числе бывший канцлер казначейства (министр финансов) Роберт Хорн, высказались за уплату взноса 15 декабря в золоте, так как Англия в гораздо меньшей степени страдает от возможного дальнейшего обесценения фунта, чем ее торговые конкуренты. Бывший консервативный министр колоний и один из лидеров крайних правых Эмери высказался за то, чтобы будущие платежи Америке производились за счет установления особых таможенных пошлин на американские товары, что Англия могла бы осуществлять, не боясь ответа с американской стороны, поскольку ввоз американских товаров в несколько раз превышает ввоз английских товаров в Америку. Прежде чем принять окончательное решение относительно предстоящих платежей, британское правительство отправляет в САСШ 1 декабря 1932 г. вторую ноту, которая содержит в концентрированном виде все возможные аргументы против возобновления платежей по межсоюзническим военным долгам. Нота напоминает историю военных займов союзных государств в САСШ, причем подчеркивает, что «займы, независимо от того, являлись ли они коммерческими или правительственными, были заключены не в денежной форме, а в форме поставок товаров», приведших к увеличению американского экспорта. Далее указывается на отрицательные последствия платежей по военным долгам в качестве одной из причин мирового кризиса. «Возврат этих военных долгов требует системы совершенно неестественного трансферта (перевода платежей в иностранной валюте), создающего исключительно тяжелые экономические последствия... Доверие и кредит не в состоянии оживиться, пока не будет положен конец этим попыткам расстроить нормальное движение капиталов». Нота напоминает, что Англия, одолжившая в САСШ всего около 4 млрд. долларов, которые целиком пошли на оплату английских военных заказов в САСШ, уплатила по долгам последним в общей сложности уже 3 млрд. 63 млн. долларов; «при этом надо заметить, что хотя британская задолженность Соединенным штатам Америки составляет только 40 проц. общей задолженности Соединенным штатам, 80 проц. всех платежей, внесенных Соединенным штатам Америки, получены из Великобритании... усилия, потребовавшиеся для этого от британского народа после всех потерь, причиненных войной, должны быть самым серьезным образом приняты во внимание правительством САСШ». Подчеркивается трудность трансферта, связанная с обесценением фунта стерлингов, вследствие чего очередной платеж составляет уже не 19.750 тыс. ф., а приблизительно 30 млн. ф. Отмечается также затруднение для английского экспорта, созданное американской таможенной политикой, причем указывается на пассивность торгового баланса Велико-

Британии и делается недальнейшее предостережение относительно возможности английских таможенных мероприятий против американских товаров, ввозимых в Англию. «Если платежи по военным долгам будут возобновлены, это потребует изменения валютного положения Великобритании путем изменения весьма неблагоприятного для нее торгового баланса по отношению к Соединенным штатам Америки... В настоящих условиях такой результат может быть достигнут исключительно на путях дальнейшего сокращения покупок американских товаров со стороны Великобритании». Нота повторяет в заключение просьбу об отсрочке очередного платежа, чтобы облегчить пересмотр всей долговой проблемы.

Французское правительство одновременно с английским также посылает ноту в Вашингтон, где вновь повторяет ту же просьбу.

Между посылкой нот и американским ответом проходит неделя, в продолжение которой американская дипломатия предпринимает попытки, направленные к расколу единого фронта европейских государств-должников. Американский посол в Лондоне Меллон (бывший министр финансов и один из авторов первоначальных долговых соглашений с Англией и Францией) предлагает (3 декабря) устранить неудобства, связанные с переводом очередного английского платежа посредством взноса суммы последнего на счет американского казначейства в Лондоне в фунтах стерлингов с тем, чтобы перевод был производим по мере надобности и поскольку он не вызовет колебаний курса фунта.

Франции в то же время не предлагается никаких «поблажек» этого рода. Однако английское правительство, отвергая эти компромиссы, ставит Вашингтон перед выбором: или отказ от очередного платежа или принятие его в золоте, возлагая на Америку всю ответственность за возможные биржевые пертурбации. Одновременно британское правительство прилагает энергичные меры к тому, чтобы поддержать единый фронт с Францией. 8 декабря следуют переговоры Макдональда и английского министра финансов Чемберлена с Эррио и французским министром финансов Жермен Мартеном. В результате заключается неписанное соглашение, по которому оба правительства должны произвести платеж 15 декабря САСШ с определенными оговорками, а именно, что платежи должны быть вычтены из капитальной суммы долга при заключении будущих новых соглашений после предстоящего пересмотра долговой проблемы.

8 декабря американское правительство в ответных нотах на повторные просьбы своих должников относительно отсрочки очередных платежей отказывается их удовлетворить. Одновременно оно соглашается «пересмотреть создавшееся положение в любом порядке, который окажется для этого целесообразным», предупреждая однако, что «такое рассмотрение не предполагает аннулирования межправительственных долгов».

Британское правительство в ответной (третьей по счету) ноте САСШ, посланной 11 декабря, отмечает «с глубоким сожалением» отказ САСШ отсрочить платеж и заявляет о своем решении произвести последний в золоте. Одновременно категорически формулируется оговорка в отношении характера предстоящего платежа. Последний «не может рассматриваться как возобновление ежегодных платежей, предусмотренных существующими соглашениями». Британское правительство предлагает рассматривать этот платеж «как платеж в счет основного долга, по которому должно быть заключено окончательное соглашение». Нота недвусмысленно предупреждает о необходимости скорейшего обмена мнениями с тем, чтобы обсуждение вопроса было закончено до 15 июня 1933 г. (срок следующего платежа), ибо в противном случае налично имеется перспектива «общего крушения существующих межправительственных соглашений».

Американский ответ, последовавший в «рекордный» срок (через 6 часов по вручении британской ноты), принимая «с удовлетворением» к сведению решение британского правительства, подчеркивает в то же время, что «принятие... сумм, вносимых в погашение платежа, не может

выражать одобрение или согласие на какие-нибудь условия, не соответствующие тексту существующего соглашения», и что «наше правительство придает огромное значение сохранению в силе первоначальных соглашений о долгах».

Британское правительство, не вступая в дальнейший спор с американским, твердо осталось на сформулированной им позиции, единодушно одобряемой всей британской буржуазной прессой без различия направлений, а именно: платеж 15 декабря должен быть произведен, но этот платеж должен рассматриваться как своего рода «аванс» в счет нового соглашения, которое должно быть заключено в ближайшем будущем.

Целый ряд «козырей» в руках Лондона, а именно, что сумма американского ввоза в Англию превышает сумму английского ввоза в САСШ почти в шесть раз (соответствующие цифры за 1931 г. составляют 104 млн. и 18 млн. ф. ст.), вследствие чего «таможенная война» в случае ее возникновения оказалась бы гораздо более опасной для Америки, чем для Англии; далее, тесная связь, существующая между английским и американским банковским капиталом; наконец, то обстоятельство, что дальнейшее обесценение фунта в случае будущего перевода платежей больше ударило бы не по интересам британского капитала, а по интересам его соперников на мировом рынке, обеспечивает, по расчетам английских политических и «деловых» кругов, конечное урегулирование долгового вопроса в благоприятном для Англии смысле. Обсуждение долговой проблемы в Палате общин 14 декабря, т. е. накануне платежа, продемонстрировало, что политика правительства Макдональда—Чемберлена по существу одобряется всеми политическими группировками английской буржуазии, начиная с крайне правых консерваторов и кончая лейбористами.

Италия, которая, как мы уже отмечали, из политических соображений не приняла участия в переписке европейских государств-должников с американскими кредиторами, также произвела очередной платеж. Соответствующее решение было вынесено верховным фашистским советом 6 декабря, причем однако правительству поручается ведение переговоров с Америкой с тем, чтобы добиться пересмотра всей проблемы и заключения нового соглашения до 15 июня 1933 г.

Во Франции, напротив, вопрос о внесении платежа 15 декабря стал острейшей политической проблемой и вызвал правительственный кризис. В условиях, с одной стороны, прекращения Германией репарационных платежей и следовательно банкротства той политической линии в репарационном вопросе, какую французский империализм проводил на протяжении всего послевоенного периода, а с другой стороны, предстоящего резкого нажима на налогоплательщиков и снижения зарплат госслужащим ради сокращения огромного бюджетного дефицита, предстоящий платеж вызывает во Франции резкое недовольство в массах мелкой и средней буржуазии, с настроениями которой приходится считаться различным политическим партиям. Как правые партии, так и социалисты, стремясь избежать недовольства своих избирателей, стали в оппозицию кабинету Эррио. Последний пытался проводить линию, сходную с той, которую проводил английский кабинет, а именно — внесение платежа 15 декабря с указанными выше оговорками. Однако внутреннее политическое положение во Франции сделало проведение этой линии невозможным. 13 декабря французская Палата депутатов большинством 402 голосов против 137 отвергает резолюцию, предложенную правительством Эррио (поставившего вопрос о доверии), предусматривавшую платеж САСШ с оговоркой о необходимости пересмотра французского долга САСШ в ближайшем будущем. Взамен Палата приняла большинством 357 голосов против 37 проект резолюции, выработанной комиссиями по иностранным делам и финансовой, предусматривавшей «отсрочку» внесения очередного платежа и созыв международной конференции для обсуждения всей долговой проблемы в целом. Большинство свергнувшего кабинет Эррио включало как

правые партии, так и социалистов. Меньшинство состояло лишь из входящих в правительство партий радикалов и республиканских социалистов. Последовавший правительственный кризис во Франции, не входящий в наше рассмотрение, завершил то, что по существу было государственным банкротством страны, располагающей величайшим в Европе золотым запасом, и являлось явным нарушением одного из послевоенных международных договоров, «святость» и «ненарушимость» которых неизменно проповедывались идеологами французского империализма.

В такую неожиданную форму вылились противоречия и хаос, создаваемые в политических умонастроениях французской буржуазии потрясениями кризиса.

15 декабря американское казначейство смогло подвести итоги выполнения государствами-должниками их обязательств в отношении очередных платежей. Заплатили: Англия 95.550 тыс. дол., Италия 1.945.487 дол., Чехо-Словакия 1.500 тыс. дол., Финляндия 186.935 дол. и Литва 92.380 дол. Уплатила лишь проценты — по праву, предусмотренному соглашением о долге, — Латвия. Не заплатили причитающихся с них платежей (т. е. юридически обанкротились): Франция в сумме 19.261.438 дол., Бельгия—2.125 тыс. дол., Польша—3.302.980 дол. и Венгрия. Таким образом в 1933 г. САСШ предстоит ведение переговоров о пересмотре долговых соглашений с европейскими державами в условиях открытого банкротства одних из должников и недвусмысленного предупреждения других о невозможности дальнейшего выполнения их обязательств.

Новый президент САСШ, Рузвельт, уже изъясил (20 января) готовность приступить к переговорам с представителями Великобритании относительно пересмотра долга последней САСШ, как только он вступил в исполнение своих обязанностей (в марте).

Надо помнить, что англо-американскими переговорами дело не ограничится и что САСШ придется пересмотреть и соглашения, заключенные с другими их европейскими должниками.

Неизбежность пересмотра долговой проблемы и неосуществимость прежних долговых соглашений в новых условиях, созданных кризисом, совершенно очевидны, но «урегулирование» долговой проблемы отнюдь не пройдет «безболезненно». Оно вновь подчеркнет всю глубину противоречий между главными империалистическими державами, неизбежно отразится также и на других международных вопросах, в частности на вопросе о так называемом «разоружении» и на дальневосточном вопросе. В условиях углубляющегося кризиса мнимое «разрешение» каждой спорной проблемы на деле порождает новые спорные вопросы и создает новые затруднения, в клубке которых все более запутываются капиталистические страны и их международная политика.

как

фальсифицируют

ИСТОРИЮ

Е. ДРАБКИНА

Что такое исторический факт? Да и существует ли таковой? Когда занимаешься изучением трудов буржуазных, дворянских и меньшевистских историков, то можно подумать, что его не существует. Дворянские и буржуазные историки, создавая свою науку, приспособляли освещение прошлого к идейно-политическим интересам господствовавших классов. Освещая такие периоды и такие события, уроки которых были более всего полезны для сохранения господства их классов, они совсем не освещали исторических событий крупнейшей важности и создавали свою схему исторического развития. Внеклассовых историков не было и нет. Исторический факт в освещении одного историка представлял одно, в освещении другого он не существовал вовсе или означал совсем иное.

Раскрывая всю историю прошлого, освещая ярким светом историю угнетенных классов, историю кровавой и беспощадной борьбы эксплуататорских классов за свое господство и право и возможность угнетения, пролетариат строит свою историческую науку, разрушая здание дворянско-буржуазной и меньшевистской историографии. Точное и ясное изложение прошлого в руках большевистского историка означает совсем иной характер подбора и освещения фактов. Из глубины прошлого встают другие люди, говорят другим языком, совершают другие события. И тогда выясняется, что история человечества есть история совсем иных героев, чем те, которые столетиями воспевались помещичье-буржуазной наукой. Современный читатель-пролетарий, изучая настоящую, подлинную историю старого мира, в изумлении и гневе останавливается перед картинами, написанными историками, принадлежавшими и принадлежащими к этому старому миру.

Исторические факты становятся совсем иными; вырастает связь новых событий, новых фактов. И тогда становится ясным, как много фальсифицировали историю. Ни в одной науке эксплуататорские классы не создали такой тонкой идеологической системы обмана, фальсификации, как в исторической науке. Строитель нового общества, используя и перерабатывая все наследие буржуазной исторической науки, должен ясно видеть, где эта фальсификация, для чего она была создана и какую историческую роль она сама играла в общественном развитии.

Вспомним, как Троцкий фальсифицировал историю большевизма, изображая дело так, будто большевизм «переворужился» в 1917 г., прийдя к его, Троцкого, установкам, и т. д. Вспомним, как Рязанов, осуществляя интересы II интернационала, искажал тексты Маркса, их толкование, скрывая факты отрицательного отношения Маркса и Энгельса к руководителям германской социал-демократии и II интернационала (письма к Каутскому и пр.), как Слуцкий и Волосевич искажали и фальсифицировали историю

нашей партии. Служить интересам буржуазии — это значит фальсифицировать историю.

Историк, занимающийся историей самой исторической науки, поражается тому потоку лжи, клеветы, фальсификации, который особенно сильно дал себя знать с 1917 г. Борьба буржуазии и ее агентов против пролетарской революции требовала исторического оружия. Маститые ученые типа Кизеветтера, современные глашатаи империалистской буржуазии типа Троцкого — все они обращались и обращаются к исторической науке, беря разные «проблемы», разные «факты», но делая по существу одно дело — дело борьбы против пролетарской революции, дело борьбы со страной социализма, борьбы с коммунизмом. Строитель нового социалистического общества, создавая свою историю человечества, раскрывает подлинную историю, разоблачая фальсификацию и утверждая свой взгляд на каждое историческое событие.

Как же фальсифицируют историю?

о ЦАРЕ ИВАНЕ
и его ХАРАКТЕРЕ

Начнем совсем как в сказке. Жил-был царь. Звали его Иван. На троне сидел он долго: пятьдесят и один год. Царствование его было бурным и напряженным. Во время его произошел целый ряд событий, способствовавших «возвышению» власти этого царя и укреплению господствовавшего класса. При царе Иване почти завершилось закрепощение крестьян. При нем было установлено самодержавие, означавшее диктатуру дворянства. При нем были совершены успешные завоевания новых территорий и речных путей, сделавшие его царство одним из самых могущественных феодальных государств Восточной Европы.

Это «возвышение» было достигнуто конечно путем жестокой борьбы и жестокого насилия. Для того, чтобы превратить крестьян в «крепостную собственность», понадобилось пустить в ход все силы государственного принуждения, все силы господствующего класса и установить в стране режим подлинного террора. Было бы все же неверно думать, что в этом отношении царь Иван составлял какое-нибудь исключение. Как ни страшен был террор, установленный при нем, он не намного отличался от террора, проводившегося его преемниками. При его наследниках, так же как и при нем, дыба, пытка, кабала оставались основным оружием управления народными массами.

Однако последние годы царствования царя Ивана и в особенности эпоха, наступившая после его смерти, ознаменовались событиями, представлявшими собой, как говорил один из позднейших правительственных историков, «самое темное пятно на нашей отечественной истории». Этим темным пятном была крестьянская революция. Закабаленное, закрепощенное крестьянство, лишенное свободы, затянутае петлей все усиливавшейся феодальной эксплуатации, восстало против помещиков, и страна оказалась охваченной всеобщим крестьянским восстанием.

Посвященная этой эпохе трагедия Пушкина «Борис Годунов» заканчивается словами автора: «Н а р о д б е з м о л в е т в у е т». Но истинная трагедия для предков Пушкина по классу заключалась именно в том, что народ отнюдь не безмолвствовал, что тогда происходила демократическая революция, одна из тех крестьянских революций, которые казались тому же Пушкину «бунтом, бессмысленным и беспощадным», ибо смысл этого бунта заключался в том, чтоб не давать пощады крепостникам.

«Смутное время», как прозвали эту эпоху представители господствующих классов, продолжалось более двух десятилетий, и только пригласив на помощь иностранных интервентов, помещики смогли подавить взрывную революцию. Самодержавие было восстановлено. Восцарилась ди-

власти Романовых. Началась эпоха усиления крепостничества и эксплуатации крестьян.

«Смута» была подавлена и даже позабыта. Дворянские писатели XVIII в. избегали вспоминать об этом столь неприятном историческом эпизоде, а царская полиция неумолимо преследовала народные предания и песни, восславлявшие эту первую крестьянскую войну. И только новая великая «смута» — восстание Пугачева, — знаменовавшая глубокий кризис крепостного хозяйства, заставила сначала дворянских, а впоследствии буржуазных историков поставить вопрос о том, что было причиной «смуты» или, как они формулировали, кто же был в ней виновен?

Вся русская дворянская и буржуазная историография давала на этот вопрос один ответ: в «смуте» виновны жестокость Ивана Грозного и политика узурпатора московского престола — Бориса Годунова. Мотивировался этот ответ конечно по-разному, в соответствии с общими и историческими взглядами того или иного историка. Дворянский историк Карамзин, считавший, что крепостное право и самодержавие были и будут вечно, и рассматривавший историю как историю царей, видел в Грозном второй половины его царствования больного, злого царя. Буржуазная школа русской, точнее великорусской, историографии (Соловьев, Чичерин, Ключевский), которая считала самодержавие надклассовой властью, полагала, что в XV—XVI вв. происходило закрепощение государством всех сословий (не только крестьянства, но и дворянства). В Иване Грозном она видела представителя этого «государственного начала». Так же, как и Карамзин, эти историки производили над историей Грозного своеобразную операцию: чтобы доказать положительное значение происходившего в царствование Грозного усиления крепостничества и самодержавия, они произвольно делили его царствование на две половины. Затем они объявляли, что в первую половину Грозный был замечательным царем, благодетельствовавшим народ, а вот во вторую он заболел, стал жестоким, озлобил народ, а потом слабоумие его наследника Федора и происки выскочки Бориса Годунова привели к «смуте». Но затем, после воцарения дома Романовых, все снова стало хорошо.

На этом сходились все дворянские и буржуазные историки. Они тщательно подбирали материал, свидетельствующий в пользу их схемы. А так как материалов о жестокости Грозного и «несправедности» Бориса имеется очень много (так же, впрочем, много, как и обо всех других царях, но о них такие материалы прятали, а об этих искали), то схема могла опираться на обильные исторические источники.

Личная виновность в «смуте» Ивана Грозного и Бориса Годунова превратилась в своего рода аксиому русской дворянской и буржуазной историографии. И вдруг два маститых профессора — один из них либеральный буржуа, другой заядлый монархист — выступили с книгами, в которых откровенно заявляли, что вся предшествующая историческая литература дает неверную оценку роли и личности Ивана и Бориса, что эти цари должны быть реабилитированы и восславлены и что из их деятельности должны быть сделаны политические уроки для нынешнего дня.

Эта «переоценка ценностей» была совершена профессорами Вишпером и Платоновым после Октябрьской революции, в годы гражданской войны.

„ДА ЗДРАВСТВУЮТ ОПРИЧНИКИ...
ДОЛОЙ БОЛЬШЕВИКОВ!“

«Исторический приговор, вынесенный Грозному, должен быть пересмотрен» — заявил в своей книге «Иван Грозный» профессор Вишпер. Оценка, данная Грозному историками, неверна. Грозный — один из величайших русских царей. Он — «первоклассный дипломатический талант» (стр. 77). Он — «очаровательный собеседник, ласковый миротворец, друг

свободы и вольности» (стр. 78). Ему Россия обязана тем, что после поражения в Ливонской войне (1582 г.) «Московское царство спаслось от угрожавшей ему гибели, спаслась и династия, сохранилась в неприкосновенности власть царя, остались спокойны классы общества» (стр. 104).

В заключительной части своей книги профессор Виппер объяснил, почему он произвел пересмотр исторической оценки Грозного. Этот пересмотр, по его словам, есть «результат могущественного влияния современной общественной мысли. Воздействие на исследователя того, что мы называем мировоззрением, настолько сильно, что в литературных источниках, в исторических памятниках он как будто читает и видит то, что хочет прочесть и увидеть, выделяет и оценивает то, что совпадает с его вкусами и направлением интересов».

На что же натолкнула профессора Виппера «современная общественная мысль» и что в царствовании Грозного «совпало» с его «вкусами и направлением интересов»?

Вся книга Виппера об Иване Грозном представляет собой апологию Грозного как сильного царя, умевшего держать народ «сильной рукой», ведшего победоносные войны, создавшего режим настоящей диктатуры. Особую нежность вызывает в Виппере опричнина. Он всячески превозносит полезность такого рода «социальных институтов» и восхваляет ее положительную роль для внутренней жизни страны и для ее внешней политики (стр. III).

Грозный пленяет Виппера именно тем, что он грозный. «Историк зависит в своих взглядах и приемах от сменяющихся политических увлечений и философских настроений» — пишет Виппер в мотивировке своей мысли, и героем его «политических увлечений» в момент после Октября, в момент гражданской войны, является неограниченный самодержец, взнуздавший народные массы диктатурой крепостников. Подобного рода «философское настроение» закономерно для представителя свергнутого класса, бессильно борющегося против пролетарской революции. Как не вздыхать ему о Грозном в тот момент, когда его вождами являются Деникин и Колчак? Как не вспоминать ему о сладостном моменте установления самодержавия?

Книга Виппера была не одинока. После Октября эпоха Грозного, Годунова, «смутного времени» начала привлекать внимание всех историков — врагов пролетариата. Никогда не появлялось такого обильного количества книг, посвященных этому периоду, как в эти годы. Платонов выпустил «Бориса Годунова» и «Смутное время», Готье — «Смутное время», Кизеветтер читал в Московском университете курс лекций, посвященных истории «Смуты», и т. д.

Для всех этих книг характерно единство миросозерцания и исторического анализа (если только можно применить слово «анализ» к историческим работам, носящим, как мы дальше покажем, откровенно фальсификаторский характер). Их схема в основном такова: на протяжении XIV—XV вв. происходило «объединение великорусского племени» вокруг Москвы и рост власти московского князя. «Московский князь» обратился в «народного вождя, опиравшегося на всю народную массу и ведшего ее не только к национальному единству, но и международному главенству во всех православных странах» (Платонов, «Смутное время», стр. 13 и 15). «Народный вождь» стал самодержавным царем. Огромная заслуга в установлении самодержавия принадлежит Грозному, который беспощадно расправлялся со всеми своими врагами — и хорошо делал. Как говорил в 1918 г. на своих лекциях Кизеветтер, «мы заблуждались в значении опричнины, только теперь мы можем ее по-настоящему оценить».

После смерти Грозного на престоле оказался слабоумный Федор. Самодержавию угрожала опасность. Но нашелся подлинный герой — Борис Годунов, который поддержал шатающийся трон и оберег его от падения. Он один проявил «государственный ум». Его, оказывается, тоже оценивали неправильно. Нельзя же осуждать человека не царского звания за то, что

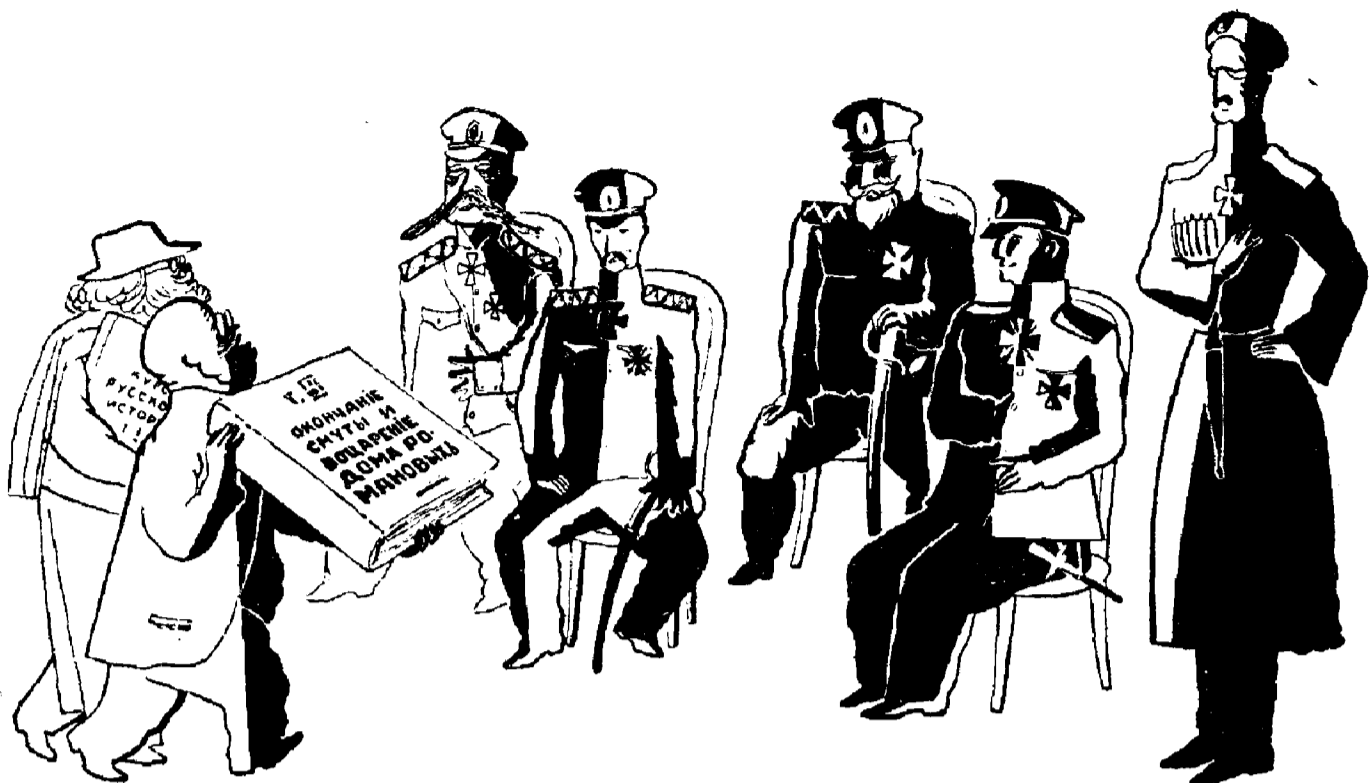

Рис. Авалиаки

он захватил трон для поддержания самодержавия! «Истинный патриот» обязан поступать так, как поступал некогда Борис, как это делают... Денижкин и Колчак. «Нашему современнику ясно то, что укрылось от взоров наших предшественников, — говорил тот же Кизеветтер. — Борису обязана история тем, что смута началась позже... Он был добрым духом для царя Федора, и кто знает, как пошли бы дальнейшие события, если бы не смерть Бориса?»

Смысл философии сей крайне элементарен: как жаль, что при слабоумном Николае II не было такого человека «государственного ума», как Борис! Как жаль, что некому оказалось захватить трон, с которого свергли царя-идиота!

Перед нами — открытая идеология реставрации, обосновываемая на историческом материале. Чтобы подогнать историю под желаемые политические выводы, почтенные профессора проделали огромную фальсификаторскую работу.

Профессор Виппер, как мы показали выше, откровенно признает, что, когда он писал историю Ивана Грозного, он увидел то, что хотел увидеть, и прочел в литературных источниках и исторических памятниках то, что хотел прочитать. Это есть признание в фальсификации. Если же мы внимательно прочтем его книгу, так же как и книги его соратников, то найдем там богатейший материал для иллюстрации элементарных приемов, при помощи которых производится эта фальсификация.

Одним из таких приемов является например опорачивание исторических источников, которые противоречат установкам автора. Платонов, Виппер, Кизеветтер единодушно заявляют, что все те документы и материалы, в которых дается нежелательная с их точки зрения картина, неверны, не заслуживают доверия. Поэтому они отвергают основные исторические источники: письма князя Курбского, «Беседы Валаамских чудотворцев», памфлеты Пересветова, сочинения англичанина Флетчера. Все эти источники, заявляют они, не заслуживают доверия... ибо авторы их излагают события со своей точки зрения. Но разве имеется на свете хоть один исторический документ, в котором автор не излагал бы событий со своей точки зрения? Вель даже маститые профессора истории «зависят в своих

«взглядах и приемах от сменяющихся политических увлечений и философских настроений!»

Следующий прием такой сознательной фальсификации, совершаемой «под влиянием политических увлечений», заключается в неправильном цитировании источников. В одной только книге Платонова о «Смуте» мы насчитали 6 цитат, обрывающихся именно на том месте, где документ начинает свидетельствовать против его препаратора».

Наконец самый излюбленный прием этой фальсификации — пошлое аналогизирование. Пышный расцвет литературы о «Смуте» в годы гражданской войны, когда даже такие профессионалы-западники, как профессор Виппер, вдруг обнаружили пылкий интерес к отечественной истории, был не случайным. Задача этой литературы заключалась прежде всего в том, чтобы провести аналогию между «Смутой» и Октябрьской революцией и доказать таким путем, что как «Смута» кончилась поражением народа и воцарением Романовых, так кончится и еще более великая «смута», начавшаяся Октябрем. Отсюда — огромное количество аналогий: «Смута» = Октябрю, Минин и Пожарский = Колчаку и Деникину. И все это пишется вполне серьезно, с «ученым видом знатока».

Целевое назначение всех этих аналогий раскрывает проф. Кизеветтер. «Обращаясь к прошлому, — говорит он в своих лекциях о «смуте», — видя общие черты его с настоящим, мы с надеждой взираем на будущее. Мы верим, что так же, как из первой своей смуты Россия вышла окрепшей и просветленной, найдя в себе силы для преодоления недуга, избрав себе достойного царя, так и из новой, еще более страшной смуты она выйдет еще более великой, очищенной от немецкого социализма, возглавленной просвещенным монархом».

До Октябрьской революции русская историография извращала и фальсифицировала историю, чтобы показать необходимость и неизбежность самодержавия и историческую невозможность повторения «смут». После Октября она стала делать из истории обоснование реставраторства. Для этого ей пришлось несколько перестроиться, «сжечь то, чему поклонялись, поклониться тому, что сжигали». Но было бы сутобо неверно увидеть в этой перестройке что-либо принципиально новое. «Ряд волшебных изменений милого лица» не меняет основного — того, что лицо остается одним и тем же, что это — лицо эксплуататорских классов.

Подлинная история первой крестьянской войны в России не имеет ничего общего ни с одной из концепций великорусской историографии, и мы так же далеки от тех, кто хотел изобразить Грозного единственным темным пятном в светлой веренице русских самодержцев, как и от тех, кто видит в нем национального героя. Мы могли бы с полным основанием дать имя «Грозного» и окрещенному «Тишайшим» царю Алексею Михайловичу, при котором крестьянство было прикреплено к земле и подавлено было восстание Степана Разина, и Петру I, прозванному «Великим» за то, что он, как говорит т. Сталин, «сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Это возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры» (И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом). Такое же право на звание «Грозного» имеет и Александр I («Благословенный»), при котором расцвел Аракчеев, и Николай I, превративший страну в сплошной полицейский участок, и Александр II, освободивший крестьян от земли, и «Миротворец» Александр III, царствование которого представляет эпоху самой черной реакции.

Мы видим в Иване Грозном, как и в других «самодержцах всероссийских», представителя крепостников-помещиков, проводившего их классовую политику. Индивидуальные особенности, особенности характера Грозного не имеют никакого значения для анализа его исторической роли. Неслучайно то, что в истории всех народов эпоха установления абсолю-

Тема отмечается наличием какого-нибудь «грозного», «жестокого» царя. «Характер» этих царей есть выражение их социальной функции.

Безудержное насилие, сопровождающее зарождение абсолютизма, формирует характер царей этой эпохи. Был ли Грозный по природе «злым» или же «добрым», это не имеет значения для исторического процесса. Особенности характера царя реализуются лишь в той мере, в какой они находят почву в социальной среде. Давно уже было отмечено, что любовь Людовика XIV к женскому полу отражалась на судьбе подданных Франции лишь потому, что во Франции существовал абсолютизм. Но разве смело бы хоть какое-нибудь историческое значение для эпохи империализма то, что подобная черта характера была бы присуща например английскому королю?

Для нас Грозный есть настоящий представитель дворянства в пору борьбы дворянства за закрепощение крестьян. Он жесток, гнусен и подл, этот подлинный выразитель своего класса, и мы его ненавидим так же, как ненавидим все проклятое прошлое нашей страны.

Обе точки зрения, господствовавшие в великорусской историографии, по вопросу о причинах «Смуты», о характере происшедших в ту пору исторических событий, не имеют ничего общего с исторической действительностью, раскрыть которую может только мировоззрение пролетариата. И мы остановились так подробно на любопытном эпизоде с «переоценкой ценностей» в вопросе о «Смутном времени» только потому, что этот эпизод с большой яркостью показывает классовый характер буржуазной историографии и фальсификаторский характер буржуазной исторической науки. В годы гражданской войны классовые враги пролетариата открыто сказали о том, что они всегда скрывают под ссылками на «объективность» и «беспартийность» науки: что историческая наука есть важнейшее оружие классовой борьбы.

Эпизод с проф. Виппером и Иваном Грозным — не единственный и быть может даже не самый яркий. Буржуазная историческая наука, особенно в эпоху открытой борьбы буржуазии против диктатуры пролетариата, наполнена фактами подобного же рода.

— МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Товарищ читатель! Думал ли ты когда-нибудь, когда партия послала тебя сражаться на фронтах гражданской войны или отбирать хлеб у озверелого кулачья или бороться за выполнение промфинплана, о том, как поступила бы на твоём месте обезьяна? Нет, ты не думал? Зато об этом думает Карл Каутский, выпустивший в назидание большевикам — и тебе, товарищ читатель, — книгу, где он призывает нас брать пример с наших предков — обезьян, которые-де в отличие от большевиков «не убивали млекопитающих», «питались преимущественно растительной пищей и лишь изредка употребляли различных мелких животных: гусениц, червяков, жуков» и никогда не прибегали к диктатуре и террору.

Обо всем этом ты можешь узнать из «восхитительного исторического обзора» (Гаазе) в книге Каутского «Терроризм и коммунизм». Перед тобой развернется широкое полотно всемирной истории, и ты увидишь, что весь опыт ее учит тому, что диктатура и террор а) чужды природе человека и вообще всех млекопитающих, б) особенно чужды они природе современного буржуазного общества, в) что Маркс всегда был против диктатуры и террора и вообще против всякого революционного насилия, а если он говорил о необходимости диктатуры пролетариата, то только потому, что стоял на слишком низком уровне научного мышления, и наконец г) что установление большевиками диктатуры и применение красного террора является безусловным доказательством того, что большевики не имеют ничего общего ни с пролетариатом, ни с марксизмом.

Если же ты познакомишься еще с «Материалистическим пониманием истории» этого же почтенного автора, то твой ум обогатится пониманием того, что «на протяжении последних столетий развитие в государстве начало протекать в направлении к растущей свободе» (стр. 770), что сейчас происходят «рост нравственности» и «развитие в сторону прогрессирующей гуманности» (стр. 770). Добавь к этому, что «современный промышленный капитализм» «произвел поворотный пункт» в деле... «очищения тела от грязи», что с момента развития капитализма «начинается прогресс чистоты и постепенная ликвидация грязи», причем «борьба с грязью начинается в Англии, на родине капитализма, она находит свое продолжение в Германии, а из последней начинается постепенно распространяться по всему миру» (стр. 796—797), — и ты окончательно убедишься в том, что известное отсутствие добродетелей у наших благородных предков — обезьян вполне возмещено успехами капиталистической цивилизации.

Обо всей этой пошлятине не стоило бы вспоминать, если бы она не была связана с нашей борьбой против буржуазии и социал-фашизма в основном вопросе нашей эпохи и в основном вопросе исторической науки — в вопросе о революции. Изучение истории революции является центральным не только для нас, но и для историков враждебных нам классов, и Каутский изобразил исторический процесс как путь развития от волосатой обезьяны к современным парикмахерским прежде всего и именно для того, чтобы замазать роль революционного насилия и диктатуры революционного класса.

Однако, не имея возможности обойти некоторые неприятные исторические эпизоды вроде например Великой французской революции и Парижской коммуны, опыт которых довольно мало свидетельствует в пользу «прогресса к гигиене» как основной движущей силы исторического процесса, Каутский смело принимается за обработку исторических фактов в соответствии со своими целями. Когда читаешь страницы этой книги Каутского, то чувствуешь, какой глубокий автобиографический смысл вложен в его слова: «Не может быть сомнения в том, что в последнем счете наша воля определяется не нашим знанием, но что она действует до всякого знания и определяющим образом влияет на это последнее» («Материалистическое понимание истории», т. II, стр. 709).

«Воля» Каутского действует не только до «знания»; с тех пор, как Каутский стал ренегатом, она действует вопреки знанию. Ревизия Каутским марксизма, переход его на сторону буржуазии неизбежно должны были сопровождаться пересмотром всех его прежних исторических воззрений. Для того, чтобы приспособить исторический опыт к целям и нуждам социал-фашизма, действительно необходимо было иметь специально направленную волю, ибо доказать, что в истории не было насилия, можно было только путем решительного насилия над историей.

Если мы сравним взгляды Каутского хотя бы на Великую французскую революцию в тот период, когда он был еще марксистом (хотя и непоследовательным), с его взглядами в ту эпоху, когда он встал на другую сторону классовых баррикад, то мы увидим, как «воля» почтенного потомка обезьян направила его «знание» по пути фальсификации истории.

Мы не будем разбирать всех вопросов, встающих при этом, и возьмем только основной и центральный вопрос — о диктатуре и революционном насилии. Как Каутский оценивал их роль до своего перехода на сторону буржуазии и что увидел он в них тогда, когда начал мобилизовывать «исторические аргументы» против большевистской революции?

Возьмем две книги Каутского, написанные на расстоянии тридцати лет друг от друга, — одна в 1889 г., другая в 1919 г. Первая называется «Противоречия классовых интересов в 1789 г.», вторая — «Терроризм и коммунизм». Сравним оценки, дававшиеся в них по одному и тому же вопросу — вопросу об исторической роли якобинской диктатуры и революционного террора.

Чем большая опасность грозила делу революции, тем сильнее нуждалась последняя в поддержке революции... — писал Каутский в 1889 г. — Не Законодательное собрание, не Конвент спасли тогда (в 1792 г.) революцию, — это сделали санкюлоты.

Они захватили в свои руки клуб якобинцев и овладели таким образом организацией, которая, управляя из Парижа, имела по всей стране свои разветвления... Действуя через клуб якобинцев, через Парижскую коммуну, а где эти средства оказывались недостаточными, прибегая к восстаниям, санкюлоты подчинили себе Конвент, подчинили правительство, подчинили наконец всю Францию... Они самым беспощадным образом пользовались своим правом сильного и, отвечая на излишества излишествами же, не только задушили всякое сопротивление и всякую измену, но и утопили в крови «подозрительных» самую возможность сопротивления и измены» (*Противоречия классовых интересов в 1789 г.*, изд. 1923 г.).

Каутский 1889 года, Каутский-марксист видел в якобинской диктатуре необходимое условие победы революции. Он одобрял якобинцев за то, что они самым беспощадным образом боролись против врагов революции, он говорил о том, что террор обессиливал и запугивал внутреннего врага, что он давал новую силу и уверенность защитникам дела революции, что он создавал средства борьбы за новое общество. Правда, и в этой работе Каутский выступает не как последовательный революционный марксист. Но сейчас для нас важно установить, что он все же видел тогда революционную необходимость диктатуры и террора.

Иное говорит Каутский 1919 года. Теперь для него якобинская диктатура и террор уже не необходимое условие победоносного развития революции, а плод разрыва между крайними элементами революции и остальной страной. Чрезмерный революционный размах парижских предместьев, говорит Каутский, привел к глубокому противоречию между Парижем и страной. «Тут-то властелины пролетариата и начали хвататься за все более отчаянные средства и обратились к кровавому ужасу, к террору» (Каутский, *Терроризм и коммунизм*, Берлин, 1919 г., стр. 27).

Тут что ни слово, то фальсификация и ревизия. Начнем с того, что якобинцы оказались вдруг «властелинами пролетариата». Научную ценность этого открытия прекрасно выясняют слова того же Каутского, написанные на 30 лет раньше. Нельзя, писал он, отождествлять санкюлотов «с современным наемным пролетариатом крупной промышленности», такое отождествление «приводит к совершенно ложному представлению об этих самых элементах и о всей революции, на общий ход которой они оказали такое огромное влияние» (*Противоречия...*, стр. 62). Но что же тогда представляет собою книга «Терроризм и коммунизм», в которой санкюлоты именно отождествляются с современным пролетариатом, и притом с его авангардом — пролетариатом Страны советов? Не написана ли эта книга для того, чтобы создать «совершенно ложное представление» и о санкюлотах, и о самой революции, и... еще кое о чем?

Когда-то Писарев говорил, что слова и иллюзии гибнут, но факты остаются. Если бы он знал Каутского, то сказал бы иначе. Якобинская диктатура превращается в диктатуру пролетариата. Террор из средства наступления революции превращается в проявление ее отчаяния и бессилия. Париж, революционный авангард страны, ведущий за собой восставшие народные массы, произвольно приводится в противоречие с крестьянством. В 1904 г. Каутский считал, что в эпоху якобинской диктатуры «монархия была окончательно уничтожена, объявлено всеобщее избирательное право, распущено постоянное войско, введено всеобщее вооружение народа. Богатства имущих начали служить питанием армии и бедных. Все это произошло во время террора, в эпоху устранения буржуазии». В 1919 же году Каутский заявляет, что единственным результатом террора было... «одичание пролетариата».

В статье «Пролетарская революция и ренегат Каутский», посвященной вышедшей в том же 1919 году брошюре Каутского «Диктатура

пролетариата». Ленин мимоходом отмечает несколько перлов репетитора Каутского. Один из них — репетитство в вопросе о Великой французской революции. «Перд номер четвертый,— пишет Ленин.— Была ли исторически велика и полезна «диктатура пролетариев и мещан» в революции 1789 года? Ничего подобного. Ибо пришел Наполеон. Диктатура низших слоев выравнивает путь к диктатуре сабли (стр. 26). Нани «серьезный» историк, — как и все либералы, в лагерь коих он перешел, — твердо уверен, что в странах, не видавших «диктатуры низших слоев», например в Германии, диктатуры сабли не было. Германия никогда не отличалась от Франции более грубой, более подлой диктатурой сабли — это все клевета, придуманная Марксом и Энгельсом, которые бессовестно лгали, говоря, что до сих пор в «народе» Франции, больше свободлюбия и гордости угнетенных, чем в Англии или Германии, и что Франция обязана этим именно своим революциям» (т. XXIII, стр. 222).

Французская революция была великой именно потому, что на защиту ее завоеваний поднялись широкие народные массы, что она дала образцы революционной диктатуры и действительно революционной борьбы с классом эксплуататоров. «Якобинцы 1793 года, — писал Ленин, — были представителями самого революционного класса XVIII века — городской и деревенской бедноты».

Благодаря якобинской диктатуре, благодаря террору буржуазно-демократический переворот во Франции был доведен до конца, и этому Франция была обязана тем, что в ней меньше, чем в любой другой стране, чувствовалась «диктатура сабли». Так, несмотря на свое поражение, якобинская диктатура выполнила великую революционную роль в истории. Это признавал когда-то Каутский-марксист, это отвергает теперь Каутский — социал-фашист.

В одной из своих автобиографических заметок, вспоминая о том, как и почему он начал заниматься историей Великой французской революции, Каутский писал: «Когда я вступил в социал-демократическую партию, все мы были убеждены в том, что идем навстречу новому изданию Великой французской революции, только при наличии более развитого пролетариата. Мы изучали ее для того, чтобы уяснить себе совершенные тогда ошибки, с твердой решимостью их больше не повторять. Мы не были тогда согласны насчет того, в чем состояли эти ошибки и кто их совершил: Дантон, Робеспьер или Эбер» («Материалистическое понимание истории», стр. 653).

Социал-фашист Каутский твердо знает, в чем были «ошибки» революции. Они — в революционной диктатуре. Он твердо знает и то, кому принадлежат его симпатии. Конечно не Эберу — этому руководителю Коммуны Парижа, возглавлявшему левую часть якобинцев. Конечно не Робеспьеру. Они принадлежат Дантону. Дантону — герою всех либералов, Дантону, который, будучи якобинцем, поддерживал тайные связи с королевским двором и старался, как говорит его почитатель Олар, «умиротворить революцию», Дантону, который находился в соглашении со всеми врагами революции, помогал англичанам и Кобленцу организовать интервенцию, помогал королю бежать в Варенн, был соучастником измены Дюмурье. Именно Дантон был историческим прототипом нынешних меньшевиков, и недаром он заслужил прозвище «отца оппортунизма».

И когда читаешь исторические писания Карла Каутского, на ум невольно приходят слова Сен-Жюста, сказанные по адресу Дантона и его сообщников: «Они хотят сломать эшафоты потому, что боятся, что им придется взойти на них».

Так и Каутский. Он стремится сломать революционную роль эшафотов Французской революции, чтобы помешать пролетарской революции построить ее эшафоты, на которых будет отсечена голова социал-демократии. Для этого он и фальсифицирует историю.

«НИКОГДА не ВРУТ так МНОГО,
как ПЕРЕД ВОЙНОЙ»

Эти слова совсем не наши. Они принадлежат злейшему врагу пролетариата — графу Бисмарку, человеку, который был одним из величайших для своего времени мастеров в деле «вранья перед войной». Достаточно вспомнить хотя бы о том, как в 1870 г., когда Бисмарк возглавил в Германии партию войны с Францией, он составил фальшивую телеграмму, приведшую к немедленной развязке. И слова Бисмарка звучат, как слова подлинного специалиста своего дела.

«Никогда не врут так много, как перед войной!» Ни о чем не врут так много, как о войне! Ни в одной области исторической науки классовый характер буржуазной историографии не проявляется с такой обнаженностью, как в вопросах истории войны. С необычайным бесстыдством буржуазные историки фальсифицируют факты, строят произвольные, ни на чем не основанные схемы, подтверждающие историческую правоту буржуазии их страны; они отбрасывают как ненужную помеху все те бесчисленные каноны, которые создала буржуазная историография в области «критики источников»¹, и занимаются подчас прямыми подлогами, ничем не отличающимися от приемов желтой прессы.

Яркий пример этому дает историческая литература о мировой войне. Мы не будем заниматься разбором всех многочисленных произведений, посвященных этой войне и дающих совершенно недвусмысленное «историческое обоснование» политики империалистов той или иной страны. Мы остановимся только на некоторых приемах фальсификации, чтобы показать, какими способами выполняет буржуазная историческая наука свою работу по непосредственному обслуживанию нужд империализма. При этом мы остановимся на одной только отрасли этой литературы — на публикациях документов.

Пожалуй, ни в одной области исторического производства не проделано столько грубой фальсификации, как в области публикации документов мировой войны. Возьмем ли мы многочисленные «книги секретных документов», изданные правительствами всех воюющих стран в первые же дни после объявления войны, или же толстые томы публикаций, издающиеся по нынешний день, везде мы встретимся с самой грубой подделкой исторических документов². Для этой подделки составители публикаций прибегают к трем основным приемам: 1) к извращениям текста документа, из которого выбрасываются невыгодные для данной стороны места, делаются произвольные вставки и т. п.; 2) к скрыванию неудобных для опубликования документов (в публикации, идущей в якобы хронологическом порядке, опускаются в таких случаях документы подобного рода, причем

¹ Каноны эти очень многочисленны. «Беспристрастная критика источника» требует например того, чтобы историк установил, какая погода была в момент писания данного документа (ибо если был дождь, то автор документа мог быть в дурном настроении или же не видеть ясно, что происходило на улице). В толстых учебниках, посвященных «источникам и методам исторического исследования», разработана целая система требований в этой области. Так, историк обязан установить время написания данного документа, определить место его возникновения, его автора, его подлинность, проверить, нет ли в нем интерполяций (вставок, внесенных позднее другими людьми), установить опечатки и ошибки и т. д. и т. п. Как видим, здесь перечислены все требования кроме одного... кроме установления классового происхождения документа. Этого буржуазная историография не требует. Она обращает все свое внимание на формальный анализ документа, достигая в этом деле нередко высокого мастерства, которым должен стремиться овладеть каждый историк-марксист. И именно потому, что в области критики источников и в частности в области их публикации буржуазная историография разработала огромное количество законов, нарушение которых она объявляет преступным поправкам требований науки, особенно ярко выглядят факты сознательной фальсификации публикуемых буржуазными историками документов войны.

² Блестящим разоблачением всей этой фальсификации являются издаваемые «Комиссией ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма» документы из архивов царского и временного правительств — «Международные отношения в эпоху империализма».

конечно эти пропуски не бывают оговорены); 3) к такому принципу в порядке опубликования документов, который дает заведомо извращенную картину событий, выгодную однако для данной стороны.

Приведем несколько примеров всех этих приемов фальсификации.

Начнем с извращений в текстах документов. Ярким образцом их могут служить английские публикации. Изданная 5 августа 1914 года английская «Синяя книга», даже по признанию редакторов выходящей сейчас многотомной британской публикации, содержала ряд купюр, передержек и неточностей. Так например из опубликованной в «Синей книге» телеграммы Бьюкенена, британского посла в Петербурге, был выброшен целый абзац, свидетельствующий о том, что Англия подхлестывала события, что она отнюдь не была тем невинным агнцем, каким она должна была выглядеть согласно официальной версии о «виновниках войны». Вообще же и в «Синей книге» и в большой британской публикации система пропусков в документах считается совершенно законной, и составители сборников производят свою фальсификаторскую работу совершенно открыто, не стесняясь.

Если взять публикации другой, германской, стороны, то мы увидим, что «враги» проявляли в этом деле полное единство принципов и средств. Германская публикация кишит сокращениями и пропусками в документах. Из них тщательно вычеркнуто например все то, что свидетельствует о трениях между Германией и ее союзницей Австрией. Документы подобраны и обработаны таким способом, чтоб изобразить невинным агнцем Германию, а виновником всех бед Антанту.

В тех случаях, когда даже самая бесцеремонная расправа с документами оказывается недостаточной, эти документы просто выбрасываются. Во всех публикациях конечно отсутствуют наиболее интересные документы. Что это так, нам нетрудно установить, во-первых, благодаря тому, что целый ряд из этих тщательно скрываемых документов имеется (в копиях или в оригиналах) в царских архивах, и мы можем в таких случаях точно выяснить, что именно пропущено в иностранных публикациях. Во-вторых, сличая между собой различные публикации, опять-таки нетрудно увидеть, что во всех них предельвается тщательная работа по запрятыванию того, что не должно увидеть света.

Наконец последнее: система в опубликовании документов. Она имеет также немаловажное значение. Возьмем хотя бы такой вопрос, как дата, с которой начинается публикация. От выбора этой даты зависит в значительной степени то впечатление, которое производит данная публикация. Как указывал М. Н. Покровский, выбором этой даты в значительной степени предпрешается вопрос о «виновнике» войны. Так, англичане начали

свою публикацию (том, посвященный периоду кануна войны) со свидания Николая с румынским королем в Констанде и Вильгельма—с Францем Фердинандом в Конопиште. Если бы начать с переговоров об англо-русской морской конвенции, говорит г. Покровский, дело выглядело бы совсем иначе.

Если мы возьмем литературу, посвященную истории мировой войны и послевоенных конфликтов, то мы увидим в ней ту же сознательную тенденциозную обработку исторических фактов, что и в публикациях документов. Размеры нашей статьи не позволяют нам остановиться на этом вопросе, который подробно разработан в нашей исторической литературе¹. Мы остановимся поэтому только на одном эпизоде, относящемся уже к новейшим временам; речь идет о японской исторической литературе, посвященной Китаю.

ИСТОРИЯ КИТАЯ „ПО - ЯПОНСКИ“

В Японии много легенд. Одни—о ручьях, другие—о горах, третьи—о феодальных замках. Темы их разные, но содержание одно и то же. В них воспеваются подвиги феодалов, их доблесть, их бесстрашие, их преданность микадо и тьюгунам², в них воспевается личный героизм подчиненного, соединенный с рабской покорностью властелину.

Из этих легенд одна из самых распространенных — это история заговора и смерти сорока семи самураев³. История эта очень длинна и запутанна, в основном же она сводится к тому, что один из высших феодалов оскорбил сюзерена этих сорока семи и приказал ему покончить с собой. Тогда сорок семь самураев поклялись отомстить и в течение года терпеливо плели сети заговора. Наконец однажды после полуночи они ворвались в дом своего врага и отрубили ему голову. Они были приговорены к смерти и тотчас же все покончили самоубийством, совершив над собой харакири (разрезали себе накрест животы кинжалом).

На этом острове легенды наворочена целая философия преданности господину, рабской покорности его воле, презрения к смерти, если смерть эта нужна владыке — будь то царь, помещик или капиталист. Мы не случайно включили капиталиста в ряд владык, покорность которым воспевают феодальная легенда: японский империализм с замечательным умением сумел сделать из средневековых легенд свой агитационный материал. Он поставил себе на службу идеологию рабства, которая веками воспевалась феодалами в их вассалах, и сумел найти ей широкое применение. И легенда о сорока семи самураях, так же как и ряд ей подобных, передается сейчас по радио, инсценируется в кино, ставится в театре, расцвечивается в романах, расходит по стране в миллионах экземпляров лубочных изданий.

Сейчас японский империализм и его «историки» решили присоединить к легенде о сорока семи самураях, добровольно вышустивших себе кишки, еще новые легенды. Первая из них — о Китае. Японский империализм расправляется беспощадно с подавленным и угнетенным китайским народом и при помощи бомбовозов и танков приглашает его последовать примеру героев средневекового эпоса. Разница лишь в том, что самураи сначала вспарывали себе животы, а потом попадали в легенду, а про Китай уже сейчас японские историки создают легенды, доказывающие, что китайский народ, как это видно из всей его истории,

¹ См. сборник статей М. Н. Покровского «Империалистическая война», статьи по поводу книги Черчила «Мировой кризис» и т. п. Специально о публикациях документов см. статью А. Ерусалимского «К вопросу о виновниках войны», «Историк-марксист», 1932 г., кн. 1—2.

² Микадо — японский император; тьюгун — высший феодал.

³ Самурай — одна из низших ступеней в лестнице феодальной иерархии.

безусловно должен совершить над собой харакири и отдаться на милость японских победителей.

Борьба японского империализма за овладение Манчжурией и Китаем породила огромную литературу, доказывающую исторические «права» Японии на завоевание этих стран. Особенно многочисленной и обильной стала эта литература в последние годы, когда наступление Японии на Китай приняло характер лобовой атаки. И чем воинственнее становился штурм японского империализма, тем успешнее японские буржуазные историки доказывали, что проникновение Японии в Китай всегда носило исключительно мирный характер, что Японию влекли и влекут в Китай чисто альтруистические мотивы, что овладение Китаем является чуть ли не жертвой со стороны Японии, наконец, что своим национальным существованием Китай целиком обязан Японии. В дополнение к этому японские археологи, нумизматы, этнографы «научно» доказывают, что культурное развитие Китая совершалось благодаря Японии. Таким путем создается стройная схема, «исторически» обосновывающая правомерность японского империалистического наступления на Китай.

Типичным примером такого рода фальсификации истории может служить книга японского журналиста Хосоно, называющаяся «Трудности положения в Манчжурии и Монголии». Вся книга написана для того, чтобы доказать, что «если бы не было Японии и ее попечения о территориальной независимости Китая, Китай в настоящее время был бы только географическим названием». В чем же заключалось это «попечение» японского империализма о Китае? Хосоно не приводит определенных фактов и ограничивается лишь общими рассуждениями на эту тему. Но мы попытаемся заполнить допущенный им пробел.

«Заботы Японии о независимом существовании Китая» очевидно начаты были в 1872 году, когда Япония присоединила к себе острова Рю-Кюу, находившиеся до того времени в совместном управлении Японии и Китая. Продолжением этих забот явился захват острова Формозы (в 1874 г.). Правда, по требованию англичан японцы вынуждены были вернуть Формозу Китаю, но зато они получили от Китая пятьсот тысяч лан (около миллиона рублей золотом) в возмещение расходов на оккупацию.

Япония принуждена была отступить и на некоторое время прекратить столь решительную активность в заботах о Китае. Но оставить их полностью она конечно не могла. Предметом ее усиленных забот сделалась Корея. Ее начал например очень волновать вопрос о средствах связи в Корее. Беспокоясь о том, что корейцы слишком плохо обслуживаются туземной почтой, Япония заставила их силой подписать с нею договор, по которому ей предоставлялось исключительное право на постройку в Корее телеграфных линий. Однако корейцам по непонятным причинам не особенно понравились эти и подобные им заботы. Они начали сопротивляться им. Тогда 12 июля 1894 года Япония высадила в Корее десант, а 1 августа, все время неуклонно продолжая свои «заботы о национальной независимости Китая», объявила Китаю войну.

Война кончилась быстрой и полной победой Японии. По Симоносекскому миру Япония получила Формозу и Пескадорские острова, Китай признал независимость Кореи, открыл Японии для торговли три новых порта, предоставил японской торговле преимущества наиболее благоприятствуемой нации, уплатил ей 4 миллиона иен военной контрибуции. Правда, и на этот раз Японии не удалось полностью реализовать плоды своих забот о Китае: ей опять помешали другие империалистические хищники. Россия, Франция и Германия совместными усилиями заставили Японию отказаться от ряда пунктов Симоносекского договора. Но бурный расцвет японской промышленности в период, последовавший за японо-китайской войной, свидетельствует о том, что заботы о независимости Китая не прошли для нее безрезультатно.

Война Японии с Россией в 1904—1905 гг. была по существу своему войной между двумя претендентами на исключительное право «попечения

о благах Китая». Наученная горьким опытом Симонсекского договора, Япония поняла, что она сможет полностью реализовать свои победы только в том случае, если будет вооружена до зубов. Она быстро разбила изъеденную язвой самодержавия Россию и, имея на своей стороне империалистскую Англию, приобрела огромные преимущества в Китае и в Тихом океане. Теперь она стала могучей империалистической державой, которая могла «заботиться о национальной независимости Китая», не опасаясь того, что ей в любой момент могут дать по зубам.

Япония неустанно продолжала свои заботы, закрепляя за собой сферы влияния, подкупая китайских генералов, издавая свои газеты, строя концессионные предприятия, овладевая железными дорогами, приобретая различные государственные монополии.

Особенно расцвели эти заботы во время мировой войны, когда Япония захватила Киао-Чао и Шандунь и предъявила Китаю 21 требование, ставившие Китай на колени перед японским империализмом.

С 1914 по 1920 г. Япония безраздельно хозяйничала в Китае... т. е. мы обмолвились: безраздельно заботилась о его национальной независимости. Как настойчивы были эти заботы, видно хотя бы из того, что за это время количество японских фирм в Шанхае выросло на 840 проц. Однако на Версальской конференции Соединенные штаты выбили из рук японского империализма целый ряд выигранных позиций, и заботы о Китае вновь приняли форму яростной борьбы между империалистическими соперниками. Борьба эта была осложнена китайской революцией, во время которой империалисты всех стран объединились против революционного Китая, держа в то же время наготове ножи, чтобы всадить их в глотки друг другу.

Политика Советского союза также решительно препятствовала окончательному завершению «забот о национальной независимости Китая». И только недавно, заручившись поддержкой Франции, Япония перешла к штурмовой «защите свободы Китая», отторгнув от него Манчжурию и настойчиво продвигаясь в глубь страны.

Достаточно посмотреть на этот небольшой ряд исторических дат, чтобы смиренно склониться перед мудростью японских буржуазных историков. Можно ли не поверить например словам недавно убитого японского премьера Инукаи, заявлявшего: «Япония не империалистична. Она не побуждается жаждой новых земель. Она не стала предумышленно на путь агрессии. Все, чего Япония хочет в Манчжурии,— это жить в мире и гармонии с другими народами. Мы прибегли к вооруженной интервенции, казавшейся нам единственным средством разрубить гордиев узел, только после того, как в течение 30 лет умпыленной политикой обструкции и изолирования лишили нас тех привилегий, на которые мы имели полное право в результате договоров и великих жертв, понесенных нами в пользу Китая».

Эти слова написаны в предисловии к книге Каваками «Японская речь о японо-китайском кризисе», книге, автор которой, как и все японские империалистские историки, стремится доказать, что Япония только и делала, что, отрывая от тела Китая один кусок за другим, осуществляла его национальные идеалы.

Для доказательства этого круга идей японские историки между прочим неизменно прибегают к одному трюку: они отождествляют политику царской России и советского правительства, чтобы разрушить доверие к единственному действительному защитнику Китая от империалистических посягательств.

Проделывается эта фальсификация крайне элементарно: Советский союз называют Россией, и его дипломатические выступления перечисляются в одном хронологическом ряду с царскими. Очень часта и такая конструкция фразы: «так же, как в 1904 году Россия требовала того-то и того-то, так в 1926 году она требует того же».

Японская историческая наука самым прямым и непосредственным образом обслуживает нужды японского империализма. И недаром например в знаменитом меморандуме Танаки¹ имеется ссылка на исторические изыскания доктора Яно, который, как говорит меморандум, «основательно изучил китайскую историю и пришел к выводу, что Манчжурия и Монголия никогда не были китайскими».

Японская историческая наука выполняет сейчас ту же миссию, что и японские агитаторы, которые, по словам того же меморандума Танаки, после русско-японской войны, когда в Европе, Америке и Корее начали опасаться, что Япония захватит Корею, «массами явились в Америку, Европу и Корею и заявляли там, что мы признаем независимость Кореи и не посягаем на ее территорию. В результате нам удалось вернуть международное доверие». Когда же «международное доверие» было возвращено, Япония в 1910 г. захватила Корею.

Так и сейчас японские историки снабжают авторов меморандумов Танаки «историческими открытиями», доказывающими, что Манчжурия и Монголия всегда принадлежали не Китаю, а Японии. Они помогают японским империалистам, сочиняя легенды о благодетельной японской помощи независимости Китая. Они подкрепляют «авторитетом науки» завоевательные стремления японского империализма, когда изображают всю его прошлую захватническую деятельность как сплошную борьбу за всеобщую независимость: то Кореи, то Манчжурии, то Монголии, то Китая.

Делается все это необычайно грубо и элементарно. На всех этих исторических схемах так явственно проступает фабричное клеймо «Made in Japan», что в них не соблюдена даже минимальная завуалированность буржуазной исторической фальсификации. Поверить этому лубку могут только японские фашисты. Меньше всего могут поверить ему трудящиеся Китая, на которых прежде всего рассчитаны исторические изыскания японских империалистов. И как бы японские историки ни убеждали их в том, что в интересах национальной независимости Китая они должны сами покончить самоубийством, они на это не пойдут. Пусть самураи кончают свою жизнь по приказу своих владык. Революционный трудящийся Китай НЕ БУДЕТ сэрком восьмым самураем.

ФАШИСТСКИЕ ПРОГУЛКИ
по САДАМ ИСТОРИИ

Было бы неверно думать, что сказки средневековья привлекают к себе внимание одних только японских империалистов. Германские фашисты тоже любят средневековые легенды. Они охотно вспоминают о подвигах рыцарей, о мудрости Фридриха Барбароссы, о славе феодальных замков, величии германских императоров, Нибелунгах, Лорелейх и т. п. Но больше всех средневековых легенд они любят одну: антисемитскую легенду о евреях. Она для них дороже всех замков, королей, фаворитов, рыцарей и трубадуров. Ибо антисемитизм — это гнуснейшее порождение средневековья — принадлежит к числу самых ценных орудий, с помощью которых фашизм борется за сохранение капиталистического строя.

Если мы возьмем многочисленную литературу, которая в миллионных тиражах издается германскими фашистами, то мы увидим, что большое место в ней занимают различные исторические экскурсии. Иногда эти исторические экскурсии имеют характер истинно немецки-фундаментальных «научных исследований», иногда они представляют собою простые агитки. Но независимо от своего стиля и формы они направлены в одну сторону: на доказательство того, что во всех несчастьях человечества повинны евреи и что единственный выход из этих несчастий — в фашист-

¹ «Меморандум Танаки» — план завоевания Китая, выработанный на специальной конференции, заседавшей под председательством японского премьера в июле 1927 года.

Рис. Авалиани

ской диктатуре. Доказывается это подчас довольно примитивно. Так, Максимилиан Робеспьер (тот самый Робеспьер, который в руках Каутского превратился чуть ли не в большевика) оказывается после изысканий одного фашистского «ученого» не Максимилианом, а Моисеем, и не Робеспьером, а Робинсоном, потомком еврейского торговца. Само собой понятно, что Великая французская революция, впрочем, как и революция 1848 года, I интернационал, Коммуна, Октябрь и германская революция 1918 года, представляет собой не что иное, как коварные еврейские проделки. До чего же нам все это знакомо! Всего полтора десятилетия назад мы могли ежедневно читать об этом в «Новом времени», «Земщине» и прочей литературе русских черносотенцев.

Антисемитизм для германского фашизма конечно не является самоцелью, он для него прежде всего средство. Цель заключается в борьбе против пролетарской революции, и задача, которую фашизм ставит в своей антисемитской пропаганде, состоит прежде всего в том, чтобы отождествить революцию с еврейством и, разжегши самые темные предрассудки масс, натравить их против революции. Выполнить эту задачу нельзя, если не заняться фальсификацией истории. И германский фашизм широко прибегает к этому оружию.

Он начинает с того, что развивает до предела все антисемитские легенды средневековья. Недостаточно выразительные для нашего времени легенды о преступлениях евреев обновляются, раскрашиваются наново и преподносятся читателю в форме «научно обоснованных открытий» и «исследований». Но этого конечно недостаточно. Надо ведь доказать, что евреи виноваты во всех несчастьях вплоть до нынешнего дня. И тут на помощь средневековым легендам изобретаются новые.

Типичным примером такого рода «исторических» изысканий может служить речь Адольфа Гитлера на столь излюбленную в буржуазной исторической литературе тему, как вопрос о виновниках войны. Мы уже говорили выше о том, как историки различных воевавших лагерей стремились свалить «вину» за войну на другую страну: немцы — на Англию и Францию, англичане и французы — на Германию. Гитлер не стоит ни на

той, ни на другой точке зрения. Он считает, что виновником войны является... «мировое еврейство».

Чтобы доказать эту довольно трудно доказуемую идею, Гитлер развивает следующую схему исторических событий последнего полувека: когда благодаря усилиям Бисмарка образовалась великая Германская империя, демократы, они же «марксисты», они же евреи, создали всемирный заговор, ставящий себе целью ее разрушить. В их руках была пресса, они имели за собой целые партии. Хотя у Германии не было никаких противоречий с другими странами, в частности с Россией, эти хитроумные заговорщики добились того, что весь мир сплотился против Германии. Мало того: они всячески препятствовали росту германского милитаризма и упрочению колониальных владений Германии, крича, что это преступление против гуманизма, и т. п. Евреи активно работали в лагере врагов Германии. Они руководили политикой Великобритании (ибо все видные англичане, сообщает Гитлер потрясенным слушателям,—евреи: и Дизраэли, и Нортклифф, и все остальные тоже). Именно евреи подняли крик, когда Германия нарушила бельгийский нейтралитет, и помешали тем самым моментальному разгрому Франции. Евреи же добились того, что Америка выступила в мировой войне на стороне противников Германии. Совершив Октябрьскую революцию и получив таким образом прочную базу, евреи решили окончательно овладеть Германией и, воспользовавшись ее военными неудачами, произвели 9 ноября 1918 г. государственный переворот, захватив власть в свои руки.

«Почему же евреи выступили преимущественно против Германии?» — спрашивает Гитлер и отвечает, что этому много причин, но что главная из них заключается в том, что они хотели овладеть в ней властью. На протяжении ряда десятилетий они подготовляли для этого почву, ведя марксистскую пропаганду. Вообще-то евреи стремятся к мировому господству, но начать решили с Германии и России. Но так как в этих странах существовали обождаемые народом монархи, то «евреи сделали революционерами». И, свергнув монархию в России и в Германии, они пришли к власти.

Большевизм. III интернационал, Октябрьская революция, германская революция, Германская компартия — все это «дело еврейской руки». И тут вскрывается истинная цель антисемитского истолкования всей новейшей истории. Антисемитизм нужен для того, чтобы бороться против революции. Фашисты все время отождествляют еврейство, революцию и биржу. Они постоянно подчеркивают «еврейский характер марксизма». И антисемитская пропаганда — это только подступ к борьбе против марксизма, против пролетарской революции.

Вся история революционной борьбы германского и мирового пролетариата в изображении фашистов есть не что иное, как выполнение еврейских планов. В 1848 году «евреи подняли революцию». Затем они «развили рабочее движение», «создали Интернационал», «основали социал-демократическую партию», «устроили ноябрьскую революцию». Восставшие в Киле матросы, бастовавшие во время войны рабочие, солдаты, бунтовавшие на фронтах,—все это евреи. Евреи создали специальный союз «Спартак», названный так не по имени восставшего римского раба, а по имени еврейского царя (насчет слова «Спартак» у фашистов имеются две версии: одна—что оно составлено из первых букв еврейской фразы, другая—что Спартак был на деле евреем, и поэтому его имя стало именем союза).

При помощи «азиатских еврейских большевиков», посылавших в Германию деньги, листовки и своих уполномоченных (тоже евреев), была произведена ноябрьская революция, и евреи захватили власть. Затем произошло еще несколько, опять-таки еврейских, революций: в Баварии и в Венгрии. Такова, по единодушному изображению фашистских историков и теоретиков, история революционного движения. Нетрудно догадаться, какие политические выводы делаются из такой «истории».

Фашисты стремятся подкрепить историческим обоснованием не только, так сказать, негативную часть своей программы, но и свои «положительные идеи». Прежде всего им необходимо для этого доказать неизбежность и необходимость фашистской диктатуры. Поэтому они создали собственную «теорию исторического развития», из которой следует, что именно фашизм является конечной целью и завершением «исторического прогресса». Фашистское государство, говорит теоретик фашизма Розенберг, есть результат «длительного развития исторической необходимости». Человечество переживает в своем развитии три фазы: феодальное общество, капитализм и «корпоративный строй», т. е. ту «третью империю», за которую борется фашизм. Фашистская «третья империя» является венцом исторического процесса, самым высоким его достижением.

Историческая подготовка фашистского государства начинается тогда же, когда развивается борьба за национальное государство. Поэтому фашисты с великим умилением взирают на Бисмарка, того Бисмарка, который, по словам Энгельса, осуществил требования шелудивой буржуазии так блестяще, что «она сама была изумлена той быстротой, с какой Бисмарк осуществлял ее национальную программу». Он поныне восхищает немецкую буржуазию своей твердостью и решительностью. «Сила воли, — говорит Энгельс, — никогда не покидала его; скорее она переходила в грубое насилие. И в этом прежде всего кроется тайна его успехов. Все правящие классы Германии — и юнкерство и буржуазия — в такой мере растеряли последние крохи энергии, в «просвещенной» Германии отсутствие воли стало таким обычным явлением, что единственный человек среди них, еще обладавший волей, именно поэтому стал для них величайшим человеком и тираном над всеми, перед которым, вопреки сознанию и совести, они, по их собственному выражению, угодливо «скачут через палочку на задних лапках».

Культ Бисмарка занимает огромное место в фашистской исторической и неисторической литературе. Целая плеяда исторических работ воспевают его деятельность. «Железный канцлер» выглядел бы в этой литературе совсем великолепно, если бы не мешало одно обстоятельство, приводящее подчас к довольно большим неловкостям. Беда заключается в том, что завладеть Бисмарком стремятся не одни только фашисты, а все партии, в том числе и социал-демократы. Все они лезут во «внуки» к этому «великому деду». И каждый изображает Бисмарка на свой лад: сторонники сговора с Францией рисуют его необычайным поклонником французского гения, противники уступок французским империалистам доказывают, что он был отчаянным ненавистником французов. И не так-то легко превратить Бисмарка в поклонника «третьей империи», когда тут же рядом выходят книги, в которых он выступает то как предшественник политики Брюнинга, то чуть ли не как социал-демократ. Впрочем нельзя не признать, что и фашисты и социал-фашисты имеют полное право и полную возможность находить в Бисмарке истоки своих идей.

Схема развития человеческого общества слагается в руках фашистских историков из идей развития общества в направлении к фашистскому государству, антисемитизма и воспевания реакционного насилия. Современная буржуазия, отказывающаяся от демократических методов обмана масс и все более переходящая к открытой диктатуре, перестает воспевать «демократическое начало в истории», которому еще так недавно она посвящала восторженные гимны. Ее героями являются диктаторы и тираны, борцы против революции. И неслучайно то, что в немецкой фашистской литературе, пропитанной духом воинствующего германского национализма, мы встречаемся с восторженными панегириками по адресу Тьера и Кавеньяка: восхищенные душителями революции для буржуазии есть чувство в своем роде интернациональное.

Исторические идеи германского фашизма представляют собою

одно из важнейших орудий, при помощи которых фашизм борется за господство буржуазии.

«Марксизм должен быть побежден.— говорит Гитлер в своих афоризмах.— Он должен быть побежден во что бы то ни стало. Мы должны употребить для этого все наши средства».

Одним из таких средств и является фашистская историческая «наука».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы видим таким образом, что фальсификация исторического процесса занимает одно из важнейших мест в арсенале наших классовых врагов. В борьбе против пролетарской революции, в борьбе за спасение капиталистического строя буржуазия и ее агенты широко пользуются оружием исторической фальсификации. Ее приемы очень изобретательны и разнообразны. Она умеет находить самые хитроумные способы извращения исторического прошлого. Однако в основе этого разнообразия лежит глубокое единство. И когда Гитлер изображает историю Октября и большевизма как историю «еврейского заговора», а Троцкий заявляет, что руководителем Октября был он, Троцкий, и что большевизм в 1917 г. «переворужился», то, несмотря на большое внешнее различие, в этих «исторических теориях» мы видим о с н о в н о е, что их объединяет: перед нами попытка опорочить, оклеветать большевизм посредством фальсификации истории, совершаемой с целью борьбы против пролетарской революции, против большевизма.

Фальсификация истории большевизма и Октябрьской революции является одним из важнейших орудий наших классовых врагов. Почетное место в деле создания фальсификаторских теорий в этой области принадлежит Троцкому. Свое развернутое выступление против партии он начал с широкой фальсификации истории Октября и большевистской партии. Фальсификаторскую работу свою Троцкий вел так, чтобы изобразить себя вождем Октябрьской революции и извратить роль Ленина, Сталина и большевистской партии.

С этой целью Троцкий постоянно изображал Ленина (и большевиков) не пролетарским революционером, а буржуазным демократом, который до своего «переворужения» в 1917 г. не ставил задач пролетарской революции, который в связи с этим не понимал и не мог понять опасность центризма во II интернационале, который создал не партию пролетарской революции, а партию буржуазных демократов, неспособную совершить Октябрь. Зато себя и свою меньшевистскую теорию «перманентной революции» Троцкий изображал как последнее слово пролетарского социализма.

Чтобы доказать эти идеи, Троцкий широко прибегает ко всем уже известным нам приемам фальсификации. Перед нами пронесется историческая «схема», основанная на фальшивом цитировании, на извращениях исторических фактов, на ложном истолковании мыслей Ленина, на прямой лжи и подтасовке. Троцкий создает легенды об истории Октября, основанные на бесстыдных искажениях документов и исторических фактов. Так, он заявляет, что ЦК партии накануне Октября в большинстве был против восстания, но протоколы ЦК документально доказывают, что это ложь. Он изображает Каменева и Зиновьева, не имевших за собой никого кроме нескольких партийных интеллигентов, руководителями правого крыла (!) партии. Он заявляет, что вдохновителем и единственным руководителем Октябрьского восстания был он, Троцкий. Но факты — упрямая вещь: этот «единственный руководитель» и «вдохновитель» даже не входил в практический центр, созданный партией для организационного руководства восстанием.

Своими широкими фальсификаторскими «историческими изысканиями», из которых должна явствовать неизбежность термидорианского перерождения советской власти, своими доказательствами того, что победа

социализма в СССР невозможна. Троцкий дает контрреволюционной буржуазии духовное оружие, так же как своей антисоветской работой троцкисты дали ей тактическое и организационное оружие. «Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения советской власти, о вероятности возврата к капитализму» (Сталин).

Из родника троцкистской фальсификации истории жадно черпают все те, кто борется против диктатуры пролетариата, все, кто стремится к ее низвержению. Троцкистские теории вооружают международную контрреволюцию. По мере того, как нарастают силы пролетарской революции, фальсификация истории врагами пролетариата становится все бесстыднее, применяется ими все чаще и шире. Отсюда ясно, что задача разоблачения этой фальсификации стоит перед нами как одна из самых важных боевых задач. К ее выполнению призвало историков письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Для того, чтобы победить, надо понять во всей глубине историю старого мира. Чтобы понять эту историю и сделать ее достоянием огромных миллионных масс, надо создать свою, пролетарскую историческую науку. Ясное сознание предстоящих путей борьбы, путей развития предполагает точное знание всего прошлого человечества и особенно его последних стадий. Буржуазная историческая наука во всех своих разветвлениях, во всех своих направлениях прекрасно служила своему классу, когда она под определенным классовым углом зрения освещала историю людей и их борьбы.

Классовая точка зрения историка, внутренне связанная и обусловленная интересами господствующих эксплуататорских классов, неизбежно приводила при этом к фальсификации исторического процесса, и к искажению отдельных событий. Здание дворянско-буржуазной историографии представляло собой огромное накопление фактов, связанных различными точками зрения в зависимости от классовой принадлежности данного историка. Оценить взгляды данного историка—это значит дать наш анализ его общей схемы, его основных взглядов, его системы подбора фактов, его точки зрения на связь между этими фактами; это значит, далее, ответить на вопрос, почему этот историк взял данный факт, не взяв другого, и как он конкретно представляет себе данное событие, его значение и его связь с другими фактами и событиями. Наша критика буржуазно-дворянской и меньшевистской историографии есть следовательно методологическая критика и потому — конкретно-историческая.

Для того, чтобы победить буржуазию, надо разрушить между прочим здание дворянско-буржуазной и меньшевистской историографии, установив свой классовый подход к изучению исторических событий. Классовый подход пролетарского историка в корне чужд классовому подходу буржуазного историка. Большевистский историк как человек класса, строящего на основе точного знания путей и законов исторического развития социалистическое общество, классово заинтересован в том, чтобы дать подлинную историю прошлого мира. Только пролетарская наука дает подлинно научный объективизм, определяемый классовой необходимостью дать истинную картину человеческого развития. Пролетарская наука разрушает все грубые и тонкие фальсификации и воскрешает подлинную историю человечества.

АНГЛИЙСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС

во второй половине XVIII века
и
в первой половине XIX века

Г. БЫКОВ

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ
в ЭПОХУ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА в АНГЛИИ

«Я знаю героическую борьбу английских рабочих, — говорил К. Маркс на юбилее «Рабочей газеты», — начатую еще в середине прошлого столетия (разрядка моя. — Г. Б.), борьбу, не окруженную нимбом славы, ибо буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали».

Настоящая статья ставит себе задачей дать очерк героической борьбы английских рабочих с 1792 г. по 1832 г. Этот отрезок истории рабочего движения Англии очень часто выпадал и игнорировался при изучении истории Англии; в нашей научно-исследовательской учебной и исторической литературе промышленный переворот изучался подчас лишь с точки зрения технической революции и вне связи с историей восьмидесятилетней гражданской войны в Англии, о которой так часто писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Поэтому и чартизм изучали почти без всякой связи с предыдущими фазами развития рабочего класса Англии. Между тем Энгельс рассматривает чартизм и как детище предшествующего фазиса развития рабочего класса в Англии. Борьба чартистов за политическую власть не была каким-то внезапным явлением; она выросла из длительной, более чем полустолетней истории борьбы рабочих в эпоху промышленного переворота. Демократическая партия, существовавшая в форме Корреспондентских обществ, — вот кто является предшественницей чартистского движения. Ф. Энгельс прямо называет чартизм детищем этой партии.

Рабочий класс Англии в эпоху Великой французской революции уже играл решающую роль в борьбе за демократию, и фактически он шел во главе борьбы за «парламентскую реформу». Но английский рабочий класс того периода конечно не представлял еще высококонцентрированного промышленного пролетариата, как в 1831—1854 годы — в годы чартистского движения. Английский промышленный пролетариат формировался из разорившихся ремесленников, кустарей, подмастерьев, рабочих домашней промышленности, из пролетаризированного крестьянства, из обитателей «рабочих домов» и т. д. Ясно, что на первых порах своего формирования (во второй половине XVIII столетия) пролетариат разделял идеологию мелкой буржуазии, вкладывая в нее свои туманные понятия о социальной справедливости, аграрном равенстве и политических правах. В области идеологии он дышал идеалами Томаса Пэна и Томаса Спенса. Несмотря на это, всем ходом развития классовой борьбы тогдашний рабочий класс (1794—1832 гг.) выдвигался в авангард революционно-демократического движения.

«Аграрная революция» в Англии означала экспроприацию крестьянства в интересах компромисса между капитализировавшимися лендлордами и буржуазией. «Славная революция» 1688 г. определила характер и направление состоявшегося компромисса между торями и вигами. В дальнейшем буржуазии оставалось лишь «улучшить» «лучшую и прекраснейшую в мире» конституцию Англии. Буржуазия, получив огромную резервную армию дешевых рабочих рук, опираясь на каторжное рабочее законодательство, могла широко проводить промышленную техническую революцию. Самое старое законодательство о зарплате, о рабочем дне времен Елизаветы Тюдор воскрешалось и усиливалось новым законодательством В. Питта и Р. Пилля против рабочих. Чудовищная эксплуатация детей с 5-летнего возраста, 18—20-часовой рабочий день женщины, стариков, мужчин, нищенская зарплата и высокие цены на предметы первой необходимости превращали жизнь английского промышленного пролетария и сельскохозяйственного батрака в сплошную каторгу; фабрики становились синонимом каторги, а политическое бесправие еще острее заставляло сознать английских рабочих свое экономическое рабство. В 24-й главе 1-го тома «Капитала» Маркс дал нам незабываемые страницы об ужасах эксплуатации, обнищания (пауперизации) и вымирания английского рабочего класса как в эпоху первоначального капиталистического накопления, так и в особенности в первый период промышленного переворота.

Революция в способах производства вызвала и революцию в ценах. За время с 1780 по 1795 г. цена на хлеб поднялась с 45 шил. до 81 шил. 6 пенсов за квартал. Мясо с 76 шил. в 1787 г. — до 110 шил. в 1797 г. (за три хундервейта). Масло с 47 шил. до 85 шил. за хундервейт. Сахар с 24 шил. до 52 шил. за хундервейт и т. д., причем эти решающие годы — 1791—1797 — были годами малоурожайными, а зимы особенно суровыми, жестокими, продолжительными.

Тукк определил стоимость питания рабочего — хлеб, мясо, сахар и т. п. — в 1773 г. в 8 фун. ст. 4 шил. В 1793 г. — 16 фун. ст. 2 шил. 6 пенсов и для 1797 г. — 22 фун. ст. 9 шил. 4 пенса. В то время как цены на продукты питания за 40—50 лет в XVIII столетии возросли от 60 до 130 проц., зарплата возросла на... 20 проц. Сельскохозяйственные рабочие зарабатывали летом от 10 до 14 шил. в неделю, а зимой — от 10 до 14 пенсов в день. Весь доход сельскохозяйственного рабочего с семьей составлял 8 шил. 6 пенсов в неделю при расходе в 5 шил. 3 пенса на хлеб и 3 шил. 2 пенса на все остальные потребности. А если к этому прибавить выплату зарплаты «продуктами» из лавочки хозяина, то экономическое положение рабочего в эпоху промышленного переворота становится ужасным и нестерпимым.

Капитализм обучал молодой пролетариат «фабричной» дисциплине, одновременно пробуждая в нем чувство классовой солидарности и классовой ненависти. Затяжная и непопулярная война с революционной Францией, а потом с Наполеоном усугубляла экономический и политический кризис в 1789—1797 гг. Разорившееся крестьянство и сельскохозяйственные рабочие разворачивают широкое массовое аграрное движение против лендлордов, церковников и капиталистических фермеров, требуя снижения аренды, уничтожения десятины, приостановки огораживания пустошей и экспроприации общинной земли. С 1767 г. вплоть до чартизма, как и в самый период чартизма, в Англии довольно часто горят замки лендлордов, вспыхивают отдельные массовые крестьянские и батрацкие восстания. Можно сказать, что старая Англия содрогалась под ударами аграрных беспорядков.

Энгельс очень образно писал в «Положении рабочего класса в Англии», о «восьмидесятилетней социальной войне в английской деревне». В наших учебниках этой оборотной стороне аграрного переворота не уделяли достаточного внимания, словно действительно крестьянство без сопро-

тивления соглашалось на экспроприацию, а сельскохозяйственные рабочие безропотно переносили жесточайшую эксплуатацию.

В первые годы промышленного переворота в 1767 г. в Ланкашире возникает движение деревенской бедноты на Гаутгентрских болотах. Болота кормили десятки тысяч беднейших крестьян, рыбаков, батраков, кустарей, деревенских ручных ткачей. И борьба 1767 г. за болота, против огораживания напоминает по своей ожесточенности и размаху знаменитое движение «болотников» эпохи Кромвеля. Движение перекидывается на деревню Маульден. Из Ковентри были двинуты войска, и «бунт» был кроваво усмирён. В 1799 г. вспыхивают серьезные аграрные беспорядки в Вальбарстоне, Нортчамтоншире. «Мятежи» подавляются войсками.

Интересно аграрное восстание в Отмуре. В 1801 г. герцог Мальборо и другие добились от парламента билля на огораживание (сиречь экспроприацию) 4.000 акров болот, принадлежащих отмурскому беднейшему крестьянству. В ответ вспыхивает восстание в приходах Бекли, Одинычтоне и Чарльстоне. Даже фабианец историк Гаммонд должен признать, что восстание в Отмуре является «социальной войной». Вплоть до 1814 г. не удалось подавить революционное отмурское крестьянство.

В 1814 г. возобновились новые попытки экспроприации отмурцев. Герцог Мальборо и местные лорды подняли уровень воды реки Рей, стекающей в Отмур, провели новый канал и фактически лишили отмурцев воды. В 1829 г. в июне отмурцы вновь восстают и уничтожают плотины. В июне — августе 1829 г. отмурцы, вооружившись чем попало, уничтожили все плотины и загороды. Отмурцы создали «ассоциацию отмурцев», руководившую аграрными беспорядками. Арестованных отмурцев отбивали. Население не шло в милицию, сочувствуя восставшим. Вплоть до 1830 г. отмурская беднота находилась в состоянии перманентного восстания. Правительству приходилось делать много усилий, приходилось мобилизовывать воинские силы для разгрома революционного очага аграрного движения. Даже еще в 1832 г. мировые суды Оксфорда сообщают, что отмурцев могут подавить лишь воинские силы, а на милицию полагаться нельзя.

Движение против экспроприации деревенской бедноты и за экономическое улучшение сельскохозяйственных батраков не угасало.

Отмурское восстание было задушено, но вслед за ним вспыхивает еще более грозное восстание в 1830 г. — «свингов», сельскохозяйственных рабочих, доведенных до крайней степени нищеты. Восстание «свингов» было более массовым и более серьезным, чем все предыдущие аграрные волнения 1795—1816 гг., превосходя своими размерами восстания болотников 1636—1654 гг. Движение «свингов» охватывало Кенг, Сессекс, Серрей, Беркшир, Гамшир, Вильтсшир, Беклингемшир, Дорсет, Глоустершир, Беуфордшир, Норфольк, Суффольк, Эссекс, Девоншир, Кэمبرиджшир, Партпоншир, Гермфорд, Оксфордшир, Хенг и другие графства и округа.

«Свинги» предлагали рабочим «пробудиться для своего собственного дела и значения». «Свинги» собирались по ночам с пылающими факелами, при кострах, на болотах и в лесах, ведя многотысячные заседания. Все это производило потрясающее и ужасающее впечатление на помещичьи нервы, и без того натянутые благодаря городским бунтам и бунтам в армии и флоте, о чем скажем дальше.

Лондон был в панике. По выражению историка Гаммонд, «народная дипломатия посылала ноты своим классовым врагам, звучащие довольно красочным языком пламенеющих, багрово-огненных небес, разбитых фабричных станков и с.-х. машин».

Страх лендлордов в течение нескольких первых недель восстания доходил до того, что герцог Беклингемский говорил об Англии как о стране, находившейся в руках мятежников. Член парламента Барингс

давил в Палате общин, что «если бы беспорядки продолжались ва три — четыре дня дольше, то восстание было бы вне досягаемости какой бы то ни было власти, могущей его контролировать», т. е. подавить его!

Движение сельскохозяйственных рабочих, «свингов», поддерживалось и фермерами, также страдавшими от церковной десятины и высокой арендной платы. «Свинги» требовали повышения заработной платы, уничтожения десятины, снижения аренды и охраны от огораживания помещиков и выпускали «подметные письма». У несогласившихся давать 2 шил. 6 пенсов дневной зарплаты жгли скирды и ломали с.-х. машины. Часть помещиков и капиталистов-фермеров дрогнула. Около Рея в Бридэ 5 ноября 1830 г. состоялось совместное заседание представителей «свингов», капиталистических фермеров и лендлордов. Последние соглашались уплачивать с.-х. рабочим от 2 шил. 3 пенсов до 2 шил. 6 пенсов семейному в день и удалить из прихода особо ненавистного собственника из местных резидентов. Бэрваш, Тайс, Херст, Хисфильд, Варблетон, Найкфильд, Мейфельд и ряд других приходов приняли программу соглашения в Бридэ. «Свинги» распространяли прокламации, призывая добиться распространения соглашения в Бридэ и на остальные районы Англии.

Никакие подкупы не могли разложить движение «свингов». Наиболее дальновидные лендлорды поспешили пойти на локальные соглашения со «свингами» и таким образом разорвали единый массовый фронт восставших батраков. Фермеры, поддерживая «свингов», отказывались идти в милицию, т. е. подавлять вооруженной силой «свингов». Мировой судья в Баттль сообщает министру внутренних дел о своем намерении снизить арендную плату в надежде, что фермеры пойдут в констебли! Даже береговая охрана по борьбе с контрабандистами становилась ненадежной. Браконьерство превращалось в своеобразное лесное партизанство, когда браконьеры уничтожали королевскую «дичь жирную, как лондонский ольдерман» (К. Маркс).

Голодные массы рабочих, батраков и деревенской бедноты, уничтожали дичь в парках и рыбу в прудах лендлордов. Законы против браконьерства с 1770 г. сыпались, как из рога изобилия. Запрещалось носить охотничьи ружья, иметь охотничьих собак, сети, силки, петли, капканы и другие охотничьи орудия. Этот акт феодализма 1770 г. был обновлен в 1800 г. и усилен обещанием расправляться с браконьерами, как с разбойниками и бандитами, т. е. фактически браконьеры объявлялись вне закона. Непосредственным результатом этого акта было сплочение вооруженных ночных дружин лесных братьев, причем в первой половине XIX столетия эти лесные братья частенько по ночам давали сражения королевской армии, не считаясь с тем, кому принадлежат парки, — помещикам, министру или королю.

Ночные сражения «лесных братьев» с королевскими войсками при свете факелов, грохоте пушек напоминали подчас форменные военные действия с обеих сторон.

Историк Гаммонд довольно красочно описывает такие битвы голодных верноподданных короля Великобритании с его армией. «По ночам леса, — пишет Гаммонд, — зловеще освещенные факелами, оживали и оглашались сплошными залпами от перестрелки и стоном раненых и умирающих в битве с обеих сторон».

Такова была оборотная сторона идиллии «старой веселой Англии».

Основная тактическая ошибка «свингов» была в местных соглашениях. Борьба немедленно прекращалась в том районе, где достигнуто было соглашение, и переносилась в другой район. Слабым пунктом «свингов» было отсутствие понимания необходимости вести борьбу не в районе, а в общем национальном масштабе и за полное уничтожение лендлордиз-

ма. Отсутствие у вождя восстания конечных целей обеспечило правительству его подавление воинскими карательными экспедициями. Мировые судьи, санкционировавшие местные соглашения со «свингами», получили от правительства нахлобучку. И все же, несмотря на военный разгром «свингов», лендлордам пришлось увеличить заработную плату сельскохозяйственным батракам в ряде районов. Снижение арендной платы и десятины прошло по всей Южной Англии.

Центральной фигурой в английской деревне в эпоху промышленного переворота был сельскохозяйственный батрак, атаковавший крупные лендлордовские имения, церковные поместья и окружающие «рабочие дома».

Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» пишет: «На примере крестьянской собственности Англии мы видим, какое влияние имеет наличие многочисленного земледельческого пролетариата, при крупных имениях, на состояние сельских общин».

На истории Лиги борьбы против хлебных законов Энгельс рисует дальнейшую эволюцию политических взглядов фермеров и сельскохозяйственных рабочих: «Если фермеры сделаются либералами, т. е. сознательными буржуа, то поденщики неизбежно сделаются чартистами». Одновременно Ф. Энгельс подчеркивает влияние июльской революции 1830 г. на подъем революционного аграрного движения в Англии.

Ф. Энгельс вел регистрацию аграрных беспорядков 1838—1845 гг. Поджоги он называет «излюбленным приемом социальной войны». С 1830 г. по 1842 г. в графствах вновь пылают хлеба на помещичьих, фермерских и церковных полях в Сессексе, Кембриджшире, Гертфордшире, Bedfordshire, Ланкашире, Норфольке, Суффольке, Дерби, Линкольне и на юге, — вплоть до 1848 г.

Как только удалось подавить городское рабочее движение 1792—1832 гг. правительство повело правильную военную кампанию против «свингов». Началось «возмездие» победителей. Были введены специальные (т. е. фактически полевые) суды. Казалось, вся Англия превратилась в сплошной судебный участок, где на скамье подсудимых сидел скованный цепями потерпевший поражение многострадальный английский рабочий класс. Сотни «свингов» были повешены, сотни убиты при усмирении, тысячи брошены в тюрьмы и сосланы на каторгу в Австралию и Тасманию. Вильям Коббет, Ричард Карлейль и Фергюс О'Коннор выступили в защиту «свингов». Они судились за свое сочувствие к «свингам». Первые были оправданы, но О'Коннор судился за чартизм и в своей речи выступил в защиту сельскохозяйственных рабочих. В эпоху чартизма сельскохозяйственные батраки десятками тысяч идут на митинги «Большого северного союза» и вступают в земельные ассоциации О'Коннора и в чартистскую партию. Чартистская газета «Северная звезда» чутко ловит сигналы вновь поднимающейся деревенской бедноты и сельскохозяйственных батраков.

Аграрные планы чартистов складываются под влиянием движения сельскохозяйственных рабочих 1832—1848 гг. Сельскохозяйственный пролетариат сигнализировал свою поддержку революционному чартизму и городскому пролетариату. Английская деревня в эпоху чартизма вновь окутана дымом горящих усадеб и скирд хлеба. «Как нравится моим читателям, — восклицает Фридрих Энгельс, — такое положение в тихих и идиллических округах Англии? Можно назвать это социальной войной или нет?» Ясно, что Энгельс эти ночные иллюминации считал самой подлинной, настоящей гражданской войной в «старой веселой Англии».

Такова в кратких чертах история революционного движения 1792—1848 гг. в английской деревне.

Обратимся теперь к городу.

Промышленный переворот обрекал на голодное вымирание рабочих домашней, кустарной и ручной промышленности. «Хлебный закон» способствовал бешеному росту цен на хлеб. Рабочему классу, сельскохозяйственным батракам и мелким арендаторам ничего не оставалось, как питаться «лошадиным кормом». Парламент вместо отмены хлебного закона и борьбы со спекуляцией занялся глубокомысленным составлением кулинарных рецептов из овса. Овсянка и овсяные отруби становятся единственной пищей миллионов пролетариев города и деревни. По свидетельству того времени, «ветчина или другое что-либо из мясного составляют незначительную долю в их пище, а сыр делается роскошью». На самом же деле рабочий не видел ни мяса, ни масла, ни ветчины. Ему нехватало даже овсяной трухи!

Промышленный переворот, война с революционной и наполеоновской Францией против воли большинства английского народа — все это на первых порах ведет к обострению экономического кризиса Англии и к серьезному потрясению всего народного хозяйства. Хлебные цены спекулятивно вздуваются. И по всей Англии прокатывается грозная волна стихийных голодных бунтов в городах, местечках и в деревенских поселках.

Требования установления минимума заработной платы и снижения цен на продукты первой необходимости становятся боевыми требованиями поднимающегося городского и деревенского пролетариата. Требования подкрепляются стачками и бунтами. В хлебных и картофельных бунтах 1795 г. выдающуюся роль играют женщины — жены, матери и дочери рабочих, сами работницы и батрачки. «Мятежницы», по отзыву властей и очевидцев, отличались чрезвычайной дисциплинированностью и, как общее правило, лавок не громили. Там, где «бунтовщики» становились хозяевами положения, они немедленно устанавливали твердые, справедливые цены на все продукты. «Бунтовщики» обходили спекулянтов, конфисковали продукты и продавали их по твердо установленному максимуму, оставляя выручку собственнику продуктов.

Так, в Эльсбери в 1795 г. многочисленная толпа, преимущественно женщин, захватила всю пшеницу, поступившую на рынок, и принудила фермеров принять цены, ею установленные. Только в Девоншире, около Чудливра, «бунтовщики», главным образом женщины, разрушили две мукомольных фабрики. В Карлайле толпа женщин демонстрировала по улицам, обошла все лавки, конфисковала зерно, сложила его в общественном зале и образовала комитет по установлению продажных цен. В Фордин-Бридж под руководством энергичной молодой Сарры Роджерс (впоследствии приговоренной к каторжным работам) была произведена толпой конфискация масла для продажи по пониженной цене. Вообще «Сарра», т. е. женщина, является героиней тогдашних голодных бунтов.

В Бате женщины захватили судно, груженое пшеничным зерном и мукою, и отказались выпустить его в Бристоль. Несмотря на оглашение «акта о мятеже» (т. е. о восстании), женщины судна не выпустили. зерно и мука были ссыпаны в склады. Солдаты, видимо, отказались подавить восстание. Вообще нужно добавить, что в некоторых местах солдаты решительно отказывались от подавления восстаний и даже помогали «бунтовщикам» в конфискации у спекулянтов продовольствия и в фиксации твердых цен. То же подчас делала и милиция. В Сифорде солдаты сами захватили и продали мясо и муку. В Гильдфорде они были лидерами движения за понижение цен на мясо до 4 пенсов за фунт и в связи с этим были высланы как неблагонадежные из города. Армия состояла из сыновей разорившихся, экспроприруемых крестьян и детей голодных тка-

чей и рудокопов. Характерной особенностью восстаний и бунтов 1795—1797 гг. является тесный блок сельскохозяйственного пролетариата и деревенской бедноты с городскими рабочими и мелкой буржуазией, остро страдавшими от высоких хлебных цен и низкого минимума заработной платы. В тревожные и бурные годы голодных бунтов (1795—1797 гг.), основательно перепугавших милордов и капиталистов, почти по всей Англии стихийно возникли лиги потребителей, являясь руководящими центрами бунтовщиков.

Кроме вышеупомянутых районов голодных бунтов в газетной хронике того времени упоминается о серьезных беспорядках в Вильтшоре, Суффольке и Норфольке. В Деддингтоне население захватило баржу с мукой и вернуло ее лишь после обещания мельника продавать муку по пониженной цене. Палата лордов и Палата общин продолжали изыскивать кулинарные рецепты против голодных бунтов. Они мудро решили, что «овса было бы достаточно для бедных, если бы не позволяли овса лошадям, за исключением почтовых и может быть кавалерийских».

Действительно, «лошадиная пища» играла первостепенную и важнейшую роль в бюджете бедноты. Так, в Кемберланде рабочий с женой и семьей в 5 чел. тратил 7 фун. ст. 8 шил. в год. Ткач в Кендале с 8 членами семейства тратил в год 12 фун. ст. 9 шил. на овсяную муку. Рабочий в Шротшире с 4 членами семейства тратил в год 10 фун. ст. 8 шил. на мешанный хлеб из пшеницы с рожью. Сельскохозяйственный рабочий в Ветералле, Кемберланде с семьей в 5 чел. тратил в год 7 фун. ст. 6 шил. 9 пенсов на крупы.

В Хойгэме произошел митинг рабочих в пользу минимума заработной платы. Массовые волнения, восстания и бунты заставляют английский парламент приступить к обсуждению билля о минимуме зарплаты. При повторном чтении билля он был похоронен. Вместо билля — усиление политики нажима, прикрепление бедных к приходам и дальнейшее насаждение ненавистных «рабочих домов». Закон запрещал свободу передвижения рабочих и поиски работы, прикрепляя его к определенной местности и принуждая этим работать по любой цене, диктуемой лендлордами и фабрикантами. Так вводилось фабричное рабство в первые десятилетия промышленного переворота.

В целях создания кадра еще более зависимых рабочих и понижения заработной платы среди буржуазных политиков и фабрикантов возникает так называемое «аллотменское движение» по каделению бедных карликовыми огородническими участками в 1—2 акра и «коровкой». Все же голодные бунты 1795 г. привели к некоторому повышению заработной платы не посредством парламентского вмешательства, а в процессе революционного нажима рабочих на самих хозяев.

В Спингамланде рабочие добились минимума заработной платы. Рабочие с.-х. округов добиваются распространения и на них этого договора. Но в руках мировых судей — местных лендлордов — Спингамландское соглашение превращается в фиксацию голодного минимума и еще более низкой заработной платы. В результате наполеоновских войн и холерного лета были взвинчены цены на все продукты. 1811—1813—1816—1817 и 1819 годы — годы новых бунтов и восстаний, усилившихся так называемым луддитским движением. В луддитском движении чувствуется сильная организация, военная дисциплина. «Луддиты» повсеместно борются за повышение зарплаты и потихонечку кое-где вооружаются пиками. Там, где требования о повышении зарплаты не удовлетворяются, разрушают станки, машины. Так было у рудокопов на Тайне и Вире, у ткачей Ланкашира, Нонтингамшира. Но разрушение машин вовсе не являлось самоцелью, что вынуждены признать и буржуазные историки Кэшингам и Манту. Это был отчаянный протест умирающих от голода ра-

зорившихся ручных ткачей и прикованных к капиталистической фабрике несчастных обитателей мрачных «рабочих домов». В Бристоле в 1811—1812 гг. бунтующие рабочие пытались разрушить тюрьму. Движение «луддитов» подавляется железом, огнем и мечом: по приговору полевых судов казнены сотни рабочих, в том числе и подростки. Тысячи уходят в пожизненную каторгу в Австралию и Новую Зеландию.

В 1816 г. в мае в Норфолке, Суффольке, Ретингтоне, Кембридже вспыхивает новое восстание сельскохозяйственных батраков. После ночных митингов с военным парадом мятежников красный петух и угрожающие подметные письма, т. е. прокламации восставших, были широко распространены по усадьбам лендлордов и лавкам продуктоотроговцев. В Нори, Бэри и Суффольке произошла стычка восставшей толпы с кавалерией, драгунами и полицией. Часть «мятежников» была захвачена в плен и брошена в тюрьму. «Бунтовщики» собирались большими отрядами от 500 до 1.500 человек и больше.

Среди бунтующих в качестве верховодов действовали бывшие демобилизованные безработные солдаты, сами бывшие ткачи и рудокопы, становясь организующим цементом повстанцев. В Дунгэме после подавления восстания мировые судьи все же были вынуждены гарантировать прожиточный минимум заработной платы и освободить арестованных «преступников» и «государственных изменников» — рабочих. Самыми

серьезным сражением была битва повстанцев с правительственными войсками в Литльпорте на острове Или, когда, по выражению Гаммонда, «старый босвой дух людей болот (1634—1654 гг. — Г. Б.), казалось, возродился в мятежниках».

Восстание началось с изгнания из собственного дома церковного магистрата В. Эчеля, после чего повстанцы атаковали зажиточных, т. е. торговцев, конфискуя деньги; после этого повстанцы двинулись в Или, где провели такую же программу. Мятеж кончился поражением бунтовщиков в битве под Литльпортом, где 2 повстанца было убито и 72 взято в плен. Через месяц суд специальной (т. е. полевой) комиссии приговорил 5 чел. к повешению и 9 чел. к пожизненной и пятнадцатилетней каторге, других — к тюрьме. Главный судья Кристиен в своем разуме цинично заявил, что «бунтовщики получали большую плату, и всякое изменение цены на продовольствие могло бы только уменьшить те излишки, которые они слишком часто растрачивают в пьянстве». Так классовое правосудие лендлордов и капиталистов резюмировало итоги поражения массового революционного народного движения в 1816 г.

Восстания 1792—1830 гг. были подавлены твердой и кровавой рукой восторжествовавшей реакции благодаря устойчивому положению Англии как монополистки на мировом рынке, сумевшей при помощи царской России и королевской Пруссии приостановить развитие влияния Великой французской революции на Великобританию и покончить с империей Наполеона Бонапарта. Но на этих великих дрожжах массового революционного движения 1792—1832 гг. вырос и развился чартизм. Массовое революционное движение оказало свое влияние и на армию и в особенности на флот. Наемный матрос или солдат—вчерашний ирландский батрак, или шотландский рудокоп, или английский ткач, продавший себя на службу его величеству, чтобы спастись от безработицы, понав в форменное рабство к клучке офицеров, продажных и развратных младших сынков лордов, получая грошовое жалованье, задерживаемое месяцами офицерами-растратчиками, скверно питающийся, еще не успевший обзавестись от только что вводимой казарменной атмосферы, но живший в атмосфере возмутительного мордобоя, плеточной и палочной дисциплины и военно-полевых судов, такой солдат и матрос, мать, отец, братья и сестры которого пухли от голода на фабрике или на арендуемом клочке земли, был легко восприимчив к революционной пропаганде.

Милиция и волонтеры из фермеров и из мелкой городской буржуазии, страдавшей от гнета крупной буржуазии и лендлордов, также бывали не особенно надежной опорой короля и парламента. В особенности тяжелое и безотрадное положение было в наемном военном флоте. Благодаря войнам с Францией флот годами не видал родных берегов, по полтора года не получал жалованья и жил в условиях особо сурового и каторжного военно-морского устава. Наказание «канжой» и повешение на рее за малейшее непослушание самодурам морским офицерам, подчас покупавшим себе службу во флоте, вот что получал матрос. Недаром во время грандиозного восстания трех флотов Англии в 1797 г. матросы в своих прокламациях жаловались, что с ними «обращаются хуже, чем с собаками на улицах Лондона». Материальное бесправие солдат и моряков усугублялось их полным политическим бесправием. Они не имели права жаловаться на извергов начальников помимо их самих же. Окончание наполеоновских войн сразу выбросило на рынок труда десятки тысяч рассчитанных солдат и матросов.

Неудивительно, что в восстаниях 1792—1832 гг. бывшие солдаты и матросы играли видную роль, становясь вождями повстанцев. В период 1789—1795 гг. и Ирландского восстания английское правительство поняло необходимость в целях благонадежности держать армию и флот изолированно от народа—в казармах, а не разбросанно по стране в качестве воин-

ских постоев по квартирам рабочих и крестьян. Полковник де-Ланси в 1792 г. после инспекции армии рапортует, что «опасной мерой является содержание войска в фабричных городах в их настоящем расплывленном виде, а не в казармах».

Рапорт наблюдательного полковника содействовал быстрому насаждению специальных военных казарм в фабричных округах. Полковник Вайт, командир восточных графств, не смел сделать город Норвич своей главной штаб-квартирой в 1792 г. благодаря революционному движению, руководимой норвичской организацией демократической партии — «Корреспондентскими обществами».

Еще в 1789 г. герцог Ричмонд, активный участник борьбы за парламентскую реформу, находился в переписке с лейтенантом-полковником Шарманом, «председателем Комитета корреспонденции, назначенного от 45-го корпуса волонтеров, собравшихся в Лэсборне, Ирландия». Влиятельные английские Корреспондентские общества и Общества объединенных ирландцев оказывало на флот и армию свое политическое воздействие. Упомянутый полковник де-Ланси предлагал перевести из Манчестера шотландских драгун и «серых» (grays), так как они посещали пресвитерианскую капеллу, в которой велась членами Корреспондентских обществ мятежническая агитация.

Члены Корреспондентских обществ в своих прокламациях к армии и флоту ставили им в пример революционную якобинскую армию и призывали «не гасить факел свободы человечества, зажегшийся по ту сторону Ламанша», т. е. призывали армию отказаться от интервенционистской и контрреволюционной войны против якобинской Франции. Плимутский корреспондент министерства внутренних дел сообщает в 1795 г., что солдаты уступили свои продукты «бунтовщикам».

Милиция восставала вместе с народом. В апреле 1795 г. в Суссексе милиция захватила и продала муку по пониженной цене. В Сиффорде совместно с народом взбунтовалась и милиция. Порядок был «восстановлен» полком солдат из Ланкашира. Сержант полка был убит восставшими милиционерами. Военно-полевой суд расстрелял двух милиционеров, троим дали по триста ударов плетью и двоим по постановлению судебной сессии повесили за «кражу», т. е. конфискацию муки. В Честере милиция освобождает из тюрьмы рабочих, посаженных за продовольственный бунт. Сер Джон Картер из Портсмута сообщает, что милиционеры из 1-го лондонского полка принудили мясоторговцев снизить цены на мясо. Еще в 1793 г. корреспондент министерства внутренних дел просит как можно скорее убрать из Портсмута и Дергэма милицию ввиду ее явной неблагонадежности. Зверский палочко-плеточный режим в армии и флоте возмущает широкие общественные прогрессивные и радикальные круги в Англии.

В 1793 г. вспыхивает восстание на одном из линейных кораблей из-за жестокого обращения офицеров с матросами. Несколько восставших бегают на реях этого же корабля. В мае 1797 г. в Слитхэде разрастается восстание 20 линейных многопушечных кораблей, фрегатов, корветов и т. п. Флот поднимает красный флаг на всех судах, смещает всех жестоких офицеров и командиров. Флот предъявляет требование к королю и парламенту о немедленной выплате жалованья, удалении жестоких офицеров и амнистии восставшим.

Восстание флота в Слитхэде было столь внезапно, что принудило правительство пойти на уступки. Требования восставших были удовлетворены. Но в день соглашения между восставшим Слитхэдским флотом и правительством вспыхнуло восстание двух других флотов — в Норе и Ярмуте, причем флот в Ярмуте пошел на соединение с восставшим флотом в Норе. В восстании Северного флота в Норе участвовало не менее 70 линейных многопушечных кораблей. Флот поднял красный флаг, сменил

старый командный состав, избрал судовые комитеты и центральный комитет флотских делегатов. Цехи делегатов назначили своих красных капитанов и адмиралов из матросов. Ричард Паркер, красный адмирал, и Грегори, красный капитан, бывшие простые матросы, стали душой восстания Северного флота. К ним пришел под красными флагами еще флот адмирала Дуэкана. Часть флота на Темзе присоединилась к восставшим. Английское правительство было вынуждено просить интервенции русского генерала Макарова, крейсировавшего в Ламанше против французов. Восставшие пытались блокировать устья Темзы при входе в Лондон.

Не поддержанные берегом, где реакция уже восторжествовала, отрезанные от рабочих центров, восставшие были обречены на саморазложение. В первых числах июля 1797 г. после отдельных боевых стычек корабли начали постепенно сдаваться.

Ричард Паркер, Грегори и 40 матросов были повешены, сотни брошены в плавучие тюрьмы и сосланы на каторгу. Восстание фактически руководилось Корреспондентскими обществами. Восстания во флоте продолжались до 1807 г. Восставал флот в Средиземном море, флот Индийского океана, было восстание одного корабля в Северной Америке. Таким образом все виды оружия принимали участие в бурном революционно-демократическом движении в 1792—1797 гг.

Беспорядки в армии затянулись до 1816 г. В 1800 г. в Оксфордшире «блюсы» (синие), т. е. военные моряки, получили благодарность от рабочего народа за их симпатии к мятежникам в Ноттингеме. Мэйланд сообщает, что в 1812 г. были сделаны серьезные попытки взбунтовать его войска в Йоркшире. В 1816 г., в харчевне в Раули один солдат зачитывает письмо своего многосемейного голодающего и безработного отца, который советовал своему сыну: «Употребляй ружье в дело в случае какого-либо бунта в этой стране не для того, чтобы причинить вред кому-нибудь, но если принудят стрелять, то иди стреляй через их головы (т. е. бунтовщиков) или застрели тигра, отлающего такой приказ, и убеждай всех своих товарищей делать то же». Так революционный народ боролся за влияние на армию.

Судебные политические процессы «луддитов» и «свингов» 1810—1831 гг. пестрят процессами о революционной агитации в армии. В 1808 г. восстает милиция в Или, ее подавляет эскадрон наемных германских кавалеристов. Вильям Коббет в «Политиколь реджистре» бичует правительство за усмирение мятежа. В июне 1810 г. Коббет получает за эту статью 2 года тюрьмы, 3.000 ф. ст. штрафа и обеспечение двух поручителей на 7 лет по 2.000 ф. ст. с каждого. Разоренный Коббет уходит в тюрьму. 22 февраля в органе революционного демократа Ричарда Карлейль появляется пламенная, гневно протестующая статья «Тысячу ударов». Капрал Куртис приговаривается судом к тысяче ударов за пустяковый проступок, когда редко кто выдерживал и 500 ударов.

Под влиянием статьи и возбужденного ею общественного мнения наказание капралу было значительно смягчено. В 1812 г. Парсон Гей из Манчестера просит для усмирения прислать милицию, но только из Восточной Англии. На другую он не надеется. В 1812 г. была надежной только одна кэмберлендская милиция, и все же во время подавления луддитского мятежа один милиционер отказался стрелять в рабочих, напавших на фабрику Каррайта. Корреспондент министерства внутренних дел спешит сообщить, что «чудовище заключено под стражу». В Чзкфильде милиция находится в тесной связи с «инсургентами»-«луддитами». В Чeshire и в ряде других мест власти не решались прибегать к помощи милиции для подавления народного восстания. Сообщая в 1816 г. в министерство внутренних дел о стачке моряков торгового флота, Марк Сайкс прибавляет, что «на местную милицию не должно полагаться», но можно призвать отряд кавалерии (йоменри) из Гельдернессе «без препятствий», и это «будет стоить больше, чем все полки местной милиции во всем Гайдн».

ге». В 1817 г. лорд Энтельси, сообщая министерству внутренних дел, что милиция была бесполезной, замечает: «Конечно это действует очень возбуждающе на чувства некоторых людей, призванных к нападению на их же родственников».

Правительство было вынуждено распустить корпус волонтеров, так как из большинства городов на севере Англии—Шеффильда, Манчестера, Болтона, Бери Стаффорда, Бирмингэма—власти сообщают об отказе волонтеров выступать против «бунтовщиков» и даже действуют с ними заодно, как в случае, подобном продовольственному бунту, или во время массовой стачки.

Такова история «восьмидесятилетней социальной гражданской войны в Англии», о которой писали К. Маркс и Ф. Энгельс и которую Энгельс наблюдал в Англии, будучи свидетелем форменного боя рабочих с войсками на улицах Манчестера. Ясно, что чартизму предшествовала огромная полоса революционного движения, подготовившая чартизм. Именно про эту эпоху говорил К. Маркс в своей речи на годовщине чартистской «Народной газеты» в 1849 году: «Я знаю героическую борьбу английских рабочих, начатую еще в середине прошлого столетия, борьбу, не окруженную нигомб славы, ибо буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали».

Именно на фоне этой героической борьбы, упорно замалчивавшейся буржуазными историками, выросла и играла решающую и руководящую роль в 1792—1816 гг. демократическая партия рабочих масс—Корреспондентские общества,—кратким изложением истории которой мы закончим нашу статью об английском пролетариате во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в.

**КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ ОБЩЕСТВА—ОРГАНИЗАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ АНГЛИИ В ЭПОХУ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА**

Массовое революционно-демократическое движение в конце XVIII столетия в Англии развивалось под влиянием провозглашения независимости САСШ, Ирландского восстания и революционных тайных обществ Ирландии и Шотландии. На размах политического движения и перевод его на рельсы революционно-демократического массового движения

оказала влияние в особенности Великая французская революция, главным образом якобинский период этой революции. Политика удушения Ирландии привела Англию к фактической войне с революционной ирландской повстанческой армией. Искровый продажный парламент с его каторжным социальным законодательством естественно должен был стать тем фокусом, в котором концентрировались весь гнев и вся ненависть тогдашнего рабочего класса, разорявшейся мелкой буржуазии, сельскохозяйственных батраков и деревенской бедноты. «Аристократия золота», слившись с «аристократией земли» (К. Маркс, «Капитал», т. II, гл. 24), своей своекорыстной социально-экономической политикой объективно, невольно усиливала революционное недовольство.

Шедшие в одной шеренге с торями времен «славной» революции 1688 г. виги под влиянием все нарастающего экономического и политического кризиса начинают «розоветь». Среди них возникает новая оппозиция, пытающаяся очень осторожно и очень трусливо захватить революционное движение в свои руки и «возглавить» нарастающую демократическую революцию народных масс для того, чтобы в нужный момент ее «обезглавить». Чувствуя приближение революционных бурь и социальных потрясений, либеральная буржуазия хочет открыть «клапан», через который постепенно испарилась бы пара революции.

Таким клапаном, дезориентирующим революционные массы, обманывающим народ, была без сомнения мышиная возня «новых» вигов за реформу парламента. Новые виги объективно выполнили социальный заказ своего класса: отвести революционное движение лезущих масс от острого, коренного вопроса всякой революции—борьбы за политическую власть—методами уличной борьбы вооруженного восставшего народа. Еще революция 1648 г. и провозглашение независимости САСШ достаточно показали английской буржуазии, куда может и должно расти непосредственное революционно-демократическое движение самих народных масс.

Великая французская революция с ее плебейским методом ликвидации феодализма окончательно отбросила не только английскую буржуазию в целом, но и все «левое» крыло как старых, так и новых вигов в сторону реакции. Якобинская революция 1792—1793 гг. во Франции превратила английских «розовых» либералов в черных и махровых реакционеров типа Эдмунда Барка и Артура Юнга.

Британские жирондисты («Общество конституции и друзей народа») декларировали в 1792 г., что их общество образовалось «не с целью распространения революционных доктрин, а в интересах поддержки конституционных реформ и изменений, необходимых для удаления признанных аномалий и недостатков наших учреждений, реформ, достижение которых, по убеждению общества, представит для страны лучшую гарантию, и против намерения лиц, стремящихся к испровержению самих учреждений» (Джефсон, «Платформа», ч. I-я, стр. 202). Они были резкими противниками республиканизма Томаса Пэна и радикализма майора Джона Картрайта (родственника изобретателя и фабриканта), выпустившего свой план реформы 1771 г. под видом «Манифеста всеобщего конвента промышленных классов» и объявлявшего английское правительство «правительством деспотизма, а миллионы ее (т. е. Англии) производственных классов — рабами».

Майор Джон Картрайт был предвестником нарастающего революционно-демократического движения «миллионов производственных классов». Он считал, что «умеренность в принципах есть преступление». Британские жирондисты в мае 1792 г. в декларации своих принципов открыто писали: «Мы заявляем, что не разделяем желания, чтобы великие планы общественного благоустройства, так горячо проповедуемые Пэном, были приведены в исполнение». А в парламентских дебатах лорд Грей от имени конституционалистов произнес речь, не оставляющую ни малейшего сомнения в том, чего хотели эти «розовые» либералы, английские жирондисты.

сты. Лорд Грей заявил: «Не хотим мы и прельщать наших сограждан заманчивыми обещаниями обеспечить за ними «слова народа в полном объеме», этими иллюзиями, которые, раскрывая безграничный простор для всяких политических авантюр, могут только парализовать общественное мнение, которое служит поддержкой для всякого невинного правительства, и породить тот дух новаторства, предвидеть и тем более предотвратить последствия которого не может никакой ум и никакое искусство. Мы желаем реформировать конституцию, потому что мы хотим сохранить ее». Неудивительно, что британские конституционалисты, не хотевшие дать «права народу в их полном объеме», не могли возглавлять революционное движение.

Во главе революционного движения 1792—1832 гг. встала демократическая партия. В статье «О положении XVIII века» в «Форватсе» от 31 августа 1844 г. Ф. Энгельс писал: «Одновременно с промышленной революцией возникла демократическая партия. В 1769 г. Дж. Горн Тукк основал «Society the Bill of Rights», в котором впервые со времен республики опять дискутировались демократические принципы. Как во Франции, все демократы были философски образованные люди, но скоро они увидели, что высшие и средние классы относятся к ним враждебно и только рабочий класс прислушивается к их принципам. Скоро они образовали в этой среде партию, и эта партия была уже в 1794 г. довольно сильна, хотя еще не настолько сильна, чтобы действовать методически. С 1797 г. до 1816 г. о ней не говорили; в бурные годы с 1816 г. до 1823 г. она была опять очень деятельна, но потом вновь впала в бездействие до июльской революции. С того времени она сохранила свое значение рядом со старыми партиями и правильно прогрессирует, как мы это увидим позже» (Карл Маркс и Фридрих Энгельс, стр. 365). И далее, там же: «Результат всего движения был тот, что Англия теперь распалась на три партии: на земельную аристократию, денежную аристократию и рабочую демократию. Это единственные партии в Англии, единственные пружины, которые здесь действуют». И в другой статье — «Положение Англии — Английская конституция» — Ф. Энгельс пишет: «Борьба среднего класса против аристократии в Англии есть борьба бедных против богатых. Демократия, к которой приближается Англия, есть социальная демократия» (т. II, стр. 390).

Ясно, что борьбу бедных против богатых мог возглавить и возглавил только рабочий класс. Демократическая идеология Томаса Пэна требовала организации республиканского правительства, которое должно быть «не чем иным, как национальной ассоциацией, действующей на принципах общества, и что это будет наилучшим обеспечивающим человеку его права и проводящее большое количество благополучия с наименьшими издержками» (Т. Пэн. «Права человека. Адрес и декларация»). Томас Пэн требовал национализации земли, создания специального национального фонда по социальному страхованию от старости и от безработицы.

Такая широко демократическая и сугубо радикальная программа естественно должна была стать и стала основной программой Корреспондентских обществ. Она тщательно изучалась на их заседаниях. Такая программа естественно должна была отбросить в сторону контрреволюции всех сиятельных либеральных оппозиционеров, для которых национализация земли и объявление ее «собственностью всей человеческой расы» и социальное обеспечение безработных и рабочей бедноты были абсолютно неприемлемы, поскольку они стояли за «улучшение в столь прекрасной форме правления», а не за уничтожение основ этого правления. Программа Пэна была программой демократической революции.

Представителем аграрного социализма в тогдашнем рабочем движении 1792—1832 гг. был утопический революционный коммунист Томас Спенс. 25 января 1792 г. в Лондоне состоялось первое учредительное и организационное заседание «Демократической партии XVIII столетия» — Корреспондентских обществ, вождем и организатором которых был не Генри Тукк, как это вначале казалось Энгельсу, а рабочий-ремесленник Томас Гарди. Общество выпустило первый адрес и резолюции 2 апреля 1792 г. Джефсон в своей «Платформе» признает, что образование Лондонского корреспондентского общества «является признаком первого политического движения промышленного населения Англии, которому в позднейшие годы довелось играть такую громадную роль как в политической, так и в промышленной жизни наций» (Джефсон, «Платформа», ч. 1-я, стр. 199—200).

Общество имело устав, членские взносы и членские книжки, свой генеральный комитет. Партия насчитывала до 80 тыс. членов во всех промышленных городах Англии, Шотландии и окружающих деревнях. На первом съезде (конвенте) всех революционных организаций Эдинбурга в Шотландии в декабре 1792 г., созданном по инициативе Лондонского корреспондентского общества и его вождя Томаса Гарди, было представлено 140 делегатов от 80 обществ, из которых подавляющее большинство принадлежало Корреспондентскому обществу. В 1795 г. Корреспондентские общества имели 70 отделов. Эдмунд Барк считал, что в Англии — 400 тыс. радикалов и из них 80 тыс. якобинцев, т. е. членов демократической партии — Корреспондентских обществ. Виднейший лидер Корреспондентского общества Маргарот в Шеффилде говорил о 50 тыс. членов Корреспондентских обществ.

Корреспондентские общества руководились лозунгом Томаса Гарди: «Если парламент не выражает воли народа, то наш долг не философствовать, а действовать». Общество провело интенсивную кампанию по всему королевству за «парламентскую реформу», в защиту якобинской Франции, собирало деньги в пользу революционной армии якобинцев и открыто и решительно стояло на пораженческих позициях по отношению к правительству Вильяма Питта, ведшего войну с революционной Францией. Общество даже проводило мобилизацию волонтеров в якобинскую армию. Общество имело в Лондоне свою высшую партийную школу, где читал свои замечательные лекции Тельволл. Относительно классовой природы тогдашнего общества у Корреспондентского общества не было ни малейших сомнений.

Тельволл писал: «Самый ценный из всех видов собственности — это пот с лица бедняков. Он-то и представляет собой собственность, являющуюся источником всякой другой собственности, и без нее великие мира сего умерли бы с голоду среди своих сокровищ. Неужели же обладателям этой неоценимой собственности надо отказать в праве на парламентское представительство на том основании, что им будто бы нечего защищать? Неужели те, которые производят все необходимое для нашего существования, ничего не должны значить на весах человечества только потому, что они производят и что они проливают кровь? Нет, фундамент государственной жизни составляет человек, а не собственность». Далее Тельволл в одной из своих лекций рабочим членам Корреспондентских обществ развивает мысль о силе концентрированного пролетариата. «Подобно всем болезням, не безусловно смертным, страшное скопление богатств в немногих руках скрывает в себе самом средства к исцелению. Все, что собирает людей на тесном пространстве, хотя бы оно создавало известные тяготы, благоприятствует однако распространению знаний и в конце концов также успехам человеческой свободы. Поэтому каждая крупная мастерская, каждая фабрика есть своего рода политический союз, которого никакой закон

не может заставить замолчать и ни один судья не может раскусить» (цитирую по Макеу Бер, «История социализма в Англии», часть I-я, стр. 88).

Корреспондентские общества ведут борьбу за влияние на армию и флот. В вышеупомянутом восстании трех флотов 1797 г. члены общества играют решающую и руководящую роль. Во всех «голодных бунтах» во главе подчас стоят члены Корреспондентских обществ. Даже «луддисты» угрожают именем Корреспондентских обществ. Среди членов общества много крайне левых элементов — спенсманцев, сторонников решительной революции. В 1797 г. за антимилитаристскую прокламацию — призыв к армии «объединиться с угнетенными против угнетателей и ускорить шествие свободы» — идет на эшафот член Корреспондентского общества Фуллер. Массы готовились к перевороту, ковали пики, устраивали ночные военные упражнения. В квартире Томаса Спенса в Лондоне члены общества занимались военными упражнениями.

Во всей стране общество проводило монстр-митинги. Так, 26 октября 1795 г. в Лондоне около Ислингтона монстр-митинг собрал 150 тыс. человек. Митинг принял воззвание Корреспондентских обществ с требованием реформы парламента и введения годовых парламентов на основе всеобщего прямого и равного голосования. В воззвании Корреспондентское общество заявляло: «но мы не можем ни отвечать за то, что может быть вызвано всеограшающей силой необходимости, ни удержать порыв оскорбленных чувств. Если когда-либо британский народ громко потребует сильных и решительных мер, то мы смело ответим: мы обладаем только жизнью и готовы как каждый из нас отдельно, так и все вместе отдать эту жизнь ради спасения нашей страны».

В ноябре 1792 г. собирается конвент Шотландских революционных обществ в Эдинбурге. Конвент разгоняется правительством на основе шотландских законов. Вождь его Томас Мюр, член Корреспондентских обществ Шотландии, осуждается на 14 лет, а Пальмер — на 7 лет каторги в Австралии. Обращаясь к подсудимому Томасу Мюру, мужественно державшемуся на суде, лорд судья в своем резюме сказал: «В последнюю эпоху по стране носился дух мятежа. И несмотря на это, подсудимый осмелился держать речь перед толпою невежественных ткачей по поводу их обид, речь, которая могла привести к самым тяжким нарушениям порядка и спокойствия и к опасности для нашей славной конституции. Ведь мистеру Мюру следовало бы знать, что на подобного рода чернь нельзя обращать внимания. Какое право имеют эти люди на парламентское представительство? Подсудимому хорошо известно, что парламент не обращает внимания на их петиции» (Джефсон, «Платформа», ч. I-я, стр. 222). Более откровенного классового суда, чем суд над Мюром за его участие в конвенте и за выступление на массовом рабочем митинге в Кирквинтиллоде, Думбартоншире, Шотландии, нельзя и придумать.

Правительство хорошо понимало, чьи классовые интересы представлял конвент Корреспондентских обществ. Разгон первого конвента и ссылка Мюра и Пальмера не остановили мобилизации революционных демократических сил. В октябре—ноябре 1793 г. вновь открывается конвент Шотландских революционных обществ. В конце ноября прибывают делегаты из Англии и Ирландии, и в декабре 1793 г. конвент объявляет себя конвентом трех наций, явно противопоставляя себя парламенту, считая себя более правомочным, чем продажный парламент. Вождями конвента были соратники Томаса Гарди — члены Корреспондентских обществ Джеральд, Скирвинг, Маурис Маргарот.

Под их влиянием конвент объявляет себя перманентным, выбирает комитет Юниона наций и секретный комитет по организации созыва конвента в случае его разгона. Правительство неоднократно отменяет Хабеас Корпус-акт и вводит осадное положение во всей Великобритании. 10—12 декабря 1793 г. конвент разгоняется. Маурис Маргарот, Джеральд и

Скирвинг идет вслед за Муром и Пальмером на 14-летнюю каторгу в Австралию. Прокатывается волна митингов-протестов по всей Великобритании против разгона конвента и осуждения его вождей на каторгу. На митинге количество присутствующих доходило от 30 до 150 тыс. человек, почти исключительно рабочих ткачей, рудокопов и рабочих металлической промышленности (Манчестер, Лидс, Шеффилд, Бирмингем, Ньюкестель, Лондон и другие).

На грандиозном митинге 14 июля 1794 г. в Чалькфарме, около Лондона, под председательством рабочего-парикмахера Дж. Ловета были почти сплошь рабочие. В Лидсе, Уэкфильде, Брайдфорде, Галифаксе и Шеффилде митинги состояли исключительно из фабричных рабочих. Оратор шеффилдского митинга 4 апреля 1794 г. — видный лидер организации Корреспондентских обществ рабочих Генри Йорк — был осужден за свою речь и брошен в тюрьму. По его предложению рабочие Шеффилда постановили: «требовать всеобщего представительства как права, а не просить его как милости. Поэтому мы не будем более подавать об этом петицию Палате общин». Томас Гарди и Лондонский генеральный комитет Корреспондентских обществ энергично ведут пропаганду за созыв конвента в Англии. 12 мая 1794 г. издается королевский приказ о роспуске всех обществ. Членам Корреспондентских обществ приходится уйти в подполье. Начался разгром обществ. Английские суды используются членами Корреспондентских обществ как трибуна для революционной пропаганды. Вокруг английских судов толпятся огромные массы рабочего народа, следя за процессами и ожидая приговора над арестованными лидерами Корреспондентских обществ.

Если не все вожди Корреспондентских обществ сознавали политическое значение конвента Трех наций, разогнанного в декабре 1793 г. в Эдинбурге, то государственный солиситор очень хорошо это понимал, когда в своей обвинительной речи 6 января 1794 г. против Скирвинга, одного из вождей конвента и соратника Томаса Гарди, сказал: «Само название «Британский конвент» заключает в себе идею мятежа; это есть присвоение себе названия, которое имеют право носить только члены установленного правительства. И во имя каких целей соединился этот Британский конвент? Во имя введения всеобщей подачи голосов, другими словами — с целью ниспровержения правительства Великобритании».

Через неделю после осуждения на 14-летнюю каторгу Скирвинга судился Маурис Маргарот, столь яростно отстаивавший на заседаниях конвента идею его полной правомочности как политического представительства «индустриальных классов — большинства народа».

Лорд судья Суигон в резюме по делу Мауриса Маргарота заявил: «Они (т. е. члены конвента) имели в виду преобразование конституции, а я скажу, милорды, что в этом нет нужды, наша конституция сама себя преобразует». Маргарот также по законам Шотландии получает 14 лет каторги. 3 марта 1794 г. судили Джозефа Джеральда. Государственный солиситор в своей обвинительной речи против Джеральда сказал: «Закон, говорю я, с самого нашего рождения обязывает нас быть верными нашей конституции, и никакие группы людей не вправе пускаться в рассуждения, основываясь только на том, что в рассуждениях нет вреда. Я утверждаю, что подданные Великобритании, рожденные в верности конституции, не имеют права на такие рассуждения».

Но в коренной Англии не так легко можно было сослать на каторгу за рассуждения о конституции, как в Шотландии. Там «Вильям Пит-Война» отменил «Хабеас Корпус-акт» и возбудил судебное преследование против вождей Лондонского генерального комитета Корреспондентских обществ — Томаса Гарди, Тука, Тельсона и других. В обвинительном акте Томасу Гарди инкриминировалась измена королю, парламенту и государству. По словам акта, Томас Гарди, «не имея страха божия, но дви-

жимый и побуждаемый дьявольскими внушениями, как изменник, намеревался возбудить и поднять мятеж и восстание против нашего государя-короля и испровергнуть и изменить законодательную власть и правительство, в настоящее время и должным образом и к общему благу установленное, низложить короля и лишить жизни и т. д.». Но Англия — не Шотландия. Реакции не удалось послать на каторгу никого из вождей Лондонского корреспондентского общества. После блестящей речи Томас Гарди был оправдан. Вместе с ним оправданы были Гори Тук и Тельволл.

Правительство переменяло тактику: вместо нелепого и бессмысленного обвинения в государственной измене в пользу революционной Франции оно стало предъявлять обвинение в возмущении. Государственный секретарь лорд Гренвиль заявил о Корреспондентском обществе в Палате лордов при обсуждении закона об отмене конституционных гарантий: «Целью руководителей этого движения была не парламентская реформа, а гибель нашей монархии, испровержение всех законов порядка, сословий и собственности». По всей стране идут процессы членов Корреспондентских обществ. Несмотря на репрессии, в 1794 г. общество вновь организует массовую митинговую кампанию за годовой парламент. К июню 1795 г. Лондонское корреспондентское общество выпускает новое обширное пламенное воззвание к народу, беря курс на подготовку революции.

В воззвании Лондонское корреспондентское общество пишет: «По прошествии более чем двенадцатимесячного промежутка времени, протекшего среди ужаснейших волнений и тревог, Лондонское корреспондентское общество, верное своим принципам и первоначально поставленным задачам, снова заявляет о себе». Осадное положение не убило общества. «Прошло уже около 4 лет с тех пор, как мы впервые обратили ваше внимание на то, что совершается в стране, и на ее положение. Если уже тогда чувствовалась необходимость объединения, то насколько эта необходимость сделалась еще сильнее в настоящее время! Мы считаем нашим долгом объединиться для того, чтобы сообща заявлять о наших невзгодах теперь же, когда невзгоды удесятирились. Неужели мы будем молчать и откажемся от своих целей? Время ли теперь отказываться от всяких дальнейших действий? Конечно нет!.. Прочь холодные расчеты самосохранения и осторожности! Прочь все полумеры и неуместные страхи!.. Никакая земная сила не может заставить молчать голос оскорбленного народа или приостановить развитие свободной мысли. Вынимайте ваши бичи и орудия пытки, служители места! Выставляйте ваши эшафоты и ваших палачей! Стройте казармы и крепости на каждой улице и на каждом перекрестке! Преследуйте и наказывайте всякого невинного обывателя, — победа все же будет не на вашей стороне. Голос разума, как рев немецкого льва, будет раздаваться даже из каменных пещер. Святая кровь патриотизма, льющаяся из-под карающей секиры, напоит землю и оплодотворит семена свободы, будут гибнуть люди, но истина будет жить вечно».

Так отвечала демократическая партия на режим виселиц и каторги «Вильяма Пига-Войны».

В воззвании от 26 октября 1795 г., принятом на 150-тысячном митинге в Лондоне, Лондонское корреспондентское общество резко ставит вопрос о власти. «Что это за жестокое и ненасытное чудовище, которое терзает и попирает нас? Почему среди кажущегося благосостояния обречены мы умирать голодной смертью? Почему, неустанно трудясь и работая, должны мы гибнуть от всевозможных бедствий и нищеты? Что это за страшный и глубоко проникающий яд, который отравляет все наше домашнее благополучие и разрушает наше общественное благоденствие? Это пролажный Парламент, который, как пенящийся водоворот,

поглощает плоды всех наших трудов и оставляет на нашу долю бедов горечи и разочарования».

Оправдание т. Гарри 5 ноября 1794 г. стало ежегодным праздником рабочих демократов вплоть до 1842 г. В адресе королю Лондонское корреспондентское общество рекомендовало ему «подумать о пропасти, которая лежала между мольбой и отчаянием». И правительство, и король, и парламент очень хорошо понимали, над какой пропастью они стояли, и решили перепрыгнуть ее при помощи объявления своего возлюбленного королевства на осадном положении. Издаются новая королевская прокламация и новый билль против мятежных обществ. И к 1797 г. удается раздавить революционное движение рабочего класса, кульминационным пунктом которого было вышеупомянутое восстание трех флотов Великобритании. В 1813 г. делается попытка заговора со стороны членов Лондонского корреспондентского общества. Полковник Деспарда, руководитель заговора; гибнет на эшафоте. На скамьях подсудимых по делам Корреспондентских обществ преимущественно сидят потомственные и почетные рабочие-ткачи, рудокопы, металлисты и мелкие ремесленники.

Историки Коль, Жорес, Бер, Шлютер, В. Слоссон, Косьминский смазывают классовую природу Корреспондентских обществ, трактуя их как движение преимущественно мелкой буржуазии, и якобы не имевшее большого значения. В своей ранней рецензии на книгу М. Бера «История социализма в Англии» т. Ф. Ротштейн в журнале «Просвещение» № 1 (январь 1914 г.) писал, что из «аграрно-политических взглядов» Томаса Пэна «берет начало то политически-революционное течение среди рабочего класса, которое, начавшись с чрезвычайно интересного «Лондонского корреспондентского общества» (London korresponding Sociely) 1792, 1799 гг., разрослось впоследствии в могучее чартистское движение» (стр. 47).

К сожалению в своих «очерках» т. Ротштейн фактически отошел от этой энгельсовской правильной концепции развития чартизма из Корреспондентских обществ. Напомним характеристику, дававшуюся Ф. Энгельсом Корреспондентским обществам. Вот что писал Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии в 1844 г.»: «Возмущение рабочих против буржуазии началось вслед за развитием промышленности и прошло через различные фазисы» (разрядка моя.—Г. Б.). Одной из таких первоначальных фаз или фазисов и были Корреспондентские общества. Энгельс об этом периоде писал: «Чартизм есть детище демократической партии, развившейся в 80-х годах XVIII столетия одновременно с пролетариатом и внутри его (разрядка Ф. Энгельса). Во время французской революции эта партия усилилась и после заключения мира выступила как партия «радикальная». Главным ее центром были тогда Бирмингем и Манчестер, а раньше Лондон. В союзе с либеральной буржуазией она вырвала у олигархов старого парламента билль о реформе и с тех пор стала все более и более выступать как партия рабочая, действовавшая уже против буржуазии (изд. 1926 г., стр. 246, разрядка моя. — Г. Б.). Мы приводили уже мнение К. Маркса об этом периоде истории героической борьбы английского пролетариата, «не окруженной нимбом славы, ибо буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали». В статье «Французская и английская классовая борьба» в «Новой рейнской газете»¹ от 31 июля 1848 г., издеваясь над Вольферсом из «Кельнской газеты», отрицавшим какой бы то ни было «след» ненависти английского пролетариата к собственной буржуазии, Маркс —

¹ «К. Маркс, Фр. Энгельс в эпоху немецкой революции, статьи 1844 — 1848 гг.», Институт Маркса — Энгельса, стр. 123, 1926 г.

Энгельс пишет: «Вся война рабочих против фабрикантов, которая длится вот уже восемьдесят лет, борьба, которая началась с разрушения машин и через коалиции, через отдельные нападения на личность и собственность фабрикантов и немногих преданных фабрикантам рабочих, через более или менее крупные восстания, через инсurreкции 1839 и 1842 гг., развилась в самую сознательную классовую борьбу, какую только видел свет. Вся эта классовая борьба чартистов, организованной партии пролетариата, против организованной государственной власти буржуазии, борьба, которая, правда, не привела еще к таким страшным, кровавым коллизиям, как июньская битва в Париже, но будет вестись с гораздо большим упорством, гораздо большими массами и на гораздо большем пространстве, — эта социальная гражданская война является конечно для «Кельнской газеты» и для сотрудника ее Вольфера сплошным доказательством любви английского пролетариата к господствующей над ним буржуазии». Вот как К. Маркс и Ф. Энгельс характеризовали историю восьмидесятилетней социальной гражданской войны в «старой веселой Англии».

Вслед за Марксом—Энгельсом и Ленин рассматривал политическое движение 1792—1832 гг. в Англии в основном как движение революционного пролетариата.

В статье «Конституционный кризис в Англии» (т. XVII, изд. 2-е, стр. 311) В. И. Ленин писал об английском рабочем движении: «Пришла к концу монополия Англии... Проснулся снова и снова, после эпохи конца XVIII века (разрядка моя. — Г. Б.), после чартизма 1830 и 1840 гг. английский пролетариат». В своей речи «Третий интернационал и его место в истории» (т. XXIV, стр. 246) В. И. Ленин сказал, что «английское рабочее движение той эпохи (Великой французской революции 1789—1794 гг. — Г. Б.) гениально предвосхищает многое из будущего марксизма».

Такова оценка В. И. Ленина рабочего движения во второй половине XVIII и первой половине XIX века.

Демократическая партия в 1816—1819 гг. организует новые мощные митинги и демонстрации. Генри Хунт, Вильям Коббет и Ричард Карлейль примыкают к движению и становятся ораторами и трибунами этих митингов. 18 августа 1819 г. в Манчестере на Петерлоо происходит кровавая массовая бойня рабочих демонстрантов. В 1842 г. Манчестер вновь становится ареной восстания и боев, свидетелем которых был Ф. Энгельс. В 1819—1832 гг. партия борется в союзе с либеральной буржуазией за реформу парламента. Под ударами революционных бурь 1816—1832 гг. вырывается избирательная реформа 1832 г. Томас Карлейль, Байрон, Бетси Шелли, Эллот, Томас Гуд, Томас Купер испытывают влияние революционного пролетариата, и в их поэзии звучат боевые ноты против тиранов, деспотов и гамширов-богачей.

«Первенцы промышленной революции, английские рабочие, — говорил К. Маркс в 1848 г., — будут и не последними в социальной революции». И не «буржуазным проходимцам» из фабианского лагеря затушевать историю героической борьбы английского пролетариата.

Пора из глубины истории воскресить «неокруженные шумом славы» героические образы членов Британского конвента Трех наций, предшественника чартистского конвента, этого «парламента рабочих». Революционный пролетариат, вынесший своей героической борьбой обвинительный акт капитализму, поднявшийся на высокую ступень сознательной политической борьбы во главе с коммунистической партией, чтит «политических каторжников», организаторов первого конвента рабочего класса в Англии в 1792—1793 гг., славного предшественника чартистского «парламента рабочих», почетным делегатом которого в 1851—1854 гг. был Карл Маркс.

Bor'ba klassov

1933 No. 0002

ВНИМАНИЕ: ЭТОТ ДОКУМЕНТ ЗАЩИЩЕН ЗАКОНОМ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Факт использования Вами настоящего документа означает, что Вы согласны с Условиями подписки на продукты компании East View (см. <http://online.ebiblioteka.ru/titles/terms.jsp>), в которых указывается, что все электронные издания, принадлежащие компании East View, защищены Законом об авторском и смежных правах и не могут быть воспроизведены полностью или частично без письменного разрешения издателя. Систематическое копирование статей в электронном режиме запрещено. Документ может быть использован только в личных целях, не преследующих коммерческой выгоды.

WARNING CONCERNING COPYRIGHT RESTRICTION

Your use of this document indicates your acceptance of East View's Subscription Terms and Conditions (available at <http://online.eastview.com/titles/terms.jsp>), prescribing that all of East View's electronic publications are protected by copyright and may not be systematically redistributed, in whole or in part, without written permission from the publisher. Systematic downloading of articles is prohibited. You may use this document only for your personal, non-commercial use.

<http://online.ebiblioteka.ru>

<http://online.eastview.com>

история рабочего движения в россии

из истории

СТАЧЕК в РОССИИ

Материалы по стачечному движению
рабочих Московской области в 70-х гг.)

П. АНАТОЛЬЕВ

ЗНАЧЕНИЕ И ХАРАКТЕР РА-
БОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В 70-х гг.

Семидесятые годы открывают новый этап в развитии революционного движения в России.

Впервые в истории революционной борьбы все более и более значительную роль начинает играть новый общественный класс — пролетариат.

Рабочее движение 60-х гг. было движением переходного периода, когда русские рабочие только начинали формироваться в класс. Но уже в эту эпоху рабочие видели, что нельзя действовать в одиночку. Они видели также, что их выступления вызывают тревогу и страх правительства. Об этом свидетельствовали воинские команды, посылаемые правительством для умирения забастовщиков. Первые стачки 60-х гг. были подготовительной школой для последующей стачечной борьбы. Именно они подготовили возможность выступления в 70-х гг. со своей программой и тактикой (хотя бы и не в развернутом виде) передовых рабочих в русском революционном движении. Эти же рабочие стачки оказали влияние и на оформление программно-тактических положений разночинной интеллигенции. Нарастающие столкновения рабочих с капиталистами и агентами правительства приводят к попыткам и организации и оформлению как рабочих, так и революционную интеллигенцию.

Вторая половина 70-х гг. знаменуется значительным ростом политического сознания рабочих. Появление рабочих организаций параллельно с землевольцами показывает, что народнический социализм уже не удовлетворяет наиболее передовых русских рабочих. Последние не плетутся в хвосте у народников, не воспринимают их программу, а пытаются своими силами с помощью одиночек-интеллигентов строить самостоятельную рабочую организацию — Южно-русский союз рабочих в 1873 — 1875 гг. и Северный союз русских рабочих в

1877—1878 гг. Именно на эти годы падает и наибольший подъем стачечного движения 70-х гг.

Движение рабочих в 70-х гг. носило в большинстве еще стихийный характер. Существовавшие тогда социалистические народнические организации не могли помочь пролетариату выйти на самостоятельный путь.

Русский пролетариат, оформляясь, шел к учению социализма, пробиваясь через народнические теоретические пути. Но вехами рабочего движения были не народнические программы шатания, не то русло, куда устремилась бы рабочая стачка и впоследствии — рабочая партия, создававшаяся на базе движения рабочего класса и получившая отклик у передовой интеллигенции. Для народников не существовало класса рабочих — для них все трудящиеся были работниками. В это понятие включались все занимавшиеся физическим и умственным трудом как крестьяне и рабочие, так и интеллигенция. Восхваляя бунты в своих программах и проповедуя анархистский лозунг федерации свободных общин, народники повсюду выдвигали на первый план вопрос аграрный. «Вопрос же фабричный — писали они, — мы оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрики необходимой, а потому, что история поставила в Западной Европе вопрос фабричный, у нас же его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным»¹.

Организирующего воздействия на рабочее движение социалисты с программами такого типа иметь не могли. Народники, в том числе и чайковцы, еще с 1872 г. вели значительную культурно-просветительскую работу среди петербургских рабочих. Идея «кооперативного социализма», производственных ассоциаций, артелей, идеи Ласалля, передача экономического учения Маркса и рассказ о жизни западных пролетариев — все это составляло предмет обсуждений отдельных народников и кружков. Чайковцы и другие боевые демократы дали некоторый толчок передовикам-рабочим. Разгром чайковцев в 1873 году не прекратил деятельности рабочих. Попытки Всероссийской социально-революционной организации в 1874 г. вести агитацию среди рабочих показали, что имеется весьма благодар-

¹ «Революционная журналистика 70-х гг.», стр. 2.

отт материал. Землеволюды также вели некоторую работу среди рабочих. В дальнейшем «Народная воля» и «Молодая народная воля» стремились вовлечь в свои ряды возможно большее количество революционеров. Это особенно удалось народоволюдам. Под знаменем этой партии объединилось до 1.500 рабочих в разных районах России. Но народоволюды не смогли использовать этот благодарный материал, поскольку программа «Народной воли» не удовлетворяла классовых запросов русских рабочих. После разгрома обоих рабочих союзов не было другой организации, которая бы заинтересовалась рабочими. Только одиночки из рабочих приняли активное участие в терроре, остальная масса революционных рабочих вела свою самостоятельную работу, ничего общего с народоволюдством не имеющую. Если считать, что рабочее движение находилось под идейной гегемонией народников, что народники выступали рабочее движение и передали организованные пролетарские кадры социал-демократии, то совершенно некомпатна будет вся полоса стачечного рабочего движения до 90-х гг. включительно. Классовый интерес делает пролетариат восприимчивым к социализму. Но вся агитация народников в рабочем классе не была агитацией профессиональных революционеров для организации и во имя интересов рабочего класса.

Мелкобуржуазные революционеры отнюдь не стремились к тому, чтобы ускорить процесс организации и борьбы за политические интересы рабочего класса, против самодержавия и против капитала. Организованную борьбу за политические права, несмотря на противодействие народников, первыми начали именно рабочие организации — Северный и Южный союзы. Конечно неверно было бы совершенно отгораживать весь этот этап рабочего движения от общереволюционного движения 70-х гг. Общереволюционная ситуация не могла не влиять на стачечное движение. Но, с другой стороны, значительность стачечного движения была сама фактором, ускорявшим движение революционной молодежи. В противовес народникам рабочие организации брали из опыта западноевропейского рабочего движения все, что они в ту пору считали приемлемым. Русский рабочий класс в 60—70-х гг. не имел такого революционного прошлого, как пролетариат Запады. Рабочий класс на Западе прошел через ряд демократических революций, ощущая всякие «прособразы» диктатуры пролетариата, а французские рабочие были творцами Парижской коммуны. Русский рабочий вырос в стране, где наряду с народившимся капитали-

стическими отношениями продолжали существовать феодально-крепостнические, накладывавшие свой отпечаток на характер фабричных предприятий и на условия борьбы рабочих. Поэтому процесс формирования пролетариата у нас был гораздо более сложным, чем в Западной Европе. Наш рабочий не мог в 70-х гг. идти в уровень с рабочим движением Запады, а тем более не мог в те годы, поскольку не было политической рабочей партии, претендовать на роль вожака движения всех трудящихся. Ведь «только сознательные в классовом отношении пролетарии,—как учил Ленин,—могут выступить и выступят в качестве вождей огромного большинства эксплуатируемых»¹.

Рабочее движение в России развивалось как революционное движение в самодержавно-феодальной стране и протекало долгое время в условиях подполья. Первые этапы в развитии русского рабочего движения по времени совпали с подавлением Парижской коммуны — первого героического выступления пролетариата за диктатуру. Энгельс писал о европейском рабочем движении, что «после подавления Коммуны боевая мощь рабочего класса была ослаблена на долгие годы. Он мог бороться теперь за непосредственную цель: избежать нового, столь же длительного, господства угнетения, чтобы не оказаться принужденным снова бороться не за свое прямое освобождение, а за такой строй, который давал бы ему возможность подготовиться к борьбе за полное раскрепощение»².

Русскому рабочему на первом этапе его борьбы пришлось бороться за минимальные требования, открывающие ему возможность развернуть в дальнейшем борьбу за свое освобождение и за раскрепощение всех угнетенных.

Орудием этой борьбы пролетариата с первых же шагов была стачка.

Стачка революционизировала массы, пробуждала и оформляла классовое сознание пролетариата и выдвигала его на авансцену революционной борьбы против самодержавия. Вот почему стачка, как бы невинны ни были требования бастующих, казалась столь опасной самодержавию, что за борьбу с нею оно мобилизовало все свои силы.

МЕРЫ БОРЬБЫ со СТАЧКОЙ
ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Семидесятые годы в рабочем движении открываются большой стачкой в центре самодержавной империи. Стачка на Невской бумаго-

¹ Ленин, т. XIX, стр. 167.

² Энгельс, Европейские рабочие 1877 г., «Борьба классов» № 6—7, 1931 г.

прядильне в Петербурге 22 мая 1870 г. была значительным событием в жизни расейского рабочего класса. Систематическое понижение предпринимателями заработной платы вынудило рабочих обратиться к своему единственному оружию — стачке. Рабочие требовали увеличения заработной платы и изменения условий труда. «Рабочие мольщики (сильфикаторы машин). — как сообщал по начальству в своем рапорте московский обер-полицеймейстер московскому генерал-губернатору. — получали от 30 до 34 рублей в месяц, между тем как на такой же фабрике Голенищева и вообще на всех других фабриках они получают от 50 до 57 рублей в месяц задельной платы»¹.

Дело о стачке дошло до судебной палаты, и решением последней четыре «зачинщика» были высланы на родину. Суд, аресты, высылки были ответом предпринимателя и правительства. Но самая стачка, несмотря на малочисленность ее участников неизжитых еще монархических иллюзий (обращение к обер-полицеймейстеру с прошением от 800 рабочих), имела большое революционное значение и вызвала со стороны правительства дальнейшие меры борьбы против стачки.

Испуг правительства сказался в циркуляре от 6 июля 1870 г., конфиденциально разосланном «по высочайшему повелению» министром внутренних дел всем начальникам губерний.

Циркуляр гласил:

«В начале текущего года волею насмие фабричные люди, занимавшиеся работами на одной из самых обширных фабрик близ Петербурга, устроили между собою стачку для того, чтобы вынудить хозяев фабрики увеличить заработную плату... Стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратила на себя высочайшее внимание, и государю императору благоугодно было повелеть мне поручить гг. губернаторам, чтобы они имели самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением и в особенности за всеми теми неблагонамеренными личностями, которые

могут иметь вредное влияние на толпу. Так как без сомнения возникновение стачек между рабочими должно быть по возможности приписано виновной лицу, стремившемуся нанести эту чуждую русскому народу форму выражения недовольства на нашу почву с целью посеять смуты и производить беспорядок и волнения»².

Правительство объясняло стачечное движение привнесением влияния со стороны революционной интеллигенции и иностранцев. Не находя иного объяснения, оно тем не менее приняло самые жестокие меры по отношению к рабочим. Если обычно при расправе с революционерами правительство выделяло рабочих в особую группу и якобы относилось к ним с большим «милосердием», то данным циркуляром рабочие были поставлены в еще худшее положение, нежели революционеры-подпольщики из интеллигенции.

Но независимо от этого общего наблюдения, — говорилось в циркуляре, — государю императору благоугодно было также повелеть, чтобы при первом полученном вами известии о стачках рабочих на каком-либо заводе и фабрике явленной вам губернии ваше превосходительство, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными людьми выслали таковых, не испрашивая предварительного на то разрешения министерства внутренних дел, в одну из нижепоименованных губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую.

Итак, рабочих за их стремление хоть немного улучшить свое положение ждала жесточайшая расправа без суда и следствия и высылка в губернии, где они не могли достать никакой работы. Рабочего-забастовщика обрекали на голод, нужду и физическую гибель. И явным издевательством звучит то, что писалось для «просвещенной Европы»: «С недавнего времени, — сообщал официальный историк, — наше правительство обратило внимание на жизненное и нравственное состояние рабочих здешней столицы». Далее говорилось о том, что правительство, обследовав быт рабочих и ремесленников, открыло «многие беспорядки в

¹ Дело московского генерал-губернатора № 141, 1870 г., лист 10. Фонд московского охранного отделения, Архив революции и внешней политики. (Можно высказать большое сомнение по поводу приводимой департаментом цифры заработной платы на фабрике Голенищева.—П. Ан.).

² Дело московского генерал-губернатора № 141, т. I, 1870 г., лист 2.

помещении и содержания рабочего класса, и тем фабрикантам и цеховым мастерам, которые содержали рабочих людей дурно, без надлежащего попечения и заботливости об их нуждах, был объявлен строгий выговор, а другим за отличное содержание людей и заведений молниеносное благоволение в пример прочим»¹.

Рабочие 60-х и 70-х гг. прекрасно почувствовали этот «пример прочим» на своей собственной спине.

Но циркуляр не мог остановить борьбы и не заглушил революционного протеста рабочих. Тогда управляющий министерством внутренних дел решил в корне пресечь крамолу, идущую с фабрик. Он писал московскому генерал-губернатору:

Принимая во внимание значительность фабричного состояния в Московской губернии, признается необходимым усилить там надзор на фабриках, заводах и т. п. заведениях. Одною из самых действительных мер для достижения этой цели было бы дозволение унтер-офицерам наблюдательного состава корпуса жандармов посещать во всякое время для личных объяснений всех лиц, находящихся на фабриках и заводах, без всякого с их стороны во что-либо там вмешательства, ограничиваясь лишь наблюдением. Непосредственные действия жандармского офицера по надзору за теми местами, где находится значительный прилив рабочих, далеко не мог соответствовать настоятельной в том потребности, так как он является на фабрики и т. п. заведения в исключительных, вызывающих его прибытия случаях и к тому же приезд его туда всегда бывает заблаговременно известен, тогда как свободное и постоянное посещение этих заведений унтер-офицером дает ему возможность более присмотреться ко всему там происходящему, ближе ознакомиться со средой рабочих и следить за всем, что должно входить в круг его наблюдения. Нет сомнения, что присутствие жандармов в фабричных заведениях не только не может стеснить владельцев, но скорее будет им полезно в интересах сохранения порядка и спокойствия среди находящихся у них рабочих, и есть основания полагать, что одно уже право по-

¹ «О быте рабочих людей в Санкт-Петербурге и о средствах к улучшению их положения». Берлин, 1863 г.

явления там жандармских унтер-офицеров не преминет оказать нравственное влияние как на рабочих, так и на хозяев»².

Появлению жандармерии на предприятиях и в рабочих казармах было весьма на руку канцеляристам. Кроме обычной полиции за каждым шагом рабочего теперь следила и жандармерия. Но ничто уже не могло остановить движения рабочих. Петербургская стачка была первым звеном длинной цепи крупных и мелких стачек, характерных для развития рабочего движения 70-х гг.

ПОЛИЦИЯ И МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ В БОРЬБЕ СО СТАЧКАМИ

Но и департамент полиции не спал, рассылая циркуляр за циркуляром и инструктируя своих подчиненных, как пресечь крамолу в корне. Губернаторы на местах — особенно это видно по их действиям в Москве — рьяно взялись за исполнение государственного приказа о высылке зачинщиков стачек. Но что следует подвести под параграф стачки и возможность использовать право высылки? Этот вопрос часто ставил начальство втупик или вызывал недоразумения между отдельными должностными лицами на местах. Кронштадтский военный губернатор например запросил, можно ли подвести под стачку невыход на работу каменщиков, требовавших за «дождливые дни и часы». (Этот конфликт закончился «любовной сделкой» у мирового судьи). Министерство внутренних дел не удовлетворилось решением суда. Оно вместе с тем преподало губернатору указания, что понимать под стачкой.

Под стачкой надлежит разумеать беспорядок, выражающийся прекращением занятий по предварительному между собой уговору рабочих с целью добиться возвышения заработной платы вопреки состоящему письменному или словесному условию, и следовательно, когда рабочие таким самовольным прекращением работ предумышленно наносят своим хозяевам явный убыток. Все же остальные случаи недоразумений между рабочими, с одной стороны, и хозяевами или подрядчиками — с другой, имеющие характер взаимных друг на друга жалоб, исков или претен-

² Дело московского генерал-губернатора. № 141, т. I, лист 4.

зий, должны быть разбираемы и прекращаемы порядком, в законе указанном¹.

Эта выписка — прекрасный образец того произвола, который в дальнейшем господствовал на фабриках по всей России. Полиция получала неограниченные права для вмешательства во взаимоотношения между рабочими и капиталистами, всемерно помогая тем, кому рабочию «предумышленно» наносили «явный убыток». Но толкование приказа на местах зашло так далеко, что министерство вынуждено было дополнить свое распоряжение некоторыми ограничениями. Оно писало:

Касательно преследования зачинщиков стачек административным порядком, следует применять в самых крайних случаях, когда все меры вразумления полиции, направленные к прекращению стачки, не будут иметь успеха.

Александр II распространил это распоряжение на всякого рода стачки.

На почве толкования этих крайне казуистических и противоречивых циркуляров между московским генерал-губернатором, князем Долгоруковым и губернатором, князем Ливеном, разыгралась тизба по вопросу о реутовской стачке. Читатель не должен думать, что у чиновников, верой и правдой служивших царю и стремившихся возможно сильнее нанести удар рабочему движению, действительно были серьезные разногласия. Обратимся к стачке, послужившей поводом к распри чиновников.

В 1871 г. на Реутовской бумагопрядильной мануфактуре директор предложил производить работы по праздникам. Возмущение рабочих вылилось в стихийный бунт. 12 декабря в 6 часов вечера зрители приготавливали работу в корпусах.

Вдруг,—как доносил исправник Московского уезда,—из рабочих корпусов повалила к рабочему корпусу толпа рабочих, предшествуемая малолетними, подошедшими к корпусу. Толпа кричала: «Давай директора. Ура!!!» Услышав шум на улице, вышел конторщик Иван Николаев. Толпа бросилась на него и он получил несколько сильных толчков. Толпа продолжала кричать и некоторым из служащих, мимо проходившим, давать толчки. Конторщик Иванов вбежал в рабочий корпус, где находился директор, сказав ему о начавшемся шуме. Он ди-

ректор, вышел из двери, чтобы успокоить рабочих, но те бросились на него с криком, так, что он едва успел вбежать в корпус обратно и затворить дверь. Тогда начался еще сильнее крик и шум, и некоторые из толпы рабочих, схватив куски торфа, кирпичи, стали бросать ими в окна и бить стекла. Из толпы более благоразумные, но кто именно, за темнотою и шумом нельзя было узнать, начали угроживать бранившимся.

Стачка развернулась во всю ширь. Рабочие требовали не только права отдыха в воскресный день, но и выражали недовольство огромными штрафами. Так, точильщик Иванов Василий, объявил, что он, «как и весь прочий народ, недоволен директором за штрафы, которые тот налагает за всякую вину в количестве не менее 3 руб. каждый раз». Движение рабочих зашло так далеко, что они не только думали выпустить газ, но и взорвать фабрику. В результате воздействия полиции, как говорится в цитированном донесении, «постановлено внушить рабочим (и внушено), чтобы они работали беспрекословно, подчиняясь, во избежание ответственности за ослушание, распоряжениям и указаниям владельцев фабрики и назначенных ими главвозвещающих работами лиц, не допускать своеволий».

В результате стачки многие рабочие, как мы указали выше, были арестованы и должны были быть высланы. Но здесь-то и разыгралась история, в которой «защитником» рабочих выступил Долгоруков. Ливен же, «сусматривая в происшедших беспорядках существование стачки, т. е. совокупного действия толпы рабочих, ввиду одной общей преступной цели воспрепятствования угрозами и насильем толпы приведению в исполнение свободного между фабрикантами и некоторыми рабочими соглашения производить работы в праздничные дни за удвоенную плату»², настаивал выслать арестованных в отдаленные губернии. Долгоруков решил помешать планам губернатора, который проявлял много самостоятельности в действиях и был настойчив в своих требованиях.

Он весьма сухо ответил Ливену, что на Реутовской мануфактуре «было буйство рабочих, не желавших работать в праздничные дни, беспорядок этот произошел не вследствие каких-либо предварительных подговоров и соглашений». Отсюда он делал вывод, что дело надо решать не административным порядком, а

¹ Ю. Гессен, К истории стачек среди фабричных рабочих. «Архив истории труда» № 3, стр. 41, 1922 г.

² Дело московского генерал-губернатора. лист 17.

оно «должно быть сообщено по принадлежности для судебного разбирательства»¹.

Ливен был ввешен чашимым ему препятствием действовать самостоятельно и решил тогда стать более радикальным, нежели генерал-губернатор Долгоруков. Он пишет ему язвительную реляцию, в которой на основании того, что Долгоруков подвел забастовку рабочих под закон, карающий за ссору, драку, кулачный бой и буйство, требовал освобождения всех арестованных по реутовской стачке.

Долгоруков ответил, что «относительно освобождения обвиняемых в этом деле лиц из заключения также следует поступить согласно с правилами». Но смелый защитник пошел на некоторую уступку губернатору. «Ваша светлость можете, если признаете нужным,— писал Долгоруков Ливену,— войти ко мне с представлением о высылке его (рабочего Михайлова), как человека вредного, в одну из отдаленных губерний»². Не довольствуясь перепишкой, сановники перенесли дело о забастовщиках на Реутовской фабрике, а по сути свою личную тяжбу, в недра министерства внутренних дел. Ливен доказывал, что налицо самая настоящая стачка, а главное, что генерал-губернатор ополчился против действий полиции и дискредитирует ее. Более того, Ливен предпринял теоретический экскурс в область того, что следует понимать под стачкой.

Невозможность, — писал он, — оформить все именные, сопровождающие стачки, так ясно уже выказывавшаяся примером европейских процессов против рабочих волею в стачек, и была поводом, если я не ошибаюсь, высочайшего повеления, призванного эту невозможность предписанием принятия административных мер, которые, действуя быстро и по убеждению совести, — как в мировой суд, — не требуют однако тех же юридических мелочей, а в подобных случаях неуловимых, формальностей, которые требуются судом, безличным применением той статьи закона к властическому резко высказавшемуся факту»³.

Игра двух сановников в первом туре была выиграна Долгоруковым, поскольку он добился личного доклада царю. Последний изложил резолюцию, согласно которой циркулярное распоряжение «о немедленной высылке

главных зачинщиков между фабричными в случае стачки между ними»⁴ должно быть применимо с большой осторожностью и крайней таинственностью⁵. Победа Долгорукова оказалась временной, поскольку через три года новый губернатор Москвы Дурново добился права самостоятельной высылки рабочих и применения расширенного толкования стачки. Вся эта возня внутри чиновничьего мира не имела ничего общего с желанием улучшения положения рабочего класса. Недовольство и брожение среди рабочих нарастало, а вместе с ним внутри Третьего отделения все более намечалась тенденция активно вмешаться в борьбу труда и капитала.

«ЗУБАТОВЩИНА» 70-Х гг.
БОРЬБЕ С РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ

Размах движения рабочих испугал блюстителей порядка в стране и заставил их задуматься над тем, как с ним бороться. Стачное движение между тем шло все в гору. В 70-х гг. было 243 стачки, причем только в 162 известно количество бастовавших рабочих, равное 120.533 чел.⁶

Стачное движение заставило полицейских усиленно искать его первопричину, ибо опасно было давать разгораться пламени.

Руководитель 3-й агентуры экспедиции жандармерии К. Ф. Филлипеус обратил внимание своего шефа П. А. Шувалова на беззастенчивую эксплуатацию рабочих, описанную в «С.-Петербургских ведомостях». Он писал:

Не будет ли признано полезным в дополнение к разосланному надлеж. циркуляру послать другой, которым поручалось бы нашим органам наблюдать за отношениями рабочих к хозяевам с точки зрения ограждения первых от слишком бессовестной эксплуатации первыми (тут надо безусловно читать вторыми. — П. Ан.). Это казалось бы необходимым ввиду фактов, подобных описанному в прилагаемой газете, и если администрация всегда будет держать сторону хозяев, то она этим расположит рабочих слушать наущения агитаторов. Высылка же двух-трех так называемых зачинщиков не устранит причины зла,

¹ Здесь имелось в виду циркулярное распоряжение от 6 VII 1870 г.

² Дело московского генерал-губернатора, лист 66.

³ В. Невский, От «Земли и воли» — к группе «Освобождение труда», стр. 313—345.

которое может иметь очень дурные последствия¹.

Но глубокомысленные советы Филищевского остались без последствий, хотя Шувалов и просил подателя записки «представить проект разъяснения». За проектами дело не стояло, но трудно было заняться ограждением рабочих от «слишком бессовестной эксплуатации» капиталистов. Эта функция никак уже не была к лицу жандармерии, хотя последняя и испрохотила сделать вид, что она принимается за нее, дабы этим отвлечь рабочую массу от революционного движения и оградить скинхед царя от посягательств зарекомендовавших себя на весь мир отчаянных русских революционеро-нигилистов.

Испуг охранников перед все растущим рабочим движением, растерянность и искание каких-то путей для локализации движения снизу передавались на места. Начальник московской жандармерии 23 июля 1870 г. писал своим подчиненным:

Некоторые полицейские чиновники весьма мало обращают внимания на фабричное и заводское население, и, находя более удобным для себя сохранять хорошие отношения с хозяевами фабрик и заводов, почти вовсе не входят в положение рабочих, вследствие чего последние терпят нередко разные притеснения от хозяев и лиц, составляющих фабричную и заводскую администрацию².

Охранка таким образом решила в противовес полиции облагодетельствовать рабочих своим вниманием, стремясь с сыскными целями проникнуть в их внутреннюю жизнь. Метод охранника Зубатова, применявшийся в начале XX в., уходил корнями в 70-е гг. Рабочий должен был видеть в охранке своего защитника. Вот почему в особо составленной «инструкции» штаб- и обер-офицерам наблюдательного состава корпуса жандармов Московской губернии вменялось в обязанность «обращать особенно строгое и бдительное внимание... не делается ли рабочим со стороны хозяев и лиц, составляющих фабричную и заводскую администрацию, каких-либо притеснений, и правильны ли вообще все действия хозяев и лиц фабричной и заводской администрации в отношении рабочих...»

Инструкция рекомендует жандармам за-

¹ Р. Кантор, Жандармерия и первые рабочие стачки. «Архив истории труда в России», кн. 3, стр. 75, 1922 г.

² Там же, стр. 76.

няться и самым большим для рабочих вопросом — питанием: «Обращать внимание относительно продовольствия рабочих, не делается ли какого-либо злоупотребления в этом со стороны хозяев или лиц фабричной и заводской администрации». Словом, в ряде пунктов опека над рабочей жизнью простиралась до такой степени заботливости, что тогдашнему пролетарию, казалось, не оставалось ничего более, как заикнуться припеваючи. Однако истинным мотивом этой заботливости было нечто совсем иное. «Особенно тщательно наблюдать за тем, — говорится далее в этом документе, — что не выдвигаются ли рабочими между собой рассуждения о получаемой ими задельной плате, что плата эта по трудности работы их мала и что необходимо просить прибавки оной». Жандармам важно было узнать крамольные мысли рабочих, а главное, кто посеял их среди них. Охранники должны были расследовать, нет ли среди московских рабочих «таких личностей, которые по неблагонамеренности своей могут иметь вредное влияние на рабочих, посеять между ними смуты, волнения, а затем производить беспорядки и общие стачки рабочих». Вот это и было самым важным для каждого охранника. Выявленного носителя «крамольных» идей нужно было с корнем вырвать из рабочей среды. Именно на эту сторону дела и устремляли все свое внимание явные и тайные шпионы — глаза и уши царя. В этом вопросе было полное единодушие между всеми «окопными» интересами рабочих. Все в одинаковой мере стремились пресечь пронырливое «злонамеренных социалистических идей» в «богоспасаемое отечество».

Во всех стачках блок жандармов, полиции и капиталистов хотел видеть чью-то злонамеренную руку, направлявшую движение. Им невыгодно было понять, что «зло» коренится не в агитаторах, а в условиях существования рабочих. Охранка рьяно вылавливала, как писал шеф жандармов Шувалов, «размножившихся у нас в последние годы демагогов, последователей учения Флеровского, Щапова, Лиссаля и пр.». Третье отделение весьма опасалось социалистической пропаганды в среде рабочих, ибо это привело бы, по мнению его шефа, к тому, что «пропасть между капиталом и трудом и у нас зияла бы, как она зияет на Западе Европы»³.

Чтобы ликвидировать зарождавшееся массовое движение пролетариата, охранка не останавливается ни перед какими мерами. «Ин-

³ П. Парадизов, Рабочий вопрос в России в начале 70-х годов XIX в. «История пролетариата» № 10, стр. 87.

интернациональное общество. — доложил русский агент 13 сентября 1871 г. в Дрездене, — обходит вокруг света... Надо приобрести пожарные насосы, не дожидаясь пожара». Поэтому-то немудрено, что, опасаясь влияния Интернационала, правительство отдало распоряжение отыскать и водворить в тюремный каземат якобы пробравшегося в Россию Карла Маркса. Дело кончилось конфузом для правительства, но оно шло на конфуз из страха перед развитием стачечного движения в России.

Вот почему синие мундиры рыскали по всей стране и всячески изощрялись в поисках носителей вредных революционных идей Запада.

Правительство внимательно следило за тем, чтобы в Россию не проникала настоящая рабочая пропаганда. Тем больше была опека над рабочими в 60-х и 70-х гг., когда то там, то здесь вспыхивали стачки, зарождались рабочие кружки и начиналось активное участие рабочих в революционном движении. Правительство не могло не видеть, что с ростом промышленности растет и рабочий, который громко заявляет о своем недовольстве. Для правительства одиночки-революционеры и даже отдельные террористические акты были менее опасны, нежели сами рабочие.

25 апреля 1871 г. разразилась стачка в Богородском уезде, Московской губ., на фабрике Шибаева. Власти совершенно растерялись. Начальнику губернского жандармского управления генерал-губернатору Слезкину было поручено тщательно обследовать все обстоятельства, связанные с этой стачкой, поскольку она вносит «новый факт в летопись «рабочего вопроса», возникающего у нас в России, хотя и счастливо, при других условиях и из других причин, чем в Западной Европе»¹.

Третье отделение все время утешало себя и царя мыслью, что причины рабочего движения у нас не те, что на Западе. Поэтому наряду с карательной политикой против рабочих охранка «подтягивала» и фабрикантов. Наиболее ярким образчиком таких тенденций является циркуляр министерства начальникам губерний. Наряду с тем, что последним разрешается, «не испрашивая предварительного разрешения министра внутренних дел», высылать (стаечников.— П. А.) в назначенные для сего губернии» министр внутренних дел Тимашев преподает губернаторам, и в который уже раз, разъяснение, что такое стачка и как следует обходиться со стачечниками.

¹ И. Сидоров, Материалы по истории стачек 70-х гг. «Архив истории труда» № 5, стр. 19, 1929 г.

Я считаю долгом разъяснить, — писал министр, — что под словом стачка разумеется не только беспорядок, выражающийся со стороны фабричных или заводских рабочих прекращением занятий по предварительному между ними уговору, с целью добиться от хозяев возвышения заработной платы, вопреки состоявшемуся письменному или словесному условию, но и всякое соглашение промышленников против потребителей в форме прекращения промысла или возвышения цен на продукты, преимущественно первой необходимости»².

Растерянность и безграмотность министра выглядывает из каждой строки. Стачка квалифицируется им как беззаконие в том случае, когда рабочий требует увеличения заработной платы, но 70-е гг. знают немало стачек, вызванных иными мотивами, например требованиями уменьшения рабочего дня, уничтожения штрафов и обирательства рабочих в хозяйских естественных лавках и т. д. Пункт о стачке промышленников вводится для застраивания хозяев, с целью выудить у них некоторые уступки. Конечно весь циркуляр был проявлением административного восторга перед собственными литературными способностями и никакого влияния на ход дела не имел.

В таком же духе составлена и записка московского охранника Слезкина, «спеца» по рабочему вопросу.

Положение как местной полиции, — писал генерал, — так и высшей полицейской власти в подобных случаях крайне затруднительно. На какую сторону стать?

Обилие циркуляров, дополнений и указаний означало, что не следует на местах давать волю по части неограниченных высылки рабочих:

Полномочие касательно преследования зачинщиков стачек, — писал министр Тимашев, — административным порядком следует применять в самых крайних случаях и лишь тогда, когда все предварительные меры, направленные к прекращению зла, не будут иметь успеха»³.

Эту точку зрения отстаивали, как мы видели, и смещенный губернатор Ливен, и его преемник Дурново, и тот же генерал Слезкин.

² Дело московского генерал-губернатора, лист 74.

³ Там же, лист 74.

Но одно дело — внутренняя департаментская грызня и циркуляры, а другое — проведение их в жизнь. И перед нами проходят полицейские тактические приемы, достойным проводником которых оказался Зубатов.

Так на какую же сторону стать?

Поддерживать рабочих, — писал Слезкин, — против фабрикантов и тем вынудить им на будущее время строгость, — так же трудно, как и принудить их строгими мерами к продолжению работ на условиях, которые на их взгляд несправедливы и действительно могут оказаться несправедливыми¹.

Так и не нашел ответа генерал на свои сомнения. Вся эта игра кончилась тем, что правительственные круги занялись «теорией» рабочего вопроса, а с самими рабочими между тем беззастенчиво разделялись, подавляя стачки военной силой. И это с одинаковой решимостью проводили все чиновники, начиная от князя Долгорукова и кончая генералом Слезкиным.

Несколько правительственных комиссий изучало и решало, как упорядочить жизнь рабочих, поскольку «вопрос о быте рабочих классов, — как писал граф Шувалов, — еще не успел получить опасный характер ни по размерам своим, ни по форме, в которой он является перед правительством, уже включившим его в круг своей заботливости». Комиссия Игнатьева в 1870 г., Валуев — в 1874 г., Государственный совет в 1875 и 1880 гг. обсуждали и дискутировали, но рабочий не видел и проблеска улучшения. Классовая борьба не прекращалась. Рабочий бастовал и настойчиво предъявлял свои права. Все это не могло не вызвать беспокойства в среде фабрикантов. Хотя к их услугам были жандармы, полиция, суды, тюрьмы и ссылка, но уже проскальзывала опасная тенденция заигрывания с рабочими, да и гораздо хлопотливее стало управлять русским пролетариатом.

БУРЖУАЗИЯ
и «РАБОЧИЙ ВОПРОС» 70-х гг.

Еще в 60-х гг., когда появились первые признаки стачечного движения, российская буржуазия не хотела видеть в этом движении предвестника грядущей борьбы пролетариата. Буржуазные литераторы той эпохи писали о том, что хотя в России и имеются отдельные стачки, но их нельзя ни в какой мере сравнить

с движением английских рабочих, ибо там рабочий остается без работы, а у нас бастующий уходит в деревню и принимается за свой обычный труд, живя в полном довольстве. Крупнейший реакционер и лютой враг революции К. Победоносцев больше интересовался «рабочим вопросом», но только с точки зрения подготовки для промышленности обученной рабочей силы. Он и Работ писал:

Припомним, какие груды выпитых из-за границы сельскохозяйственных машин валяются в сараях у наших сельских хозяев как негодный хлам, потому что каждая починка, требующая работы посложней кузнечной, сопряжена с величайшими затруднениями, потому что нет нигде поблизости механических заведений и хороших рабочих, а они воспитываются только на механических заводах; при недостатке же хороших механиков для управления машинами естественно всегда чаще бывают и ломки. Как благотельно должно быть для каждой местности существование большого механического заведения именно в этом отношении, т. е. в деле образования столь необходимого для России класса механиков и машинистов.

Победоносцева интересовали «хорошие рабочие и мастера» исключительно с точки зрения проведения в жизнь политики протекционизма, т. е. возможно большего запрета иностранного ввоза изделий промышленности путем назначения высоких пошлин для помощи отечественной буржуазии.

Часть журналистики того времени считала, что «зввы пролетариата» в России нет и что несравнима полная лишений жизнь западных рабочих с цветущей и сытой жизнью русских рабочих. Наиболее рельефно выразил эту мысль один из буржуазных ораторов Мясоедов на съезде русских промышленников в 1870 г.

Главной причиной того, что рабочий класс у нас не может представляться в том виде, как на Западе, — вещь сей Златоуст растущей русской буржуазии, — есть то, что у нас нет пролетариата, что представляет предмет зависти всех иностранных государств. У нас та среда, которая составляет рабочий класс, почти вся занята земледелием. Следовательно, у нас нет здесь двух классов, а является просто два разряда рабочих, из которых один работает на фабриках, а другой у себя в деревнях.

¹ И. Сидоров, Материалы по истории стачек, стр. 19.

*преимущественно в тех местностях, где земледелие не представляет достаточного обеспечения в средствах жизни*¹.

Буржуазии было невыгодно, чтобы рабочие в какой-либо мере представляли, а главное, осознавали себя как особый общественный класс, уверившая, что вообще у нас нет «двух классов», а есть крестьянство, которое ищет некоторого приработка. Буржуазные писатели 70-х гг. не особенно задумывались над рабочим вопросом. Не лишено поэтому интереса то впечатление, которое вынес один из умнейших представителей русских либеральных монархистов В. Н. Чичерин, вылетевший в столкновение с рабочим движением на Западе. При посещении Лондона, рассказывает Чичерин, он ознакомился с «курьезами чисто английской общественной жизни». К такому «курьезу» почтенный буржуазный профессор относит собрание английских рабочих.

*В это время,—пишет Чичерин,— между рабочими шла деятельная агитация в пользу девятичасового рабочего дня. Мы попали на маленькое собрание, где какой-то господин в течение часа плавно и гладко говорил невообразимую политико-экономическую чепуху, ссылаясь даже на короля Альфреда и доказывая, что десять часов составляют максимум нормального рабочего дня для всякого человека. Аудитория состояла из рабочих, которым конечно весьма приятно было работать меньше, а получать за это ту же самую плату*².

Надобно надеяться,— заключил с надеждой автор свое знакомство с «курьезом»,— что со временем рабочий день совершенно сократится, а будет получаться только заработная плата.

Все, что не укладывалось в рамки русской обывательской жизни, всякое обсуждение и перенесение на русскую почву передовых идей Запада, Чичерин считал как бы «неуклонным отражением прекрасного образа в домашнем зеркале».

Буржуа боялся движения рабочих, поскольку борьба за нормальный рабочий день и за повышение заработной платы грозила

¹ Протоколы и стенографические отчеты заседаний I Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью. С.-Петербург, 1872 г., стр. 99—100.

² Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. «Путешествия за границу», изд. 1932 г., стр. 166.

уменьшить господство капиталистов над только еще формирующимся и не успевшим еще создать своих боевых организаций пролетариатом.

Именно с целью отвлечения рабочих от создания революционных организаций стали уже в этот период создаваться первые буржуазные проекты организации «обществ для рабочих».

Застрельщиками были московские заводчики и фабриканты. Они выработали «Проект устава Общества попечения о рабочих» и хлопотали о его организации. Общество это учреждалось в Москве, и главнейшей его заботой должно было быть «улучшение нравственного быта рабочих в ней и ее губернии». Общество решило обратить свое хозяйское внимание на «многочисленный класс людей, нуждающихся более, чем другие, в попечительстве». Буржуа хотели всеми мерами оградить рабочих от частых встреч, а по возможности и совсем не допускать «сближения с испорченными классами здешнего населения и развить в них здоровые понятия о жизни и обязанности человека». Видимо стачечное движение, начавшаяся борьба русских рабочих в сильной степени обеспокоили фабрикантов. Буржуа были встревожены тем, что «хорошие рабочие, увлеченные соблазнами, нередко впадают в несчастное безвыходное положение, совращающее их с прямого пути». Но не «безвыходное» положение пролетариев вызывало стремление заняться «улучшением нравственного быта рабочих», а то обстоятельство, что фабриканты испытывали «чувствительный недостаток в хороших мастеровых». И вот этих-то мастеровых, которые все чаще выступали с самостоятельными требованиями, следовало обуздать заранее. Одними полицейскими мерами нельзя было ввести рабочих в желаемые рамки и приостановить их борьбу за свое право. «Недостаток в хороших рабочих,— писали фабриканты,— влечет за собой возвышение ценности труда и составляет косвенный налог для потребителя».

В гуманной форме капиталисты высказывали мысль о необходимости решительной борьбы за увеличение рабочего заработка. Но устав писался для широкой публички, поэтому он не мог быть особенно откровенным. Впрочем, ходатай московских фабрикантов генерал Исаков в своем письме в Третье отделение прямо писал, что в задачу общества входит «отстранить в будущем попытки самих рабочих составлять ассоциации для взаимной поддержки в материальном отношении и, опираясь на эту поддержку, вызывать стачки против хозяев».

Поэтому-то устав заранее оговаривал, что «круг деятельности Общества может распространиться и на другие промышленные центры России через учреждение особых местных отделов». Фабриканты, не жалея своих сил и трудов, хотели взять под свою опеку пролетариев всей империи, вырвав инициативу у передовых рабочих и социалистической интеллигенции. Генерал чистосердечно разъяснял охранке, в чем выгода фабрикантов от всей этой затеи:

Жертвы и затраты,—писал Н. Исмаков, — на которые идут охотно в настоящее время хозяева фабрик и мастерских, имеют прямою целью: увеличить рабочую силу, устранив по возможности безразличность рабочих и значительные собственные потери в будущем от возможностей стачек между ними.

Генерал здесь кратко сформулировал задачи Общества, дабы охранка не сомневалась в полезности этого начинания для преуспеяния престола, отечества и его «любезных» сынов. «Создание общества,—писал он,—и развитие его деятельности прямо связано с интересами хозяев».

Но власть имущие убоялись грандиозного плана организации рабочих, исходящего хотя и от «благомыслящей части Общества», но не из недр политической полиции. Последней было важно, чтобы содействие «благомыслящих» не отняло, как писал шеф охранки граф А. Шувалов, у правительства «того руководящего влияния, которое постоянно должно принадлежать ему».

Провал в Третьем отделении плана московских буржуа не угасил их инициативы, и в 1872 г. в связи с политехнической выставкой в Москве они снова взялись за организацию «Комиссии попечения о рабочих. Представитель власти и здесь тщательно рассматривал каждый пункт устава, дабы «благомыслящие» не протащили под другим соусом свою идею захвата влияния на рабочие массы. К этой группе попыток следует отнести между прочим и план петербургских заводчиков об издании газеты «Рабочий досуг».

ПРИЧИНЫ

СТАЧЕК РАБОЧИХ в 70-х гг.

Усиленно «опекаемые» фабрикантами и заводчиками русские пролетарии 70-х гг. конечно не получали ничего реального от всех этих планов. Недовольство рабочих своим положением все более обострялось. Выражением этого растущего недовольства были стачки во всей России и в частности необычайно усилив-

шиеся стачки в Московской области. Каковы же причины этих стачек? Департаментские дела сохранили ряд свидетельских показаний московских рабочих о стачках 70-х гг., вызванных неизменно тяжелым экономическим положением рабочих Московского района.

Безудержная эксплуатация рабочих шла разными путями. В интересах быстрого капиталистического накопления капиталисты не брезговали никакими средствами. В полном контакте с капиталистами действовало и самодержавие со всем своим административным аппаратом. Капиталисты, правда, стремились создать видимость отеческого попечения о «меньшей братии». Но это было только прикрытием для более сильного наступления на рабочих. Прибавочная стоимость выколачивалась и под покровом патриархальных отношений, которые сочетали в себе крепостнические остатки и «передовой» капитализм.

Размер заработной платы рабочих является одним из основных показателей этой эксплуатации. Фабриканты при определении заработной платы исходили из предложения труда. Обычная плата рабочим в 70-е гг. была от 60 коп. до 1 руб. в день. Детский труд оплачивался в размере 10 коп. в день. Только одиночки добивались оплаты свыше рубля в день. Но и этот мизерный заработок был номинальным, поскольку он снижался разного рода удержаниями. Одним из таких видов была принудительная закупка рабочими продуктов питания в лавках хозяев. Получение продуктов в долг с вычетом не давало рабочим возможности маневрировать своей заработной платой, а продукты расценивались хозяевами выше рыночной стоимости и нередко были абсолютно непригодны для питания. Современник рассказывает, что когда он возмущился таким произволом, его собеседник рабочий Никита возразил: «Нет, уж у нас здесь порядок значит такой: коли хошь жить на фабрике, то все уж должен у хозяина брать... хошь сто рублей фунт стоит, а уж бери, делать нечего... Да уж так все и приспособлено, что никак ты-тоишь ничего не поделаешь. Ежели примерно я кушал что-либо на стороне.—сейчас тебя часовой остановит в воротах, да к директору—ну сейчас и отберут все... напрасно значит и заплатил деньги... Поэтому, ежели, говорит, вы будете на стороне говар брать, так нам, говорит, и торговать будет не из чего»¹.

Заработная плата задерживалась подолгу, дабы рабочий ее полностью оставлял в хозяйской лавке и, переплачивая за продукты,

¹ А. Гольдинский. Очерки фабричной жизни, стр. 33—34.

такой линии процент капиталисту. Кроме того хозяева вняли с рабочего квартирные за право пользования казармой и освещением. Очень часто остатки заработной платы задерживали по два месяца, и если рабочие возмущались, то получали расчет через целовальников, которые удерживали в свою пользу от 4 до 7 коп. с рубля.

Но наибольшим бичом для рабочих были штрафы. Штрафы в пользу фабриканта составляли значительную долю заработной платы. Капитал, подобно вампиру, высасывал живой труд, растягивал рабочий день от 12 до 14 часов, а сверхурочными работами и до 18—20 часов. Система штрафов и вычеты приводили к тому, что рабочий напрягался изо всех сил, чтобы выработать голодную норму пропитания.

Всякое стремление ограничить рабочий день законом, ограничение детского труда— все это принималось русскими капиталистами как вмешательство в их функции и вторжение в их вотчину, где они одни могли нераздельно господствовать; жалкое фабричное законодательство не ограждало рабочих от произвола капиталистов.

В 1866 г. был издан закон о врачебной помощи рабочим, связанный с эпидемией холеры. В 1869 г. вышел закон о воспрещении женского труда в рудниках, исключая наземную работу.

Семидесятые годы, несмотря на несколько правительственных комиссий по рабочему вопросу, никаких реальных улучшений рабочим не привнесли.

Все законы о фабричном надзоре по степени их выполнения Ленин назвал «тряпичной», ибо рабочие ни от законов, ни впоследствии от фабричных инспекторов не видели ни-

какого проба. Пужда, голод, антисанитария, смерть из-за отсутствия медицинской помощи— так можно характеризовать положение рабочих рассматриваемого нами периода.

Пыль, облаками окутывавшая рабочих у станки, духота, подчас отсутствие всякой вентиляции были обычным явлением.

На фабриках из-за жадности капиталистов к наживе совершенно отсутствовала техника безопасности. Огромное количество несчастных случаев—оторванных рук, пальцев и даже смертей—было добавочной расплатой пролетариев за каторжный труд. Смерть и увечья караулили русского рабочего на каждом шагу.

После адского изнурительного труда рабочий попадал в ужасающую своей нищетой домашнюю обстановку. Грязные, темные, сырые помещения, вонь, духота, сон на обочинах без тюфяков и подушек— вот каков был повседневный быт рабочего. Тараканы, клопы и мириады вшей являлись верными спутниками этих очагов нищеты и болезней. Только одиночки-рабочие имели отдельные каморки, обставленные жалким скарбом.

Но держа в таких невыносимых условиях рабочих, капитализм вместе с тем содействовал их концентрации на крупных фабриках. «А сила пролетариата, — говорил Ленин, — в том и состоит, что его численность и сплоченность увеличивается в силу самого процесса экономического развития» (Ленин, т. V, стр. 73).

Как же противодействовал московский рабочий бешеной наживе капиталистов и стремлению выжать все жизненные соки из трудящихся?

Стачка была в то время единственным орудием борьбы в руках угнетенной массы рабочих.

Окончание в следующем номере

первый съезд РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ в германии

Р. ЛЕВИНЕ

Первый всегерманский съезд советов рабочих и солдатских депутатов был созван между 16 и 21 декабря 1918 г., через 5—6 недель после ноябрьской революции.

Германская революция стихийно с первых же дней приняла те же формы, что и русская революция: по всей стране, как и на фронте, образовались советы рабочих и солдатских депутатов. Но именно благодаря стихийности советского движения и отсутствию крепко спаянной массовой большевистской партии движение это принимало нередко уродливые формы, совершенно искажавшие смысл советской системы. Во многих местах советы вообще не избирались, а просто назначались по предварительному соглашению социал-демократов и независимцев. Выборы состоялись в первые дни революции, когда массы еще были полны благодушия и доверчивости, первого революционного угара. В советы попали люди, часто ничего общего с революцией не имевшие.

Немногом лучше обстояло дело и на предприятиях, среди рабочих.

Тут сказалось огромное влияние авторитета начальства, продолжали действовать хо-

рошие манеры и красноречие интеллигенции, — весь этот мелкобуржуазный хлам, который в течение многих лет прививался германским рабочим массам.

Таким образом совершившие революцию массы, не сознавшие собственной силы, почти повсюду оказались под властью социал-демократов и независимцев. Из 489 депутатов съезда 405 депутатов было от рабочих и 84 — от солдат; 288 депутатов, т. е. подавляющее большинство, примыкало к социал-демократической партии, 90 депутатов — к партии независимых (из них 12 спартаковцев), 25 — к демократам, 11 — к так называемым «объединенным революционерам» (группа полуанархиста Лауфелберга) и 25 — к особой солдатской фракции. В отношении социального состава конгресс тоже был далеко неудовлетворителен. Только одну треть (179) составляли рабочие и мелкие служащие. Остальные — почти все интеллигенты, партийная и профсоюзная бюрократия и т. д.

На конгрессе ярко выявились три течения: первое — правое огромное большинство, к которому принадлежали социал-демократы, связанная с ними профсоюзная бюрократия и некоторые другие чисто буржуазные элементы. Это большинство было всеми путями связано с буржуазией и готово было руками и зубами защищать интересы уполномоченных их хозяев.

Второе течение — независимые социал-демократы, центристская группа, по своим настроениям гораздо ближе стоявшая к револю-

Немецкая актри-
са Сенте Зон-
ляйт агитирует
за выборы в уч-
редительное соб-
рание. (Из книги
„Лицо социал-де-
мократии“)

...социал-демократия пускала в
оборот хорошие манеры, красно-
речие интеллигенции и весь
мелнобуржуазный хлам, чтобы
удержать революцию от „необ-
думаных шагов“...

Листовки и прокламации
покрывали улицы Берлина
в 1918 г.

ции, но благодаря своим пацифистским традициям, политической неустойчивости и незрелости игравшая исключительно паруку правым. Эта группа не была однородна. Она соединяла в себе самые противоречивые элементы, начиная от врага революции и большевизма—Гильфердинга, пацифиста Гаазе и кончая Доймигом, называвшим себя поборником советской системы и даже диктатуры пролетариата, правда, очень благообразной, опирающейся больше на «духовную мощь и волю», чем на «железные и некультурные пушки и броневики».

Правые независимцы проявляли огромную активность, чтобы удержать своих «левых» товарищей от «необдуманных шагов», а «левые»... слишком беспрепятственно давали себя увлечь в сторону наименьшего сопротивления.

Независимцы одновременно были за советскую систему и учредительное собрание, за революционный напор масс и за покой и порядок в государстве.

Даже Доймиг, упрекавший конгресс в том, что он отличался «небывалой до сих пор в истории революционных парламентов трезвостью, доморощенностью и филлистерством», отмежевался от большевиков и уверял, что он не принадлежит к тем, которые «рабски и механически подражают русскому примеру». Высокпарно, как о какой-то новой революционной заслуге, он заявлял, что он «немец и гордится этим».

Вся тактика независимцев была направлена на то, чтобы как-нибудь бочком, никого не задевая и никому не причиняя вреда и боли, противиться в социализм. Характерной иллюстрацией этой позиции независимых может служить следующий эпизод: когда спартаковцы на совместном заседании предлагали поставить первым пунктом порядка дня конгресса требование передачи съезду советов высшей законодательной и исполнительной власти, независимцы встретили это предложение решительным отпором. Нельзя же пугать конгресс! Но настоянию независимых это требование было поставлено не в начале съезда, а по первому пункту повестки дня среди других многочисленных и второстепенных предложений.

Третье течение представляла противостоявшая первым двум группа спартаковцев, малочисленная по составу, но сильная по своему идейному влиянию на быстро революционизировавшиеся рабочие массы Германии. Однако это влияние спартаковцев на революционные массы не нашло соответствующего отражения в составе и решениях собравшегося съезда. В гораздо большей степени оно сказывалось на настроении и поведении масс вне стен прусского

ландтага, услужливо укрывшего конгресс от «улицы».

Спартаковцам приходилось через голову конгресса вести борьбу за насущные интересы революции; всем известные слабости спартаковского движения, их идейно-политические и организационные ошибки помешали им однако в их руководстве революционной борьбой пролетариата. Отсутствие массовой большевистской партии сказалось во всей силе. В мирное убежище конгресса то и дело врываются шум и дыхание улицы. Благоприятные речи то и дело прерывались революционными требованиями руководимых спартаковцами масс.

К началу конгресса несколько больших заводов устроило однодневную забастовку под лозунгом: «Вся власть советам!»

Под этим же лозунгом в Берлине состоялась большая демонстрация в 250 тыс. человек, отправившая на конгресс своих делегатов под предводительством т. Пика.

Под влиянием спартаковцев предъявила конгрессу свои революционные требования и делегация от солдатских полков, расквартированных в Берлине.

Таково было положение на съезде и вне его.

При составе и настроениях большинства делегатов съезда дальнейшая участь советов была заранее решена. Конгресс являлся, по меткому выражению независимца Доймига, «клубом самоубийц»: не расширять революционным путем свои функции и права, а кастрировать и уничтожать их, добровольно отказываясь от власти,—вот что отражалось во всех дебатах и решениях конгресса. Эти советы рассматривали свои функции в лучшем случае как контрольные. Они не умели и не хотели подняться до органов, решающих судьбу революции, подготавливающих захват власти и устанавливающих диктатуру пролетариата.

Один из самых ярых приверженцев советской системы, Рихард Мюллер, в своем отчете о деятельности советов всеми силами отбивался от «навета», будто советы когда-либо собираются «захватить власть». Наоборот, он успокаивал депутатов, заверяя их, что из полком советов, «созданный под влиянием первых бурных событий того времени, является лишь импровизацией», которая должна быть в свою очередь «быстрейшим образом ликвидирована».

«Советы,—уверял Мюллер.—представляют волю германского народа лишь до тех пор, пока законодательное собрание не скажет

*Рабочий батальон на
улицах Берлина в 1918 г.*

**...спартаковцы через голову
конгресса вели борьбу за на-
сущные интересы революции...**

*Спартаковцы снимают
с офицеров знаки отличия*

последнего слова о конституции и новом строе — республике».

Между тем Мюллер сознавал, что советы являются единственным конкретным достижением революции: «наду» советы рабочих и солдатских депутатов, и от революции ничего не останется — вынужден был он признать.

В течение своего реферата Мюллер несколько раз указывал со свойственными независимым непоследовательностью и боязью делать конечные выводы, что советы должны были сосредоточить в своих руках всю власть:

«Советам вышло на долю построить социальное и политические соотношения в социалистическом направлении».

«Советы рабочих и солдатских депутатов возглавляют новую государственную власть».

На словах оно так и было: по уставу «вся политическая власть находилась в руках советов рабочих и солдатских депутатов, причем в случаях выступлений контрреволюции исполкому советов предоставлялась и исполнительная власть».

От самих советов зависело, как они используют свои права. Но они добровольно отказались от своих прав. Фактическая власть осталась в руках бывших кайзеровских учреждений, старых государственных чиновников, бывшей кайзеровской военщины и генералитета.

«Все осталось прежним. Вся политическая и экономическая жизнь осталась прежней» — свидетельствует Мюллер.

Мюллер рядом ярких примеров характеризует политическое бессилие советов, не сумевших и не хотевших добиться даже выполнения их собственных решений. Например все предложения, предъявляемые исполкомом советов правительству, «просто оставались невыполненными».

Так было с требованием удалить из министерства иностранных дел кайзеровского дипломата Зольфа, так было с предложением конфисковать архивы, разоружить контрреволюционных фронтовиков, целиком находившихся под влиянием своих офицеров, и т. д.

Зато буржуазия, быстро оправившаяся от страха перед советами, когда убедилась, по мнению Мюллера, что «они вовсе не так страшны, а проявляют, наоборот, прямо-таки овечье терпенье», открыла против них травлю, «дошедшую до самой низкой клеветы». В этой кампании клеветы буржуазия усердно помогала кругам, «стоящим близко к правитель-

ству». «Социал-демократическая пресса не только присоединилась к этой травле, но зачастую была первоисточником самых грязных инсинуаций (отчет Мюллера).

Конгресс происходил в чрезвычайно напряженной обстановке. Буржуазия не ограничивалась «идейной борьбой» и печатной травлей советов. Она начала организовывать контрреволюцию на чужую революцию. Под видом обороны границ она концентрировала значительные военные отряды на Западе и Востоке. На Западе под предлогом, будто это является требованием всемирного победителя — Антанты, военщина принялась систематически распускать советы; на Востоке она в молчаливом союзе с Антантой стояла наготове для борьбы с большевизмом.

Среди войск велась бешеная агитация против советов. В полках организовывались специальные дивизии для гражданской войны. Но «строго конфиденциальным» распоряжением военщины, эти дивизии должны были быть наполнены большим количеством активных офицеров и широко снабжены всякими орудиями, особенно пригодными для уличных и рукопашных боев. Солдатам же внушалось, что эти дивизии предназначены для борьбы с мародерами. Кроме того предлагалось с целью создания надежной военной силы подкупать солдат удвоенными ставками и лучшим продовольственным снабжением.

В самом Берлине часть солдат под влиянием офицеров устроила контрреволюционный заговор, арестовала исполком советов и предложила Эберту провозгласить его президентом республики. Это конечно было полным нарушением конституции, но Эберт не только не протестовал и тем более не арестовал заговорщиков, но обещал передать этот вопрос на обсуждение правительства.

В Берлине были кроме того введены контрреволюционные войска в размере четырех гвардейских дивизий генерала Лехни. Со всех сторон в конгресс поступали сведения о контрреволюционных вылазках военщины, о роспуске советов и т. п. В самом Берлине во время контрреволюционного заговора 6 декабря была пролита рабочая кровь, 14 мирных демонстрантов было расстреляно и 30 ранено.

Между тем общие настроения германского пролетариата ни в коем случае нельзя было назвать пореволюционными. Вряд ли нашлась бы хоть одна сколько-нибудь существенная группа рабочих, даже если они были социал-демократами, которая бы не стояла за социализм и за власть пролетариата.

Доверчивость первых дней стала бла-

года на наступлении обнадежившей контрреволюции рассеиваться. Социальные противоречия нарастали. Безработица, голод, отсутствие жилищ и предметов первой необходимости властно толкали к развязке. Германский пролетариат ни в коем случае не был склонен уступить свои революционные позиции. Наоборот, он ждал их расширения, а большая часть его готова была и бороться за увеличение своих достижений вплоть до завоевания всей полноты власти. Но значительная часть интеллигенции верила, что революция завершена, что власть в лице шести «социалистических» народных уполномоченных уже находится в его руках и что теперь весь вопрос состоит лишь в том, чтобы выбрать наиболее целесообразные способы для расстановки и организации сил в собственном же хозяйстве.

В этой вере германских рабочих всячески укрепляли социал-демократические и «независимые» вожди. Бдительность пролетариата усыплялась, настоящее положение вещей затушевывалось.

Вожди уверяли, что нужно только подождать: нельзя слепо рубить с плеча; нельзя, подобно большевикам, «честные намерения и убеждения которых не подлежат никакому сомнению», отнять у рабочих все права... на самоуправление (!) и опираться на пушки.

Социализация? Сколько угодно! Но нельзя же «социализировать то, чего нет». Нельзя кроме того и оттолкнуть интеллигенцию, которая необходима для бесперебойного хода производства. Надо сначала наладить хозяйство (капиталистическое!), а потом, когда всего будет в изобилии, когда наступит полный порядок, тогда... можно будет экспроприировать буржуазию...

А покамест надо работать; только работа может спасти Германию и революцию и восстановить возможно скорее хозяйство, которое должно быть впоследствии социализировано. Рабочие должны сейчас осмотреть на фабриках и заводах как на общественное достояние. «Они не принадлежат вам (отдельным рабочим) и еще меньше принадлежат капиталистам» — возвещал ученый теоретик Гильфердинг.

С общественным имуществом же надо обращаться осторожно. Надо забыть собственные интересы ради интересов общих. Нельзя свихать идеалов революции в угоду личным материальным улучшениям.

«Если рабочие свихают революцию до уровня борьбы за заработную плату, тогда нам конец» — декламировал независимец Эмиль Барт пользовавшийся большим доверием сре-

ди революционных рабочих. Он уверял, что «в ближайшие месяцы вопрос о наемном труде вообще перестанет существовать».

Тот же Эмиль Барт предложил съезду принять следующее решение по поводу бывших офицеров: старые офицеры получают пенсию, молодым же предоставляются необходимые средства для изучения какой-нибудь гражданской профессии, «и тогда ни один член буржуазного общества не сможет кинуть в нас камень...»

Во время съезда ни одна из борющихся сторон не имела перевеса на своей стороне, хотя силы были далеко неравные: объективно они были целиком на стороне пролетариата и революции. Все зависело от того, в какую сторону этот великан направит свои дальнейшие шаги.

Это-то положение нашло свое выражение во всех выступлениях конгресса. Никто — даже явные контрреволюционеры — не осмелится выступить открыто против пролетариата. Вся «работа» конгресса состояла в попытках урезать, подорвать, притупить острие революционных требований, формулировок и таким образом незаметно превратить их в свою противоположность или по крайней мере добиться двусмысленного их толкования.

В порядке дня конгресса стояло:

- 1) отчеты исполкома советов и правительства;
- 2) учредительное собрание или система советов;
- 3) социализация экономической жизни страны;
- 4) вопрос о мире и его влиянии на новое строительство республики;
- 5) выборы исполкома советов республики.

Вся первая часть порядка дня — отчеты и дискуссии — пестрела сплетнями, дрызгами, личными прешпательствами. Центральное место занимает клевета о будто бы растраченных исполкомом 18 млн. марок.

На принципиальную высоту о сущности и действительном назначении советов никто кроме спартаковцев не поднимался. Разумеется, требование спартаковцев — вся власть советам — было отвергнуто огромным большинством, что шейдемановцам развязало руки для дальнейших действий.

Вопрос об учредительном собрании был предрешен с самого начала. Парламентские иллюзии в самом германском пролетариате были еще слишком велики. Он не успел еще осознать изменившейся обстановки при нескольких миллионах капиталов и все еще доверял ста-

рыми вождям, проповедывавшим прежнее более или менее безболезненные приемы борьбы. Германский пролетариат не пережил таких революционных ситуаций, как русский рабочий класс в 1905 г. ему не приходилось еще видеть обнаженное лицо контрреволюции. Выбор между учредительным собранием и советами ему казался особенно легким ввиду того, что ему «разрешалось» пользоваться обеими системами. Даже самые ярые враги советов, вроде Коэна¹, делали реверансы в сторону советов, подчеркивали их преимущества и уверяли, что отнюдь не намереваются их уничтожить.

«Советы спасли Германию в первые дни от катастрофы, они спасли миллиарды народного состояния (хотя они и порядочно растратили его), они оправдали себя и дальше себя оправдают. Найдутся формы, о которых пока нечего распространяться, когда они сумеют сделать чрезвычайно много для нашего народа. Большевики также раньше боролись за учредительное собрание, и это было одной из главных притягательных сил большевиков» — сказал Коэн в своей речи на съезде советов.

Доводы казались очень верными. На всякий случай прибегли и к верхнейшему средству — запугиванию Антантой, которая, «кабы не зима — давно бы уничтожила все советы в России, которая ни за что не станет их терпеть в Германии, не станет вступать с советской Германией в мирные переговоры».

Кроме того шейдемановцы даже прибегли и к некоторым махинациям: при голосовании они сначала поставили в порядок дня вопрос о сроке выборов в учредительное собрание, а когда получили большинство за назначение выборов на 19 января (что фактически являлось отвержением советской системы), тогда они проголосовали и вопрос о советской системе. Такой передвижкой режиссеры добились возможности вообще снять с порядка дня вопрос о советской системе. Большинство голосов за учредительное собрание разумеется обеспечено было заранее.

Со вторым основным вопросом, стоявшим перед рабочим классом и следовательно перед конгрессом, дело обстояло много сложнее. Советская система или учредительное собрание — это казалось чисто политическим вопросом, который интересовал лишь верхушку рабочего класса, его авангард. Учредительное собрание во всяком случае было шагом вперед даже в глазах многих более сознательных рабочих, уже

успевших разочароваться в существующих до сих пор парламентах.

Но социализация крупной промышленности в условиях огромной безработицы, гнетущей нищеты и ненависти к буржуазии, особенно к спекулянтам военного времени, нажившимся на миллионах трупов и калек, — этот лозунг пользовался огромной популярностью среди широких масс. Он остался в силе и во весь последующий период гражданской войны до 1920 г.; социал-демократия при всяком подавлении революционных выступлений пролетариата уверяла его, что социализация приближается, подвигается.

По этому вопросу правительство с первых же дней своего существования назначило комиссию из всяких профессоров и прочих ученых мужей, которые должны были точно высчитать, какие предприятия подлежат социализации. Тут шейдемановцы вынуждены были действовать чрезвычайно осторожно. Всячески подчеркивая свою готовность немедленно приступить к социализации и усыпляя этой своей позицией массы, они играли больше на выработанных условиях немецкой жизни педантичности и бережливости, тем более, что массы, как мы видели выше, уверялись социал-демократами, что народное хозяйство уже принадлежит им, обществу.

Даже наиболее революционный Доймиг отказывался «экспериментировать», даже он хотел социализацию лишь «по большому единому плану», «после заключения мира, с учетом всех территориальных перемен, наличия средств и также с учетом мировых хозяйственных отношений».

Однако шейдемановцы попытались сначала вообще снять социализацию с порядка дня. В этом их поддерживала и часть независимцев. Но это намерение натолкнулось на такой резкий отпор со стороны съезда, что пришлось от него отказаться.

В результате конгресс вынес мудрое решение: «Правительству (!) поручается немедленно приступить к социализации всей для этого дела зрелой промышленности, в особенности горной».

Социализация таким образом прокламировалась не как дело самих масс и их революционных советских органов; ее должны были осуществить Эберты и Шейдеманы. А степень «зрелости» намеченной для социализации промышленности должен был установить враг социализма Гильфердинг вместе с ему подобными буржуазными профессорами.

Остальные пункты порядка дня прошли совсем безболезненно. Правительство Эберта —

¹ Вождь профсоюзов.

Гааге отчиталось за свои действия. Вся их установка состояла в том, чтобы доказать, что Германия, обнищавшая и разбитая, — это тяжелый больной, который нуждается в самом бережном отношении. Никаких экспериментов, никаких встрясок. Но разбивать ничего, не разрушать ничего, пока не удалось на месте старого создать прекрасного, как Венера, выходящая из пены морской волны, нового. Вместо революционного «лес рубят — щепки летят» лозунг «никаких щепок!» Покой и порядок объявлялись высшей революционной и гражданской добродетелью.

В этих добродетелях Эберты были особенно сильны, и конгресс не только вынес им вотум доверия, но далеко расширил их полномочия.

Дискуссия развернулась лишь по поводу контроля действий правительства. Независимцы внесли предложение, согласно которому исполкому советов, состоящему из 27 членов, давалось полное право принятия или отклонения законов до их опубликования. Это была более или менее реальная возможность урезать произвольные действия правительства.

Тут выступил сам многомолчаливый Эберт. Опять ссылки на «ужасные, невероятные трудности», требующие «необходимой свободы действий», опять ссылка на необходимость быстрых решений (ведь умирающие, как известно, не ждут!). «Мы не в состоянии выполнить тяжкий долг, возложенный на нас» — внушал Эберт.

Это подействовало. Предложение независимцев было отклонено; исполкому советов, по предложению шейдемандовцев, разрешалось лишь право контроля: законы правительство могло издавать по собственному усмотрению. Искажение роли советов было полное.

В выборах в исполком советов независимцы решали не участвовать. Это произошло под влиянием спартаковцев, которые усматривали в этом первый шаг к другому, более важному, — к выходу независимцев из правительства.

Своим участием в правительстве независимцы, тогда еще пользовавшиеся большим влиянием у значительной части революционного пролетариата, — их популярность среди масс можно приблизительно и условно сравнить с популярностью социалистов-революционеров в первые месяцы керенщины, — вносили огромную растерянность в пролетарские ряды. Покрывая своим участием в нем действия контрреволюционного правительства, независимцы приписывали революции большой вред.

Демонстративный выход их из правительства имел бы своим результатом большую политическую встряску масс и разоблачение социал-демократии. Но у независимцев хватало лишь сил на неучастие в исполкоме советов, чем они только развязали руки социал-демократам. Социал-демократы очутились таким образом целиком в собственной теплой компании. В исполком был избран предложенный социал-демократами список в 27 человек. Роль трех независимцев — народных уполномоченных: Гааге, Дитмана и Барта — в правительстве еще более снизилась, до степени ширмы, покрывающей все контрреволюционные действия социал-демократов.

Последний пункт программы съезда советов — вопрос о мирных переговорах — был поручен правительству.

Описывая деятельность 1 съезда советов, нельзя обойти молчанием той бешеной борьбы, которую вели его вожди за ограждение конгресса железной стеной от масс. Законы контрреволюции успешнее всего создаются в затхлой атмосфере закрытых окон и дверей. Каждое дуновение революции извне приводило в ужас это собрание. Массы «мешали плодотворной работе», отнимали у конгресса «драгоценное время». И чего им нужно было? Разве за них не думали умные и опытные люди вроде Козьмов, которые «десять лет трудились на службе партии и профсоюзам?» Президиум съезда, когда было невозможно совсем отказаться принимать делегации, принимал их, что называется, в коридоре, не подавая руки. Делегатам огромной, 250-тысячной демонстрации сначала по решению большинства вход в зал заседаний вообще был запрещен. Когда же рабочие притгрозили забастовкой, решено было выделить особую комиссию для приема этих и подобных им назойливых делегаций в какой-нибудь отдельной, уединенной комнате ландтага. Когда же делегация в порядке революционного права нашла себе доступ в зал заседания, председатель конгресса профсоюзный бонза Лейперт всячески подчеркивал «неловкость» создавшегося положения и поучал делегированных рабочих парламентарским приемам вроде того, что надо, мол, «привыкнуть» замолчать, когда раздается звонок председателя, и т. п. Надо сказать, что даже независимцы ни одним словом не протестовали против такого издевательского отношения к рабочим массам. После того, как делегация удалась, заявив, что германские рабочие придерживаются того мнения, что конгресс не защищает их интересов, Эмиль Барт спокойно продолжал пачатую им прежде речь, несколько не реагируя на «инцидент».

Несколько другую судьбу имели делегация и требования солдат берлинского гарнизона. Солдатская делегация была послана от 17 берлинских военных формирований. Она явилась со знаменами и лозунгами, требовавшими немедленного разоружения офицеров и т. д., и заняла место на эстраде президиума. При огромном смятении конгресса вождь делегации Доренбах зачитал следующие требования, которые согласно принятой солдатами резолюции должны были быть немедленно, в ударном порядке, разрешены.

1. *Верховный солдатский совет, состоящий из выборных делегатов всех германских солдатских советов, выполняет командование над всеми частями войска.*

2. *Воспрещается носить какие бы то ни было знаки военного отличия. Все офицеры должны быть разоружены.*

3. *За надежность военных частей и за сохранение дисциплины отвечают солдатские советы.*

Солдатская «программа» произвела сильнейшее впечатление и вызвала невероятный шум на конгрессе. Социал-демократы вскочили со своих мест и кричали о том, что волю конгресса поставили в зависимость от угроз и насилия. Они направились к выходу, и видно было, что они готовы были в крайнем случае сорвать съезд. Положение «спас» Гаазе. Несмотря на то, что часть его приверженцев, как Ледебур, высказалась за требования делегации, он ловко сманивировал, чтобы потушить пожар. Опять всплыло знаменитое «надо подождать».

Разумеется, Гаазе обljвил, что он стоит за скорейшее выполнение требований солдат, однако без дискуссии конгресс не может принять их. Он обещает солдатам, что за это время ничего не случится такого, что ущемло бы их права; он сам разделяет их недоверие к представителям старого режима в армии, но все же... нужно в полном спокойствии подождать до завтра. «Сейчас все слишком взволнованы. Отложим заседание до завтра. Завтра требования будут поставлены первым пунктом порядка дня. Разойдитесь по домам, завтра все обсудим».

Наспех проводится голосование, большинство за перенесение заседания. Делегация инстинктивно чувствует, что ее одурачили, но она растеряна от всех незнакомых ей парламентских приемов, от медоточивой речи Гаазе, от создавшейся угрозы срыва конгресса. С криками возмущения и протеста делегация в конце концов покинула зал заседания.

В последующее время действительно ничего не случилось, как обещал Гаазе. Одно только: солдаты взяли в работу всякие хитроумные независимцы, которым удалось уговорить их отказаться от первого, самого существенного пункта своих требований и принять компромиссное предложение: высшее командование находится в руках правительства под контролем исполкома советов.

Требования кроме того были переданы на рассмотрение специальной комиссии, которая внесла свои поправки, сводящие еще больше на-нет требования делегации:

1. *В гарнизонах военное командование осуществляется местными советами рабочих и солдатских депутатов при постоянном согласовании с верховным командованием. Военные вопросы, общие всем гарнизонам, разрешаются носителями высшей военной власти совместно с депутатами гарнизонов.*

Несмотря на все урезки, требования солдат все же нашли большее внимание, чем требования рабочих. Это объясняется, с одной стороны, наличием той реальной силы (оружия), которая находилась еще в руках солдат, а с другой стороны, слишком явными и опасными казались даже умеренным социал-демократическим массам контрреволюционные действия военщины. Эти-то обстоятельства заставили маневрировать социал-демократических вождей.

Предлагаемый документ является отчетом о работе конгресса, который Евгений Левине делал на собрании берлинских спартаковских представителей фабзавкомов.

Евгений Левине был одним из руководителей спартаковской оппозиции на конгрессе. Стенограмма конгресса дает лишь (да и то не полностью) представление о его личной роли в качестве организатора и автора ряда запросов и предложений, исходивших от спартаковцев и примыкавшего к ним революционного меньшинства конгресса. Однако этим роль Левине на конгрессе не ограничивалась, ибо жесткая фракционная борьба по всем вопросам съезда развертывалась не только на конгрессе, но и гораздо больше вне его официальных заседаний — внутри фракций и в межфракционных совещаниях.

Его деятельность прежде всего заключалась в тех внутренних фракционных схватках, которые ему приходилось выдерживать с независимцами, к которым организационно тогда еще примыкали спартаковцы. Левине тогда был одним из наиболее непримиримых противни-

ков этого организационного единства с независимцами, которых он считал левицовой гирей на ногах спартаковского движения и основным источником его слабости. Эта организационная слабость особенно сильно выявилась на конгрессе. Только в конце съезда, когда отсутствие самостоятельных выступлений выявилось так катастрофически, спартаковцы подняли вопрос: сколько же представителей они имели на конгрессе? Оказалось, что с помощью своих 12 делегатов они могли найти достаточное количество сторонников, чтобы образовать самостоятельную фракцию (для ее создания формально требовалось 20 делегатов) и избежать по крайней мере нелестного для себя вопроса: «где же были спартаковцы?»

Левине дает яркую характеристику контрреволюционной роли шейдемановцев: «Мы считаем, что Эберт по меньшей мере так же готов стрелять в отцов и матерей¹, как Вильгельм Гогенцоллерн». Независимцы Гаазе и Дитман не только прикрывают, но и прямо поддерживают контрреволюционные шаги социал-демократического правительства, направляющего — в союзе и по приказу генералов — штыки прежде всего против рабочих.

В своем отчете Левине поднимает целую сумму других проблем, встающих на данном этапе перед рабочим классом, вплоть до организационно-хозяйственных проблем, как социализация, рабочий контроль, вопрос о заводском «патриотизме» и т. п. Его основной вывод сводился к тому, что необходимо все силы сосредоточить на организации системы советов, фабзавкомов и прежде всего партий-

¹ Ходячее выражение последнего кайзера.

ной организации по принципу заводских ячеек на предприятиях. Опыт Октябрьской революции ему рисуется как образец, которому должны с соответствующими изменениями и приспособлением его к своим особым историческим условиям последовать германские рабочие. При этом Левине особенно подчеркивает роль масс в революции, значение их инициативы. Левине подчеркивает очень важный в условиях бюрократизации рабочих организаций в Германии принцип сменяемости, право отзыва депутатов из советов, а также право их регулярных переизборов. Особенно в Германии этот вопрос имел большое значение, где после измены социал-демократии в 1914 г. множество рабочих охватило разочарование и сомнение: не пойдет ли тем же путем измены и всякая другая партия? Где гарантия, на кого надеяться?

Массам надо было показать, что гарантия лежит прежде всего в другом принципе организации пролетарской партии, обеспечивающем постоянную живую связь с пролетарскими массами. Основной вывод, вытекающий из отчета Левине, был тот, что без политической и организационной самостоятельности, без оформления революционных рабочих в крепко спаянную пролетарскую партию, построенную по принципу демократического централизма, германская революция не может рассчитывать на победу.

Отчет Евгения Левине печатается по единственному сохранившемуся в моем личном архиве экземпляру, до сих пор нигде не опубликованному. В нем имеются пропуски и пробелы, оставшиеся незаполненными, так как Левине в огне революционной борьбы не успел лично выправить стенограмму своего доклада.

ДОКЛАД О РАБОТЕ СЪЕЗДА СРД

и задачах РЕВОЛЮЦИОННЫХ ФАБЗАВКОМОВ

ЕВГЕНИЙ ЛЕВКНЕ

Товарищи!

Два дня тому назад закрылся съезд советов. Вы констатировали отчеты в газетах, и я не хочу утомить вас и рассказывать вам снова содержание речей и прений, которые вам уже известны. Я хочу пока ограничиться оценкой съезда, теми уроками, какие мы должны извлечь из него для нашей дальнейшей работы в рабочих и солдатских советах.

Мы с самого начала не возлагали больших надежд на этот съезд. Мы с самого начала знали, что мы, спартаковцы, левая, будем там в ничтожном меньшинстве. Мы знали также, что и наш сосед справа, независимцы, также не будет иметь большинства. Все же мы не могли предполагать, что съезд примет такой безоградный характер, как это было в действительности. Мы не могли представить себе, что, как выразился один товарищ¹, большинство получат хитроумные партийные секретари и усердствующие профсоюзные чиновники, равнодушные к интересам рабочих, исходящие лишь из узких фракционных интересов и готовые в целях улавливания мандатов в Учредительное собрание поставить на карту интересы рабочего класса и революция.

Какие же вопросы оказали существеннейшее в решающее влияние на постановление съезда?

Прежде всего те, которые были отклонены. Фракция независимцев под нажимом делегатов-спартаковцев внесла предложение, чтобы съезд советов объявил себя верховной законодательной и исполнительной властью. Сначала маленькая интересная подробность: это предложение должно было быть внесено сейчас же по открытии съезда. Но мягкотелым независимцам удалось оттянуть дело и добиться того, чтобы резолюцию не поставили при открытии съезда в виде требования, а поставили между прочим, среди других предложений к первому пункту, и отклонили ее.

Уже эта резолюция показывает, что для понимания хода и исхода съезда нам необходимо себе уяснить, каковы были взаимоотношения между группой спартаковцев и независимцами. Ибо вы все должны были при чтении отчетов съезда с удивлением себя спросить: «Куда девались спартаковцы?» Вы знали, что многие из нас сидят там, и тщетно вы спрашивали себя: «Куда же делись эти люди?» Или же, слушая изредка речь, вы спрашивали: «Где же тут основная установка, отделяющая спартаковцев от независимцев?»

Произошло же все, собственно, из-за пустяка. Подобно тому, как одна песчинка может увлечь за собой целую лавину, так и тут один организационный промах с самого начала сделал ситуацию спартаковцев безнадежной. Я хочу сначала остановиться на этих узко фракционных делах, чтобы показать вам, как они парализовали нас и отняли у нас возможность работать.

Перед съездом советов мы созвали совещание всех спартаковцев.

Либкнехт поставил вопрос: «Что же мы будем делать, если независимцы не внесут наших предложений?» На это товарищи заявили: «Тогда мы их внесем сами. Мы обязуемся внести их сами». На следующее утро в 8 ч. — фракционное заседание независимцев. Бесконечные прения, разговоры. Нам заявляют: «Да, мы стоим на платформе всех предложений, но нельзя действовать паскоком. Предложение о том, что

¹ Этим товарищем был сам Левкне, который не любил говорить в первом лице.

с'езд рабоче-солдатских советов объявляет себя верховной властью. следует внести не при открытии с'езда, но к первому пункту порядка дня...

То же самое и с международным позыванием. Предложение пригласить Либкнехта и Розу Люксембург было принято. Остальные предложения не были обсуждены. Фракция не успела их рассмотреть, так как в 10 часов открылся с'езд. На с'езде разглагольствовало следующее.

Накануне была избрана рабочая комиссия, ее секретарем — Гейер, который тоже шатался во все стороны. Руководящей оказалась типично центристская линия, которая выдвинула на передний план интересы независимцев, так что спартаковская группа при это куда-то исчезла. Гейер заявил, что мы не можем внести те резолюции, которые еще не были обсуждены. «Но вы же обязались их внести!» На это умеренные независимцы заявили: «Да, мы говорили это, если резолюции будут отклонены. Но их еще не обсуждали, следовательно мы их не будем вносить».

Прения по регламенту. Резолюция о приглашении Либкнехта и Розы Люксембург была под руководством шейдемановцев отклонена.

Резолюция о международном воззвании исчезла. Мы не знаем, куда она делась. Ее якобы передал секретарь независимцев секретарю с'езда. Передвижка, смысл которой стал ясен лишь на следующем заседании, когда было объявлено, что предложение исчезло и что мы хотим его внести снова, а министры заявили, что это — вызов Антанте. Если с'езд обращается к народам Антанты через головы правительства, то правительства Антанты могут использовать это как повод для объявления войны.

Мы заявили, что оставление на своих постах Зольца и Эрцбергера является гораздо более провоцирующим актом. «Это вы допускаете. Но когда мы хотим обратиться к народу, вы ставите нам палки в колеса».

Таким образом продуктивная работа вместе с независимцами была с самого начала невозможна. Все дискуссии в среде независимцев вращались в той плоскости, что правое крыло дрожало, как бы левое не зашло слишком далеко.

Предложение о возобновлении сношений с Советской республикой было передано некоему товарищу Циглеру, которого я по сей день в глаза не видел. Я был на предварительном совещании и не знаю, как было дело. Однажды я читаю в «Берлингер тагеблат»: «Товарищ Циглер взял свое предложение о возобновлении сношений с советским правительством обратно».

Итак, дело попало в корзину для бумаг какого-нибудь члена правительства, причем самое предложение было внесено в такой хитрой форме, что вообще не было известно, что этот вопрос ставился на обсуждение. Пока мы получили подпись от фракции, было уже поздно. Мы предложили, чтобы выступил Брасс. Он протестовал очень слабо, так что с'езд отклонил предложение. Впрочем он бы его и так отклонил, ибо это было заранее решено. Это — маленький пример того, как режиссеры действовали за кулисами.

Конечно в важнейших вопросах, как Учредительное собрание и объявление с'езда советов верховной властью, у нас не было никаких иллюзий. Мы знали, что с'езд выскочит за Учредительное собрание. Также и по второму вопросу первого пункта — по отчету правительства и исполнительного комитета — мы знали, что с'езд выразит им доверие. Было также ясно, что ничего не выйдет из доклада о социализации. Докладчик Гильфердинг своими «сомнениями» и боязнью совсем задушил социализацию. Но никак не должен был и всплыть вопрос, с которого и начал: куда делась группа спартаковцев?

К концу с'езда мы устанавливали, что мы имели на с'езде двенадцать спартаковцев. Для образования фракции требовалось двадцать человек. Мы легко могли бы завоевать среди солдат восемь человек, и тогда мы могли бы выступить как фракция, самостоятельно выдвигающая своих докладчиков. Все это было задушено среди кучи совещаний и дискуссий с фракцией независимцев. Вместо того, чтобы выступить с трибуны с'езда, мы были связаны с фракцией независимцев, которая висела на наших ногах, как свинцовая гиря, причем это была весьма коварная гиря, которая иногда образцовала маленькие передвижки в списке ораторов и всеми способами парализовала нашу деятельность.

Далее, чрезвычайно важно и то, что разыгрывалось во фракции за кулисами. Несомненно, что мы ни в какой мере не могли влиять на фракцию в нашем духе.

Одно дело выступать на массовом собрании независимцев. Тут, по влюбленной поговорке, спартаковцы могут «хлестать налево». Но господа, сидящие во фракции, обладают такой долгодетней толстой шкуркой парламентского равнодушия, что удары нашего кнута не могут их расшевелить. Дитман, добивающийся объединения социал-демократов с независимцами, другие, выступающие за совместные списки в Учредительное собрание, да еще товарищ Луиза Цитц, стоящая за объединенные списки,—все они хладнокровно относятся к нашему подстегиванию. Напротив, оно весьма им неприятно, и в своем раздражении они идут еще более направо.

Нужно положить конец этому неестественному союзу, этому браку между рыбой и молодым львом. Мы не можем быть вечно для независимцев кнутом, который их подстегивает. Что это за союз между кнутом и ослом, который, упрямо развалившись, заявляет: «Подстегивай, подстегивай! И все же не тронусь с места!» Если мы еще долго будем идти вместе с независимцами, ослами окажемся мы сами.

Я хочу вам показать, как мы постоянно связаны тем, что оглядываемся на независимцев. Мы надеемся потянуть их за собой и отказываемся от влияния на массы. А вместо этого нас тянут направо. Разве задача революции заключается в том, чтобы тянуть туда и обратно тысячу человек?

Наконец в первый раз фракция независимцев собралась с силами и решила, что она не будет участвовать в выборах в Центральный совет. Это решение было опубликовано. Гаазе и Дитман открыли против этого бешеное наступление. Постановление было принято огромным большинством. Но даже в этом единственном случае, когда левые независимцы дали себя увлечь, у них нехватило энергии сделать необходимые политические выводы из собственных же решений. Когда мы на следующий день сказали, что, раз мы не участвуем в выборах в Центральный совет, наши люди не могут оставаться в правительстве, и когда мы от них весьма энергично потребовали выхода из правительства, Гаазе заявил: «Я лишь тогда уйду из правительства, когда этого потребуют соответствующие инстанции». Итак, известные инстанции, т. е. партийное руководство и партийный съезд. А так как партийный съезд, несмотря ни на какие требования, не созывается, а партийное руководство—это сам Гаазе, то можно очень долго ждать.

На нас еще кроме того яростно напали. Нас упрекали в том, что мы, спартаковцы, меньше всего имеем права выдвигать такое требование, так как мы наполовину находимся уже вне партии. Товарища (Левине) упрекали в том, что он на прямой вопрос ответил: «Да, я еще состою в партии независимых». Вопрос был заострен не на принципиальных моментах, должны ли мы принимать участие в правительстве, когда вся власть передана народным представителям, а сведен к личным предрассудкам, что мы-де отнимаем у них плоды их политики.

Какова была благодаря таким взаимоотношениям между спартаковцами и независимцами общая ситуация на съезде? Было следующее.

Дирижерская палочка находилась в руках у социал-демократов. После коротких полуторадневных колебаний солдаты-фронтовики были побеждены речами о спокойствии и порядке. Их опутали блестящим образом. В ландтаге устраивали для солдат специальные собрания и т. д. Буржуазия, демократический союз стояли целиком на стороне социал-демократов, а независимцы, вместо того чтобы решительно и последовательно выступить против них, всячески лавировали для того, чтобы избежать необходимость отозвать своих народных комиссаров Гаазе, Дитмана и Барта. Спартаковцы же брали измором, скользя их разного рода регламентами, передвижкой их ораторов и т. п. Участь съезда была решена.

Результаты были таковы:

Предложение объявить съезд советом законодательным собранием отклонено.

Дважды внесенное предложение о приглашении Розы Люксембург и Карла Либкнехта отклонено.

Предложение об интернациональном воззвании к народам Англии и Франции сначала исчезло, а затем, внесенное вновь, отклонено.

Предложение возобновить сношения с советским правительством сначала было взято обратно без всякого на то права, а затем, вновь внесенное, отклонено.

Все это понятно само собой. Как же могло быть иначе!

Первый пункт: Германия — единая социалистическая республика. Ведь именно против этого стоят социал-демократы. Они не желают социалистической республики.

Требование солдат имело больше успеха, так как, с одной стороны, за ними стояла вооруженная сила, а с другой — обострился конфликт с верховным военным командованием. Верховное военное командование вообще не ответило на запрос народных уполномоченных. Это обострило взаимоотношения, так что народные уполномоченные теперь сами для своей собственной защиты нуждались в вооруженной силе. В соседней комнате происходит прием солдатской депутации. Идут переговоры об изменении ее требования. Это требование было правильным, ибо солдаты желали, чтобы верховное командование находилось в руках солдатского совета. Слова начинаются всяческие махинации.

Мы конечно хотели сделать Центральный совет верховной властью и передать ему верховное командование. Вместо этого верховное командование было передано народным уполномоченным. Итак, шесть человек распоряжаются всей армией германского государства. Положение остается тем же, что и прежде. Прежде у нас был один Вильгельм II, теперь у нас будет шесть Вильгельмов. Если армия не будет должным образом сатирирована, эти шестеро смогут действительно распоряжаться в ней, как прежде. А мы считаем, что Эберт по крайней мере так же готов стрелять в отца и мать, как Вильгельм Гогенцоллерн. Поэтому в этом решении заключается огромная опасность.

Но вот после трагедии наступает маленькая комедия. Народные уполномоченные, осмелившиеся забрать власть у рабочих представителей, у Центрального совета, потеряли все свое мужество перед лицом Гинденбурга и его генералов. Они имели мужество заявить, что верховная власть не принадлежит Центральному совету. Но они не имели мужества заявить Гинденбургу: «Только нам принадлежит верховная власть!» Они заявили: «В согласии с верховным военным командованием».

Это очень резко характеризует создавшееся положение. Народные уполномоченные принимают, что они висят в воздухе и что они должны опереться либо на рабочие массы, т. е. на Центральный совет, либо на контрреволюцию, т. е. на верховное военное командование. И Эберт, Шейдеман, Ландсберг при благосклонном сочувствии Гаазе, Дитмана, Барта предпочли укреплять свою власть в союзе с верховным военным командованием, опираясь на штыки, направленные против рабочего класса. Это — один из ужаснейших результатов съезда. Мы все должны это себе уяснить. Рядом с этим совершенно исчезает маленькое завоевание, что командование на местах находится в руках местных рабочих и солдатских комитетов совместно с верховным военным командованием, ибо ведь местное командование находится в руках рабочих и солдатских комитетов опять-таки лишь совместно с верховным военным командованием, причем ведь последнее не подчиняется народным уполномоченным, а обладает с ними почти что равными правами. Таким образом решающим является всегда верховное военное командование.

Вплоть до Учредительного собрания народные уполномоченные получили право издавать декреты, с помощью которых они под мягкой подушкой своей социалистической любви к Советам окончательно задушат полумертвое дитя — советскую систему. А затем скажут: «Теперь больше нет советов, значит Учредительное собрание тем более является результатом революции».

Итак, опасности, угрожающие рабочим организациям, огромны. Съезд их чрезвычайно обострил. Не шесть народных уполномоченных, а шесть уполномоченных от Гинденбурга, Эберта стоят сейчас во главе государства. Облеченные полнотой власти, они могут удушить вынужденные рабочие и солдатские советы, как это имело место в Нейкельне. Я не собираюсь сейчас разоблачать махинации шейдемановцев. Меня интересуют они лишь постольку, поскольку в них участвовали и независимцы. Однако ведь весь съезд в своем большинстве полностью приложил печать к этой контрреволюционной политике.

И если под конец еще наспех поставили вопрос о социализации, то это интересно в другом отношении, — это указывает на вторую опасность, а именно — мнимым социализмом они всегда будут пытаться прикрывать свою работу палачей. На это на этих днях указывала «Роте фане». В прошлых революциях борьба происходила просто с открытым забралом. Контрреволюция действовала открыто, она громко заявляла о своих верноподданнических чувствах, она не пряталась. Ныне борьба осложняется тем, что контрреволюция прячется под маску социал-демократов. Наши враги будут облачаться в эту маску вплоть до передачи власти буржуазии.

В такой обстановке мы вступаем теперь в борьбу. Это не только избирательная борьба, это, по-настоящему, борьба за существование, которая предстоит теперь всем рабочим организациям, всей советской системе. Прощлый раз я пытался в кратких чертах обрисовать советскую систему в России и сравнить с ее деятельностью работу германских советов за время революции. На русском примере я пытался показать, что нужно было сделать в первые дни. Теперь ситуация изменилась. Теперь, говоря о задачах германских советов, мы не можем действовать по готовому шаблону. Теперь мы не можем сказать, что, мол, мы должны действовать так, как действовали русские, ибо они действовали тогда так, имея в руках власть.

Возьмем к примеру какой-нибудь нижнерейнский совет, который был организован путем соглашения между социал-демократами и независимцами. Нашей первой задачей является создать такую советскую организацию, которая не числилась бы только на бумаге. Советская организация, которая числится лишь на бумаге, может быть задрана. Наша задача в ближайшее время — заново перестроить работу с самых низов. В крупных предприятиях я предлагаю действовать по русскому образцу: не выбирать десять или двенадцать человек непосредственно на каком-нибудь собрании, ибо тогда снова выберут лишь наиболее хороших ораторов или вождей партий, а не людей из массы, но сначала организовать в каждом цехе цеховой комитет. В русской советской организации на крупных предприятиях главной основой был цеховой комитет. Ценность цехкома заключается в том, что здесь рабочие могут контролировать своих представителей и в любое время заставить их отчитаться в том, что они сделали. И если они оказываются политически не на высоте, их можно немедленно отозвать и заменить другими. Из цеховых комитетов затем организовались фабрично-заводские комитеты. То же самое я рекомендую и для нас. Этим мы, во-первых, добьемся объединения всех цехкомов и, во-вторых, — сменяемости делегатов.

Но вот вопрос: могут ли в фабрично-заводские комитеты избираться лица, не работающие на данном заводе? Чтобы туда не смогли проникнуть профсоюзные чиновники, я думаю, что следует выбирать лишь людей с данного завода. Но к этому нужно присоединить другое требование: непременно разрешить предвыборную агитацию. И при этом абсолютно не необходимо ограничивать агитацию и докладчиков кругом лиц, непосредственно занятых на заводе: могут быть и другие лица. Массе необходимо разъяснить, в чем состоит деятельность фабрично-заводских комитетов. На большинстве заводов найдутся товарищи, которые сумеют очень успешно работать. На других заводах может не оказаться достаточно политически зрелых товарищей. Мы должны оговорить себе возможность привлечь на собрания людей не с завода. Точно так же фабричкомы должны иметь право приглашать на свои заседания людей извне с совещательным голосом.

Избрание незанятых на данном заводе людей не является необходимостью, но когда всплывает важный вопрос, почему бы нам лишить себя возможности пригласить Розу Люксембург и Либкнехта, и если в завкоме сильно представлены социал-демократы, то так и быть, дайте выступить Эберту для того, чтобы завком мог познакомиться с настоящими делами этого человека.

Всю предстоящую борьбу мы сможем провести, лишь опираясь на массы и спаяв эти массы в крепкую организацию. Теперь необходимо развивать фабзавкомы и устраивать пере выборы там, где они были организованы случайным образом, и даже на то, что при этом в завкомы смогут пройти социал-демократы или христианские социалисты. Это необходимо для того, чтобы проложить дорогу настоящей советской системы. Но необходимо допущение предвыборной пропаганды и возможность отзыва каждого делегата.

Наше существенное отличие от социал-демократов и заключается как раз в том, что мы имеем возможность в любое время отозвать делегата, если он не поспевает за событиями. На этой базе необходимо вести агитацию в фабрично-заводских комитетах. Далее, нужно будет провести широкий рабочий контроль, причем конечно руководящие товарищи, т. е. присутствующие здесь спартаковцы, должны будут разъяснить в своей агитации рабочим, что социализм означает передачу предприятия не в их собственность, а в собственность общественную. Затем можно будет сделать новый шаг вперед. Солдатские и рабочие советы превратились в лучшем случае в контрольные инстанции. Фабрично-заводские комитеты сейчас — это наша железная дивизия, посред-

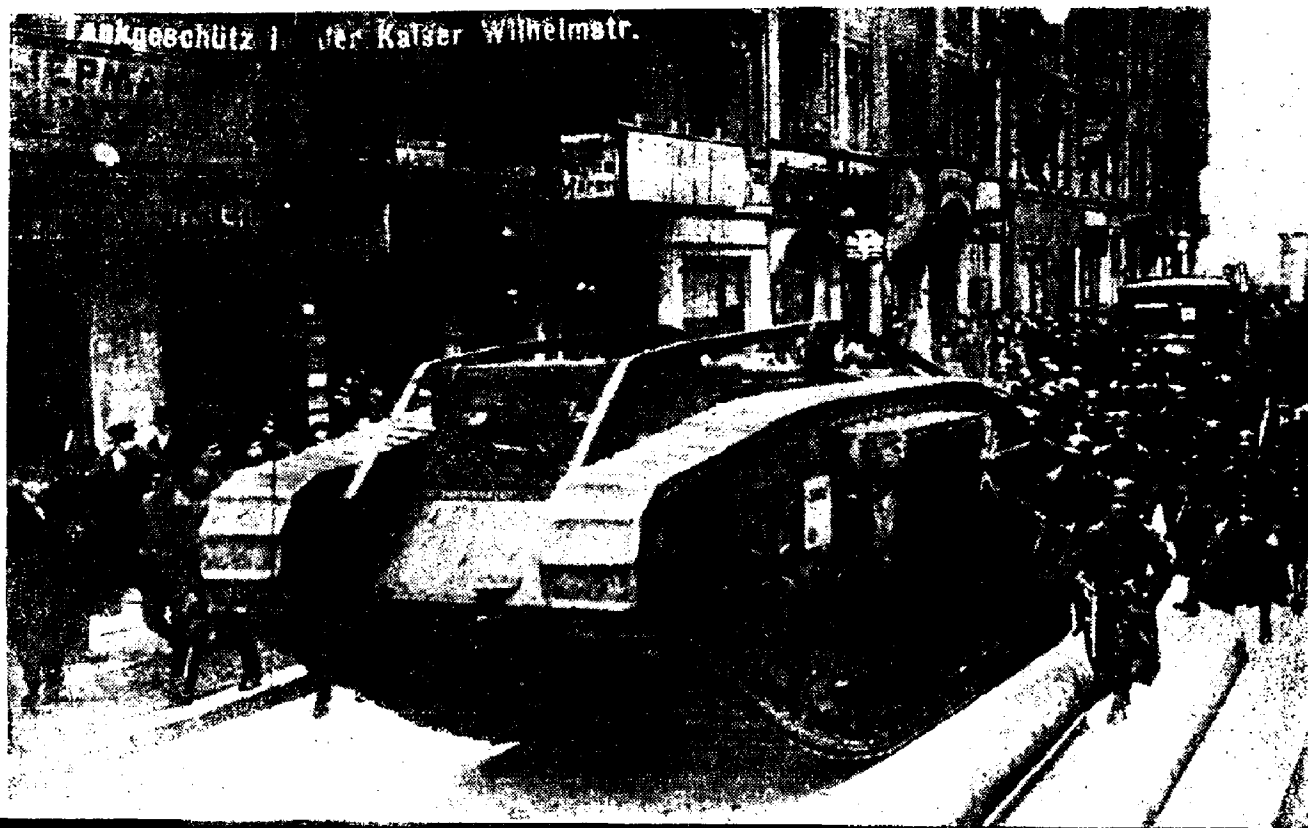
своей которой мы должны вести революционное контр наступление. В первую очередь необходимо провести в фабрично-заводские комитеты наших товарищей. В каждом комитете мы должны иметь по крайней мере одного товарища, который повел бы фабрично-заводской комитет по нашему пути. Когда это будет сделано, сможем перейти ко второму пункту нашей задачи: конференции заводских комитетов, конференции как по округам, так и по промышленному признаку. Это имеет огромное значение.

Если мы сумеем создать такую организацию, тогда нам ни в какой мере не страшно будет и Учредительное собрание. Тогда пусть оно заседает, где хочет. Фабзавкомы будут делать то, что нужно.

„индивидуальные уполномоченные“ Эберт и др. Внизу шпенбургские танки на улицах Берлина, посланные для усиления восставших.

...„народные уполномоченные“ предпочитают укрепить свою власть в союзе с верховным командованием, опираясь на штыки, направленные против рабочего класса...

Мы предложили бы, чтобы рабочие советы, насколько возможно, крепко держались за свои права. Если их разобьют, тогда они должны попытаться из фабрично-заводских комитетов организовать новый рабочий совет. Причиной нашей слабости было то, что наши рабочие и солдатские советы не имели корней в массах.

Гаазе и Эберг издали декрет о том, что солдатские советы обладают лишь совещательным голосом. В тех войсковых частях, где солдатские советы были назначены сверху, они капитулировали. Там же, где они выбирались, они не уделили декрету ни малейшего внимания. Там, где рабочий совет действительно будет опираться на фабзавкомы, он будет боеспособным.

И самый важный вопрос. Чтобы действовать так, мы должны попытаться ввести наших спартаковцев в завкомы. наших людей, но не «наших» независимцев.

Вчера очень много говорили о социализации. С социализацией дело никогда не обстоит так плохо, как сейчас. Когда избирали комиссию по социализации, нужно было набирать людей, убежденных в возможности и необходимости социализации, которые обсудили бы, как ее осуществить. Вместо этого избрали людей, которые обсуждают вопрос, нужна ли вообще социализация, избрали представителей капитализма, профессоров, из коих Ледерер заявляет, что он едва считает возможным сейчас приступить к социализации. Но вот на съезд советов являются люди и рассказывают, что в Гамбурге какой-то товарищ то-то и то-то говорил о социализации рыболовных судов, причем сам он ничего в рыболовных судах не смыслит. Да, мы все, здесь присутствующие, ничего не смыслим в рыболовных судах! И все же мы можем утверждать, что рыболовные суда также должны быть социализованы.

..На рентабельных предприятиях рабочие снабжаются прекрасно, в то время как во других заводах они должны работать с дефицитом. А мы видели попытку со стороны немецких предпринимателей предоставить нерентабельные предприятия рабочим. И еще другая опасность, и к тому же опасность практического порядка: рабочий контроль позволил рабочим войти во всю работу предприятия, и мы это приветствуем. Но так как они при этом исходят не из общих интересов, а из интересов данного отдельного предприятия, то может произойти следующее: у нас недостаток сырья; во главе же завкома одного небольшого завода может оказаться весьма предприимчивый товарищ, который заявит: прежде всего я должен восстановить свой завод, чтобы мои товарищи имели работу. Он использует все свои связи, и ему удается получить для своего маленького завода больше угля, чем другому заводу, на котором вдесятеро больше рабочих. Итак, налицо заводской патриотизм, делающий невозможным справедливое распределение сырых материалов. Схематическое распределение невозможно. Распределение по количеству рабочих было бы также несправедливым, ибо завод со 100 рабочими относится к заводу с 10 тыс. рабочих, как 1 к 100. Однако же нет нужды давать небольшому заводу в 100 раз меньше угля, а гораздо рентабельней совсем его закрыть и перевести эти 100 рабочих на большой завод, включив их в его состав.

Опасность грозит со стороны еще несознательных рабочих, которые идею участия в контроле производства могут превратить в примитивный несоциалистический заводской патриотизм. И эта опасность становится особенно актуальной в тот момент, когда заводской комитет начинает влиять на распределение сырья и работы. Нужно ли поэтому отказаться вообще от идеи фабзавкомов? Конечно нет! В России развитие шло несколько иным путем. И по следующим основаниям: в период контроля производства разразилась Октябрьская революция. Она преобразовала заводские комитеты в иные организации, ибо в тот момент, когда пролетариат пришел к власти, фабзавкомы утратили свой характер движущей силы революции и стали административно-организационным аппаратом, своего рода подсобным правительственным аппаратом, который совместно с правительством должен был обеспечить распределение сырья. Таким образом задачи несколько изменились. Прежде всего отпала необходимость в контроле производства, ибо при национализации можно было самим производить отбор заводов, а не предоставлять это предпринимателям.

Сначала были национализированы наиболее рентабельные предприятия. И тогда фабзавкомы сохранили свое значение для внутреннего распорядка на заводе, а что касается общих организаций, то было предпринято объединение их по промышленному признаку.

(На этом стенограмма обрывается)

**Ф. П. МАТВЕЕВ ИЗ ЗАПИСНОЙ
КНИЖКИ ДЕПУТАТА „17-ГО
ПЕХОТНОГО ПОЛКА“**

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, март—май 1917 г.).

Для того, чтобы понять историю Февраля, нужно знать историю Февраля и прежде всего историю того «глубокого пролетарского и массово-народного... движения революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу» (Ленин), которое явилось основной движущей силой Февральской революции. Изучение истории этого «глубокого пролетарского и массово-народного движения» тем более необходимо, что меньшевистские и троцкистские историки сделали все, что могли, для того, чтобы ее извратить. Стремясь доказать, что Октябрьская революция имела не социалистический характер, они фальсифицировали и историю Февраля, извращая роль большевистской партии, всячески заглушая роль пролетариата. В их изображениях истории Февральской революции эта революция выглядит как шарадный спектакль, в котором архирреволюционная буржуазия борется за власть, в то время как массы покорно выполняют ее распоряжения. Они тщательно запрятывают все факты, свидетельствующие о том, что уже самый процесс борьбы за свержение самодержавия происходил в неразрывной связи с процессом классовой борьбы пролетариата против буржуазии, что в феврале пролетариат был гегемоном революции.

Поэтому для нас представляют огромную ценность все те исторические документы, которые освещают классовую борьбу пролетариата и широких народных масс против буржуазии в дофевральский и послефевральский периоды. Особенно ценны для нас материалы, показывающие, что массы в этот период рвались в бой и что меньшевики и эсеры были теми партиями, которые, обманывая революционные массы, всячески пытались задержать немедленное развертывание революционной борьбы.

С этой точки зрения рецензируемая нами книга представляет очень большой интерес. Книга эта является подлинным документом эпохи. Она состоит из записей, делавшихся г. Матвеевым, депутатом Петроградского совета, с первых же дней революции, во время заседаний совета. Записи эти представляют интерес со многих точек зрения: во-первых, они дают материалы о нескольких заседаниях советов, о ко-

торых остались лишь очень бедные материалы; во-вторых, по этим записям можно установить, как фальсифицировались меньшевистско-эсеровскими руководителями совета отчеты о его заседаниях; в-третьих, эти записи дают очень многое для суждения о настроении масс.

Наибольший интерес из всего этого представляют материалы, дающие возможность установить фальсификацию в документах, оставшихся от этого периода. Приведем несколько примеров этой фальсификации, вскрываемой записями г. Матвеева. Возьмем заседание рабочей секции совета 7 марта, на котором обсуждался один из острейших вопросов тех дней — вопрос о прекращении забастовки, — и сделаем сопоставление секретарской записи с записью Матвеева. Буржуазия и соглашательский блок требовали возобновления работ; пролетариат, рвавшийся к борьбе за дальнейшее развитие революции, продолжал забастовку; его требование поддерживала большевистская партия. Вопрос был поставлен на заседании совета, причем заслушаны были доклады с мест. Вот как передают эти доклады записи меньшевистского секретаря и записи солдата Матвеева:

Трубочный завод. Секретарская записка: «Решено приступить к работам. Администрация заменена новыми офицерами по указанию самих рабочих». Запись Матвеева: «Устранены администрация и генералы. Присоединяется к республике. Рабочие Трубочного завода с некоторыми трениями приступили к работе, так как не хотели выражать недоверие совету. Нужно ввести 8-часовой рабочий день»

Нарвский район. Секретарская записка: «К работам приступили с предъявлением основных экономических требований».

Запись Матвеева: «Мы не приступим до тех пор, пока правительство не согласится с нашими требованиями».

Пекаря. Из секретарской записи: «Владельцы пекарен отчасти создают искусственную безработицу». Из записи Матвеева: «Владельцы пекарен нарочно не открывают пекарен для того, чтобы мы работали на старых экономических началах. Рабочие предлагают принудительно конфисковать»...

Как видим, расхождение довольно большое, и к тому же вполне отчетливое. Большевистский секретарь явно замазывает невыгодные для меньшевиков факты. Размеры рецензии не позволяют нам остановиться на других подобных же рода подделках в других официальных отчетах, например в отчете о заседа-

нии солдатской секции совета от 8 марта. Но там мы увидели бы ту же тенденцию.

Записи г. Матвеева дают очень богатый материал для суждения о настроениях масс. Автор этих записей был в первые месяцы революции типичным представителем массы, тесно с ней связанным и выражавшим полностью ее настроение. Поэтому то, о чем он писал в своей записной книжке и как он об этом писал, даст нам очень многое для уяснения массового движения в эти годы. Когда он с большей тщательностью, чем в официальном отчете, записывает речь представителя большевистской партии, когда он записывает речь депутата, заявившего: «Не мы для правительства, а оно для нас. Так что оно должно выполнять наши требования, если оно не согласится с чем-нибудь, мы опять возьмем за оружие», — это дает нам очень много.

В части, касающейся записи речей рядовых депутатов совета, в записной книжке имеется много таких материалов, которые отсутствуют в газетных, а иногда даже и в стенографических отчетах. Меншевикско-эсеровские руководители советов с таким пренебрежением относились к голосу массы, что даже не ставили задачи хотя бы записать речи ее депутатов.

Издание записной книжки г. Матвеева — безусловно очень удачный шаг Ленинградского института истории партии.

Записной книжке предпослана вступительная статья, дающая краткий очерк истории Петроградского совета. По поводу этой статьи мы хотели бы сказать следующее: мы считаем, что для того, чтобы подлинным образом подвести читателя к пониманию записей г. Матвеева, авторы статьи должны были бы уделить значительно больше внимания вопросам работы большевистской партии в совете. В записях г. Матвеева эти вопросы не получили — и не могли получить — необходимого освещения, ибо он — в то время беспартийный солдат — не имел о них сколько-нибудь ясного представления. И для того, чтобы под-

линным образом раскрыть значение сущности матвеевских записей, нужно было поставить вопрос о роли большевистской партии — этот центральный вопрос революции — со всей глубиной и полнотой и дать в вводной статье, а также и в примечаниях, гораздо больше материалов о работе большевистской партии по завоеванию совета.

Авторы же предисловия уделили главное свое внимание деятельности меньшевикско-эсеровского исполкома, сведя освещение истории большевистской партии к минимуму.

Второе наше замечание относится к характеристике пленарного заседания Петроградского совета от 31 августа как «диалектического скачка (!) в процессе нарастания противоречий между соглашательским исполкомом и большевизировавшейся массой депутатов». Должны признаться, что мы решительно не понимаем, что это за «скачок», почему он «диалектический», а главное — зачем нужна эта непонятная и бессодержательная гегельянщина?

Остановимся также на технике издания документов. Составители правильно поступили, когда они сопроводили записи г. Матвеева примечаниями и сохранившимися текстами стенографических и секретарских записей. Но по непонятным нам причинам они пределали эту работу лишь по отношению к части записей, совершенно этого не оговорив и не объяснив также и того, почему они обработали именно их, а не всю часть. Вообще же на примечаниях имеется налет случайности и бессистемности. Нельзя не выразить пожелания, чтобы в научной обработке последующих публикаций Ленинградского института истории партии было больше системы и продуманности.

Вместе с тем — и это главное — необходимо со всей остротой подчеркнуть, что освещение истории нашей партии, ее роли, ее борьбы должно занимать центральное место в каждой исторической работе, посвященной истории массового рабочего движения в 1917 г. и в частности и в особенности истории Советов.

Л. Н.

И. Н. П.
Набине 1931 ГОДИН

